

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра истории России

На правах рукописи

Рябов Сергей Михайлович

Дипломатические, династические и экономические контакты Русского
государства и Французского королевства в 1558–1581 гг.

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, доцент
Редин Дмитрий Алексеевич

Екатеринбург – 2024

Оглавление

Введение	4
Глава I. Становление русско-французских отношений и эволюция политики династии Валуа на севере и северо-востоке Европы: от Средневековья к раннему Новому времени	26
§ 1. Политика дома Валуа в Балтийском регионе и русско-французские контакты во второй половине XV – первой половине XVI в.	28
§ 2. Русское государство и Французское королевство в годы Северной семилетней войны	48
§ 3. Русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х гг.	75
Глава II. Московская Русь и Франция в контексте геополитических коллизий в Балтийском регионе первой половины 1570-х гг.	87
§ 1. Варфоломеевская ночь и реакция на нее в странах севера и северо-востока Европы	91
§ 2. Русское государство как оппонент политике Франции	112
§ 3. Русско-французская торговля на Балтике в первой половине 1570-х гг.	131
Глава III. Русско-французские контакты в годы Московской войны	137
§ 1. Французские известия о Русском государстве и польско-шведском реванше в Ливонии	139
§ 2. Русско-французская коммерция в 1575–1581 гг.	160
Заключение	167
Список сокращений	172
Список источников и литературы	173
Приложение I. Послание Фредерика II, короля Дании, к Карлу IX Валуа, королю Франции. 6 ноября 1561 г. Фленсбург	206
Приложение II. Послание Фредерика II, короля Дании, к королеве-матери Екатерине Медичи. 8 июля 1567 г. Копенгаген	209

Приложение III. Послание Сигизмунда II Августа, короля Польши и великого князя Литовского, к Карлу IX Валуа, королю Франции. 28 июля 1568 г. Кнышин	213
Приложение IV. Послание Юхана III Васа, короля Швеции, к Карлу IX Валуа, королю Франции. 13 октября 1568 г. Стокгольм	222
Приложение V. Краткое рассуждение об удивительном приведении Великого княжества Московии в послушание Святой Христианской Апостольской и Римской Церкви и о других вещах, достойных упоминания, которые произошли в Риме в нынешнем 1581 году	230

Введение

Вторая половина XVI в. была временем масштабных геополитических трансформаций, существенно отразившихся на дальнейшем развитии европейского пространства. Посредством военных конфликтов страны Балтийского региона окончательно стали неотъемлемой его частью, что традиционно рассматривается в историографии в контексте борьбы за «ливонское наследство», и создали вместе со «Средиземноморским миром» территориальный плюриверсум, пронизанный разветвленными сетями коммуникации. Столь значительные перемены были сопряжены с глобальным пересмотром внешнеполитических задач, стоявших перед дворами государей: опосредованными участниками северных конфликтов стали дома Габсбургов, Тюдоров и Стюартов, а династии Рюриковичей и Валуа, все больше рассматривая балтийское пространство в рамках своих дипломатических и экономических интересов, сделали попытку стать, наравне с Ягеллонами, Васа и Ольденбургами, главными игроками в регионе.

Актуальность исследования. Сегодня, когда мир претерпевает череду военных столкновений, а теоретики международных отношений, пытаясь объяснить изменения, происходящие в структуре международной системы, рассуждают об империях, «новом средневековье» и многоуровневом управлении, комплексный ретроспективный анализ двусторонних взаимоотношений на фоне глобальных геополитических трансформаций представляется необходимым условием для изучения и теоретического осмысления структурных сдвигов и системных изменений, всегда связанных с глубокими социальными конфликтами.

Научная значимость исследования определяется преодолением изоляционизма национальных историй и рассмотрением значительных геополитических изменений, происходивших во второй половине XVI в. в границах «Балтийского мира», на примере изучения эволюции русско-французских контактов 1558–1581 гг., которые представлены в настоящей

работе с точки зрения геополитических стратегий России и Франции, обеспечивших осуществление их дипломатического, династического и экономического взаимодействия. Попытка рассмотреть эти стратегии в рамках международных отношений в данном ключе связана с переносом внимания от государствоцентричной исследовательской модели к актороцентричной, и предполагает выдвижение на первый план анализа связей между монархами, придворными, дипломатами и негоциантами, позволяя рассмотреть множество уровней коммуникации, а понятие «внешней политики» использовать для обозначения «множества политических, дипломатических и военных контактов между отдельными властными центрами»¹, главными из которых являлись монаршие дворы, образывавшие посредством династических связей «сообщество государей»².

Объектом исследования выступают русско-французские контакты 1558–1581 гг., помещенные в контекст Балтийских войн. **Предметом** исследования являются дипломатические, династические и экономические аспекты развития русско-французских отношений в обозначенный период, опосредованные влиянием взаимосвязей двух держав со странами севера и севера-востока Европы.

Территориальные рамки исследования ограничены Балтийским регионом, где наиболее сильными державами в исследуемый период являлись Московское царство, Великое княжество Литовское и Польское королевство, объединенные с 1569 г. посредством Люблинской унии в Речь Посполитую, Дания, Швеция и Священная Римская империя, представленная также ганзейскими городами. **Нижней хронологической границей** является 1558 г.,

¹ Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. by D. Frigo. Cambridge, 2000. P. 9.

² Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècles. Paris, 2007. 745 p.; Nevejans P. Le prince et le diplomate: étude de la réception diplomatique dans l'Europe de la Renaissance. Lyon, 2015. P. 13–14.

когда в ходе Ливонской войны 1558–1561 гг.³ русскими войсками была захвачена Нарва, что позволило французским негоциантам перейти к налаживанию прямой торговли с московским купечеством на Балтике. Вместе с тем, чтобы проследить процесс укрепления влияния династии Валуа в странах севера и северо-востока Европы и установить ход развития русско-французских опосредованных контактов, предшествовавших началу Балтийских войн, в работе рассматривается более ранний период, связанный со внешней политикой французского монаршего двора после завершения Столетней войны (1453). **Верхней хронологической границей** служит 1581 г., когда большая часть Русской Ливонии, включая Нарву, была захвачена польско-литовскими и шведскими армиями в ходе Московской войны 1577–1581 гг. и второй русско-шведской войны 1578–1583 гг., в результате чего прямые русско-французские контакты переместились с Балтики на Беломорье. При этом, с целью подробного освещения французских известий о царских посольствах в Италию, предшествовавших заключению Ям-Запольского перемирия 1582 г., в исследовании также делаются экскурсы в более поздний период.

Цель диссертационного исследования – установить характер русско-французских контактов на севере и северо-востоке Европы в 1558–1581 гг., рассмотрев дипломатическое, династическое и экономическое взаимодействие двух держав в контексте Балтийских войн. Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**:

1. Рассмотреть миротворческую миссию французской дипломатии во время Северной семилетней войны, сопоставив ее с внешнеполитическими целями Русского государства, показав значение международных неформальных связей для укрепления авторитета французской короны в балтийском пространстве;

³ Подробнее о датировке Балтийских войн и, в частности, Ливонской войны см.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 9.

2. Проанализировать политику русского и французского монарших дворов в годы шведского внутривосточного кризиса и первого «бескоролья» в Речи Посполитой, определив ее влияние на развитие русско-французских контактов;
3. Проанализировать реакцию на события Варфоломеевской ночи в Русском государстве и других странах севера и северо-востока Европы;
4. Реконструировать проект воцарения династии Валуа на шведском престоле, показав его роль в развитии русско-французских контактов;
5. Раскрыть план создания шведско-польско-французской союзной коалиции и превращения прибалтийских земель в Великое герцогство Ливонское, вассальное дому Валуа, как контрпроект Русской Ливонии, выстроив новую интерпретацию международных и геополитических инициатив французской дипломатии;
6. Изучить комплекс посольских донесений европейских монарших дворов и публицистические сочинения, посвященные дипломатическим и военно-политическим планам царского двора в период Балтийских войн;
7. Разработать периодизацию русско-французской коммерции на Балтике, выявив проблемы и перспективы развития торгового трафика в условиях польско-шведской блокады «нарвского плавания».

Основу **источниковой базы** диссертационного исследования составляют *делопроизводственная документация и материалы личного происхождения*, состоящие из посольских донесений, включающих в себя русские «статейные списки» (отчеты о проведении посольства) и переписку французских дипломатических представителей, посольских «речей», межгосударственной корреспонденции, понимаемой как комплекс взаимных посланий русских, французских, польско-литовских, шведских, датских монархов и лиц, наделенных внешнеполитическими полномочиями (новгородских наместников, литовских панов, польских сенаторов, канцлеров, членов Риксрода), *актовые материалы*, представленные дипломатическими договорами и

сопровождающими их документами, а также *публицистические сочинения*, в частности, «летучие листки» – небольшие прокламационные публикации пропагандистского характера – и газеты.

Важную часть проанализированной посольской документации составляет корреспонденция французского резидента в Копенгагене Шарля Киссарма, сеньора де Данзе, выполнявшего функции представителя дома Валуа на севере и северо-востоке Европы в 1548–1589 гг. Частично его переписка была издана шведскими и датскими архивистами, опубликовавшими копии писем, составленных дипломатом в 1567–1586 гг.⁴ Несколько депеш были напечатаны Л. Парисом⁵, Г. В. Форстеном⁶ и Б. Виане⁷. В ходе исследования ряд посольских отчетов Данзе удалось обнаружить во французских архивных собраниях. Основными адресатами писем выступают король Карл IX Валуа, его брат Генрих Анжуйский, затем ставший Генрихом III Валуа, и королева-мать Екатерина Медичи. Ответные послания французских монарших особ представлены в диссертации в виде опубликованных, изданных главным образом в многотомных собраниях переписки Генриха III⁸ и Екатерины Медичи⁹, и неопубликованных источников, хранящихся по большей части в Национальной библиотеке Франции и в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Стоит отметить, что несмотря на то, что корреспонденция Данзе ранее привлекалась исследователями, она не была представлена комплексно: ученые зачастую затрагивали наиболее примечательные сюжеты или же привлекали ограниченное

⁴ Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck // Handlingar rörande Skandinaviens Historia. Vol. XI. Stockholm, 1824. P. 3–345; Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573 / udg. ved C.-F. Bricka. Kjøbenhavn, 1901. 239 s.

⁵ Paris L. La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. T. I. Paris, 1834. P. 330–396.

⁶ Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. СПб., 1889. С. 118–123.

⁷ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. Открытие Арктики французами в XVI веке / пер. с франц. А. Терещенко. М., 2017. С. 325–413.

⁸ Lettres de Henri III, roi de France / rec. par P. Champion et M. François; pub. par M. François, B. Barbiche. H. Zuber, J. Boucher. T. I–VII. Paris, 1959–2012.

⁹ Lettres de Catherine de Médicis / éd. par H. de la Ferrière-Percy, G. Bagueault de Puchesse, A. Lesort. 11 vol. Paris, 1880–1943.

число донесений дипломата для реконструкции его биографии. Важность изучения посольских отчетов представителя династии Валуа в Копенгагене для анализа русско-французских контактов второй половины XVI в. была установлена лишь Г. Жордания¹⁰, а затем, спустя более чем полвека, И. Шварц и В. В. Шишкиным¹¹, в исследованиях которых период двусторонних отношений 1558–1581 гг. затрагивался только в рамках анализа переписки Генриха III с Иваном IV, и не был помещен в контекст Балтийских войн.

Вместе с перепиской Данзе в работе используется посольская документация других французских дипломатов, в частности, корреспонденция резидента в Вене Бернардена Бошетеля, епископа Реннского, представителя дома Валуа в Лондоне Бертрана де Салиньяка, сеньора де Ла Мот-Фенелона, послов в Венеции Франсуа де Ноайя, епископа Дакса, и Арно Дю Феррье, резидентов в Риме Жюста де Турнона, графа де Руссильона, и Поля де Фуа, архиепископа Тулузского. Среди русских посольских отчетов особое внимание обращается на «статейные списки» Ивана Воронцова, Константина Скобельцына, Ждана Квашнина, Афанасия Резанова, Истома Шевригина и Якова Молвянинова¹².

Межгосударственная корреспонденция представляет собой комплекс взаимных посланий, главным образом царя Ивана IV, королевы-матери Екатерины Медичи, королей Карла IX и Генриха III, Фредерика II Датского, Эрика XIV и Юхана III Васа, Сигизмунда II Августа, Стефана Батория и, отчасти, польских сенаторов, литовских панов-рад, императоров Максимилиана II и Рудольфа II Габсбургов. В диссертации представлены как опубликованные

¹⁰ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I. Тбилиси, 1959. С. 3.

¹¹ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб., 2021. С. 130.

¹² Анализ русских «статейных списков» второй половины XVI в. см.: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей. Л., 1980. С. 165–212; Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки / под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 2008. С. 319–346; Рогожин Н. М. Посольские книги XVI–XVII вв. (состав и содержание, историография и публикации) // Российская история. 2018. № 3. С. 91–94.

материалы, так и архивные документы, хранящиеся в Российской национальной библиотеке, Российской государственной библиотеке, Российском государственном архиве древних актов, Архиве министерства иностранных дел Франции, Национальной библиотеке Франции и Государственном архиве Швеции. Комплексное изучение данных источников в настоящей работе позволяет рассмотреть эволюцию русско-французских контактов 1558–1581 гг. на фоне геополитических перипетий, происходивших во время борьбы за «ливонское наследство».

Развитие балтийского направления во внешней политике Русского государства и Французского королевства рассматривается также посредством анализа содержания дипломатических договоров. Публицистические труды представлены рядом прокламационных сочинений и газет, изданных во Франции и странах севера и севера-востока Европы.

Степень разработанности темы. Тема русско-французских контактов 1558–1581 гг. не раз становилась объектом изучения отечественных и зарубежных исследователей. История связей между двумя державами, вовлеченными в Балтийские войны, начала активно изучаться в конце XVIII – начале XIX в. Автором первого сочинения можно считать П.-Ш. Левека¹³, систематизировавшего известные к этому времени сведения и отнесшего зарождение русско-французских отношений к концу XVI в.¹⁴ Источники, найденные на тот момент во французских древлехранилищах, были опубликованы Л. Парисом в приложении к первому тому перевода «Повести временных лет»¹⁵: в частности, были изданы три посольских отчета Шарля де

¹³ Levesque P.-C. Mémoire touchant les anciennes relations de la France avec la Russie // Paris L. La chronique de Nestor... P. 301–317.

¹⁴ Основанием для столь поздней датировки стало отсутствие дипломатической корреспонденции между дворами Рюриковичей и Валуа во французских древлехранилищах: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 9.

¹⁵ Paris L. La chronique de Nestor... P. 330–396.

Данзе от марта-апреля 1575 г., в которых дипломат информировал Генриха III о военно-политических акциях Русского государства в ливонских землях¹⁶.

В отечественной историографии XIX в. о русско-французских контактах 1558–1581 гг. писали Н. М. Карамзин, который, коснувшись вопроса «нарвского плавания», упомянул покупку французскими негодьями русской икры и ее дальнейшую продажу в Испании и Италии¹⁷, Н. И. Костомаров, назвавший среди европейцев, торговавших в Московском царстве, подданных династии Валуа¹⁸, и С. М. Соловьев, затронувший вопрос включенности французских купцов в «северную коммерцию»¹⁹.

Французские исследователи второй половины XIX в. как правило основывались на выводах, сделанных Л. Парисом, отмечая активное участие «наихристианнейшей» монархии в балтийских событиях 1558–1581 гг., или игнорировали их, относя зарождение русско-французских контактов к началу XVIII в. Так, например, в исследовании Л. Пинго акцент был сделан на географической удаленности Московского царства от владений Валуа, различиях между христианскими конфессиями и «азиатских нравах» династии Рюриковичей²⁰. Отчасти с мнением Л. Пинго согласился А. Рамбо, причислив к препятствиям, стоявшим на пути построения русско-французского диалога, противодействие польской и шведской корон, а также события Религиозных войн, которые, по мнению ученого, приковали все внимание дома Валуа к внутривосточным проблемам и, следовательно, не позволяли перейти к активным действиям на международной арене. Вместе с тем А. Рамбо отнес возникновение контактов между Московским царством и Французским

¹⁶ Примечательно, что в комментариях к данным посланиям Л. Парис, не исследовав проблему внешней политики французской короны в «Балтийском мире» комплексно, выдвинул предположение о ее активном участии в событиях, происходивших на севере и северо-востоке Европы во второй половине XVI в., во многом предвосхитив выводы, к которым исследователи придут спустя столетие: Ibid. P. 378.

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. X. СПб., 1824. С. 252.

¹⁸ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск, 2011. С. 370.

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. VIII. СПб., 1896. С. 720–721.

²⁰ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886. P. 3–5.

королевством ко времени правления Генриха Анжуйского в Речи Посполитой 1573–1575 гг.²¹

Повторив положения Л. Париса и А. Рамбо, свои сочинения, приуроченные к заключению франко-русского альянса 1891 г., издали П. В. Безобразов²², В. С. Иконников²³ и А. Ле Гле²⁴. В то же время был опубликован труд Г. В. Форстена, в котором политика дома Валуа на севере и северо-востоке Европы была помещена в контекст «балтийского вопроса» второй половины XVI в. Французский монарший двор, по мнению ученого, начал принимать непосредственное участие в событиях, бурно развивавшихся на севере и северо-востоке Европы, с 1561 г., когда Эрик XIV Васа, приступив к блокаде «нарвского плаванья», затронул интересы бретонских и нормандских негоциантов. Кратко охарактеризовав посольскую миссию Данзе и его действия, направленные на защиту свободной торговли, историк вместе с тем отметил рост влияния французской короны в скандинавских странах в годы Северной семилетней войны, а также затронул дипломатический, религиозный и торговый аспекты внешней политики династии Валуа, подчеркнув ее антигабсбургскую направленность²⁵.

Особое место среди сочинений второй половины XIX – начала XX в. занимают исследования, посвященные изучению политической биографии одного из главных информаторов французской короны о русских делах – ее посла-резидента в Копенгагене Шарля де Данзе. Первым трудом, посвященным дипломату, можно считать работу Г. Ф. Рёрдама, в которой вместе с краткой

²¹ Будучи знакомым с трудом Л. Париса, А. Рамбо не стал относить начало русско-французских контактов к началу XVI в., очевидно, посчитав догадку переводчика «Повести временных лет» неподтвержденной историческими источниками: Rambaud A. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. I. Russie. Paris, 1890. P. 9–11.

²² Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. 469 с.

²³ Примечательно, что вслед за Л. Парисом историк отнес генезис русско-французских контактов к началу XVI в.: Иконников В. С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.): исторический очерк. М., 1893. С. 3–6.

²⁴ Le Glay A. Les origines historiques de l'alliance franco-russe. Paris, 1897. 302 p.

²⁵ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. С. 117, 372–373.

биографией резидента подробно были освещены основные цели его миссии в скандинавских странах²⁶. Во введении к изданию корреспонденции Данзе краткую биографическую заметку о нем составил К.-Ф. Брика²⁷. В 1903 г. к миссии дипломата обратился Ф. Вендри²⁸, а через три года вышла небольшая статья Г. О. Ф. Вестлинга в шведской исторической энциклопедии²⁹. Наиболее полное жизнеописание посла содержится в монографии А. Ришара: автор проследил жизненный путь Данзе с момента рождения до последних дней жизни, отчасти поместив различные посольские поручения резидента в контекст гражданских противостояний во Франции и Балтийских войн второй половины XVI в.³⁰

В начале XX в. к изучению русско-французских контактов 1558–1581 гг. обратились Н. Н. Бантыш-Каменский и Ф. Ф. Мартенс³¹. Оба исследователя, взяв за основу повествования предшествовавшие труды, повторили выводы об эпизодическом характере отношений, в очередной раз подчеркнув географическую удаленность двух стран друг от друга³². В работе Е. Омана вновь были процитированы выводы А. Рамбо³³. Вскоре вышел основательный труд Л. Делава, который, на основании большого круга источников датировал период зарождения русско-французских контактов концом XV – началом XVI в. и подробно рассмотрел политику французской короны на севере и северо-востоке

²⁶ Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle // Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897. Copenhague, 1898. P. 619–668.

²⁷ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. III–V.

²⁸ Vindry F. Les Ambassadeurs Français permanents au XVIe siècle. Paris, 1903. P. 41.

²⁹ Westling G. O. F. Charles Dançay // Nordisk familjebok konversationslexikon och realencyklopedi. Stockholm, 1906. S. 1241–1242.

³⁰ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle. Charles de Dançay, ambassadeur de France en Danemark. Poitiers, 1910. 246 p.

³¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4: Пруссия, Франция, Швеция. М., 1902. С. 78; Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIII. СПб., 1902. С. III–XI.

³² Вместе с тем Н. Н. Бантыш-Каменский подтвердил предположение Л. Париса о зарождении русско-французских дипломатических контактов в начале XVI в., отметив в реестре два послания Василия III к Франциску I Валуа: Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4. С. 78.

³³ Haumant E. La culture française en Russie (1700–1900). Paris, 1910. P. 1–4.

Европы, обстоятельно описав установление дипломатических отношений со скандинавскими державами и процесс развития французской коммерции на Балтике³⁴. Одновременно с монографией Л. Делаво была опубликована статья Е. Ф. Тураевой-Церетели, в которой был продемонстрирован интерес Валуа к генеалогии русских государей³⁵. Немногим позже вышла обобщающая монография А. Антийома, основанная на труде Л. Делаво и повторившая его выводы³⁶. Спустя почти десятилетие тема русско-французских контактов 1558–1581 гг. была отчасти затронута в исследовании С. Ф. Платонова, в котором было упомянуто о владении царскими послами французским языком и деятельности торгового агента семьи Строгановых Оливье Брюнеля, возглавлявшего русские торговые поездки в Антверпен и Париж в 1570-е гг.³⁷

После середины 1920-х гг. тема русско-французских контактов периода Балтийских войн на долгое время исчезла из поля зрения отечественных и зарубежных ученых. Лишь спустя два десятилетия В. Д. Преображенским была предпринята неудачная попытка обобщить ранее накопленные сведения: от внимания ученого, повторившего выводы А. Рамбо и Ф. Ф. Мартенса, ускользнули исследование Л. Делаво и большая часть к тому времени опубликованных источников³⁸.

Значительный вклад в возрождение интереса к истории русско-французских контактов 1558–1581 гг. внес труд В. Кирхнера: в нем известный

³⁴ Delavaud L. Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle. Rouen, 1911. P. 50–109. Тем не менее, несмотря на скрупулезный анализ, за рамками исследования осталась внушительная часть дипломатической корреспонденции Данзе, послания Карла IX, Генриха III и Екатерины Медичи, а также русские, польские, шведские и датские источники.

³⁵ Тураева-Церетели Е. Французская генеалогия XVI–XVII вв. о русских государях // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 81–95.

³⁶ Anthiaume A. Cartes marines, constructions navales, voyage de découverte chez les Normands, 1500–1650. T. I. Paris, 1916. 567 p.

³⁷ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 18, 32.

³⁸ Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. 1945. Вып. VII. История. С. 1–61.

исследователь «балтийского вопроса», подвергнув критике предшествующую историографию, обвинил исследователей в недостаточном внимании к экономическому аспекту. Взяв за основу концепт «духа предпринимательства», ученый пришел к выводу, что проекты французского двора по развитию «северной коммерции» потерпели крах из-за неприятия Валуа меркантилистских установок и погружения королевства в гражданское противостояние, отвлекавшее все силы двора на погашение возникавших религиозно-политических конфликтов. Среди других факторов, препятствовавших развитию русско-французской торговли на Балтике, В. Кирхнер выделил нежелание французских негоциантов объединиться в единую компанию и неимение у них достаточного финансового капитала для конкуренции с голландскими и английскими купцами, приоритет Америки и Индии в торговых планах французской короны и ее подданных, пренебрежение необходимостью заключения соглашений с Данией, Швецией и ганзейскими городами, а также «леность и небрежность» французского купечества³⁹.

С критикой выводов, предложенных В. Кирхнером, выступил П. Жаннен, призвавший не рассматривать русско-французскую торговлю 1558–1581 гг. как «череду упущенных возможностей» дома Валуа и выдвинувший тезис о несостоятельности веберовского конструкта «предпринимательского духа» и понятий «лености» и «небрежности» к изучению экономики Французского королевства второй половины XVI в. Историк также опроверг предположение В. Кирхнера об ориентации французской короны и ее негоциантов на американский и индийский рынки, убедительно доказав важность балтийской торговли для бретонских, нормандских и пикардских купцов⁴⁰.

³⁹ Kirchner W. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650) // *Revue historique*. 1949. Т. 102. Р. 161–183.

⁴⁰ Jeannin P. L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe // *Annales. Économies, sociétés, civilisations*. 1954. № 1. Р. 23–43. Благодаря рецензии В. Л. Керова статьи В. Кирхнера и П. Жаннена стали известны отечественным исследователям: Керов В. Л. Две статьи о русско-французских отношениях XVI–XVII вв. // *Вопросы истории*. 1956. № 2. С. 183–184.

В отечественной историографии середины – второй половины XX в. интерес к теме русско-французских контактов 1558–1581 гг. лежал, в отличие от зарубежных исследований, в политической плоскости. Я. С. Лурье была затронута проблема восприятия Иваном IV трагических событий Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г.: негативную реакцию русского государя на избиения гугенотов историк отнес к демонстрации внешнеполитических планов Московского государства, направленных на противодействие воцарению Генриха Анжуйского на польско-литовском престоле⁴¹. Немногим позже вышла монография Г. Жордания, в которой частично были рассмотрены торговые и дипломатические контакты между Французским королевством и Московским царством в 1570–1580-е гг.⁴² О внимании царского двора к событиям, происходившим во Франции второй половины XVI в., писала в своем исследовании, основываясь на рассмотрении русских статейных списков, Н. А. Казакова⁴³. Важной работой, предварившей имагологические труды современных историков, является труд М. П. Алексеева, в котором были рассмотрены известия о Русском государстве в «Опытах» и «Путевом дневнике» Мишеля де Монтеня. Литературовед заострил внимание на описании французским интеллектуалом миссии русского гонца Истомы Шевригина, прибывшего в Рим в 1581 г., а также заключил, что все эпизоды «Опытов», относящиеся к Русскому государству, «восходят в сущности только к одной книге – к польской истории Яна Гербурта», которая была преподнесена во французском переводе Генриху Анжуйскому при избрании его королем Речи Посполитой⁴⁴. Кроме того, о русско-французских контактах периода Балтийских

⁴¹ Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских посольских делах XVI в. // Вопросы истории, религии и атеизма. 1958. № 6. С. 216–230.

⁴² Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I. С. XIV–XV.

⁴³ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков...

⁴⁴ Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 21–42.

войн писал А. А. Зимин, отнесший генезис торговых связей между двумя державами к 1570-м гг., а начало дипломатических отношений – к 1583 г.⁴⁵

Конец XX в. в зарубежной историографии ознаменовался появлением ряда обобщающих работ, подведших итоги двухвекового изучения темы. Среди них особо можно выделить статьи Ч. Даннинга, М. Мерво и Ф.-Д. Лиштенан, в которых вновь были упомянуты послания Василия III к Франциску I, участие французских купцов в «нарвском плавании», а также повторены выводы об эпизодичности контактов и удаленности двух держав, монаршие дворы которых мало интересовались друг другом⁴⁶.

В XXI в. интерес исследователей получил новый импульс. Депеши и посольские отчеты Данзе оказались востребованы при изучении истории Псковской земли М. Ю. Колпаковым⁴⁷. К корреспонденции французского дипломата обратился Ю. Досси, отметивший любопытный статус посла Данзе, который, будучи кальвинистом, находясь при лютеранском датском дворе, служил католическим королям дома Валуа⁴⁸. Систематизация сведений о русско-французских контактах 1558–1581 гг. была проведена Э. Шнакенбургом, В. Н. Козулиным, И. А. Бисько и К. Т. Бисько⁴⁹. Особый вклад в изучение темы сделал

⁴⁵ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 131.

⁴⁶ Dunning Ch. S. L. Quand les Français redécouvrent la Russie // *Revue historique*. 1984. Т. 272. Р. 331–351; Mervaud M. Un normand en Russie au XVIe siècle. Le voyage du Dieppois Jehan Sauvage // *Études Normandes*. 1986. № 2. Р. 38–52; Liechtenhan F.-D. Les découvreurs de la Moscovie: l'appréhension des observateurs occidentaux face à la montée de Moscou // *Histoire, économie et société*. 1989. № 4. Р. 483–506.

⁴⁷ Колпаков М. Ю. Псковская земля и Ливонская война в описаниях французских авторов второй половины XVI в. // *Псковский военно-исторический вестник*. 2017. № 3. С. 30–35; Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. Экономика Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени // *Манускрипт*. 2019. № 2. С. 27–31; Колпаков М. Ю., Михеев Д. В. Английские и французские источники XVI–XVII вв. о Псковской земле // *Метаморфозы истории*. 2019. № 13. С. 81–106.

⁴⁸ Daussy H. Duplessis-Mornay, Languet et Danzay en guerre contre les théologiens // *L'Humaniste, le Protestant et le Clerc*. 2003. № 18. Р. 93–103; Daussy H. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // *Религия. Церковь. Общество*. 2015. № 4. С. 198–227.

⁴⁹ Schnakenbourg E. L'aube des relations diplomatiques franco-russe: les ambassades moscovites en France au XVIIe siècle // *La France et la Russie: regards diplomatiques (XVIIe–XXIe siècle) / sous la dir. de L. Jalabert*. Rennes, 2012. Р. 11–33; Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) //

Б. Виане, опубликовав ряд писем французских и скандинавских монархов, а также часть корреспонденции Данзе. В российском издании монографии следует отметить качественную работу переводчика книги – А. Терещенко. Вместе с тем большинство документов было опубликовано не полностью и с явными ошибками в транскрипции и переводе, ряд посланий был издан с ошибочной датировкой⁵⁰. Среди современных исторических исследований также можно выделить труды бельгийского историка С. Мунда, рассмотревшего эволюцию европейских представлений о России, а также отечественных – Д. В. Самотовинского, А. Никитина, А. С. Буцан, В. Е. Смирновой, Ж. М. Арутюновой и Е. В. Линьковой⁵¹, в которых основное внимание уделяется изучению имагологической составляющей вопроса русско-французских связей. Пожалуй, наиболее полное описание русско-французских контактов 1558–1581 гг. содержится на сегодняшний день в публикациях И. Шварц и В. В. Шишкина: исследователям удалось рассмотреть династические, политические и отчасти экономические связи, представив анализ, основанный на внушительном корпусе источников, и показав значимость изучения русско-французских отношений для

Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 78–86; Бисько И. А., Бисько К. Т. Французы на Русском севере // Россия и Франция: 125 лет дружбы и сотрудничества. Материалы международной научной конференции. СПб., 2019. С. 186–190.

⁵⁰ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 325–413.

⁵¹ Mund S. *Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance*. Genève, 2003. P. 44, 388; Самотовинский Д. В. «Другой» между варварством и цивилизацией: московиты во «Всеобщей истории мира» Франсуа де Бельфорэ (1570) // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 4. № 2. С. 154–160; Он же. Одно из «самых славных государств» мира: Московия в контексте исторической концепции и политических взглядов Луи Ле Руа // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2013. С. 217–237; Он же. Благочестивые варвары под властью тиранов: московиты во «Всеобщей космографии» Андрэ Тевэ (1575 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13. Вып. 1. С. 25–32; Он же. «Тирания» или «законная монархия»? Политические порядки Московии во французской этнографической, политической и исторической литературе эпохи Религиозных войн // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 5. Вып. 2. С. 142–150; Никитин А. Россия и Сорбонна // Христианское чтение. 2010. № 3. С. 46–72; Буцан А. С. К истории русско-французского культурного диалога // Вестник МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 90–93; Смирнова В. Е. Что интересного увидел в России XVI в. французский путешественник Жан Соваж? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 73–79; Арутюнова Ж. М., Линькова Е. В. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестник РУДН. История России. 2016. № 1. С. 108–116.

дальнейшего уточнения внешней политики Рюриковичей и Валуа в Балтийском регионе⁵².

Методология и методы исследования представляют собой комплекс наработок, присущих направлениям «глобальной истории» (*Global History*)⁵³ и «новой дипломатической истории» (*New Diplomatic History*)⁵⁴, а также историзирующим подходам теории международных отношений⁵⁵. Такая методологическая система позволяет в настоящем исследовании осуществить реконструкцию дипломатических, династических и экономических русско-французских контактов 1558–1581 гг., предложив новую интерпретацию двусторонних отношений, помещенную в контекст масштабных геополитических изменений второй половины XVI в.

Объект анализа выводится за пределы рассмотрения исключительно межгосударственных связей и помещается в рамки масштабной сети коммуникаций, выстраивавшейся между различными акторами в границах одного региона, являвшегося пространством «великого моря» (*Great Sea*), функционировавшего не как «изолированный резервуар», а скорее как место для построения контактов и взаимодействий поверх политических и культурных границ⁵⁶. Попытка рассмотреть русско-французские контакты на фоне

⁵² Шишкин В. В., Шварц И. Дюро Э. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 3. С. 939–962; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. Стоит также отметить статью В. В. Шишкина и А. Л. Корзинина, в которой был проведен компаративный анализ русского и французского монарших дворов XIV–XVI вв.: Корзинин А. Л., Шишкин В. В. Государев двор России и королевский двор Франции в XIV–XVI вв.: сравнение несравнимого? // *Canadian-American Slavic Studies*. 2016. Vol. 50. № 4. P. 399–438.

⁵³ О подходах, характерных для «глобальной истории» см.: Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018. 312 с.

⁵⁴ Анализ основных положений «новой дипломатической истории» см.: Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // *Вестці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292.

⁵⁵ Spruyt H. *The Sovereign State and Its Competitors. An Analysis of Systems Change*. Princeton, 1994. 304 p.; Roseberg J. *The Empire of Civil Society. A Critique of the Realist Theory of International Relations*. London, 1994. 236 p.; Rosenberg J. Isaac Deutscher and the lost history of international relations // *New Left Review*. 1996. № 215. P. 3–15; Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. 416 с.

⁵⁶ Конрад С. Что такое глобальная история? С. 155.

балтийской истории, таким образом, позволяет показать, что изучение международных контактов эпохи позднего Ренессанса невозможно без учета вовлеченности европейских монарших дворов, их агентов и представителей в многочисленные сложные связи, основой которых, во многом, являлись торгово-финансовые сети как устойчивые неформальные каналы внешних сношений.

Дипломатические проекты, предполагавшие наращивание территориальной экспансии и воцарение монаршей династии на иноземных престолах, объясняются посредством концепции «геополитического накопления» (*Geopolitical Accumulation*), в рамках которой ресурсы и материальные силы, идеологические конструкты и матримониальная династийная политика рассматриваются как механизмы, способствовавшие успешной реализации глобальных внешнеполитических задач⁵⁷. Международные отношения второй половины XVI в., во многом развивавшиеся в форме трайбализации⁵⁸, объясняются посредством динамического анализа конкуренции государств и династий за территории и получение контроля над торговыми путями, достигаемое за счет количественного увеличения объемов коммерции, а также изгнания конкурентов с рынка. Данное противоборство анализируется как одна из главных причин «территориализации» морских пространств, появления и соперничества дискурсов «*mare clausum*» и «*mare liberum*», возникновения политики «*dominium maris*» и появления «купцов-авантюристов», вынужденных в условиях отсутствия конвоя взять курс на «милитаризацию», позволявшую торговать в условиях ведения боевых действий⁵⁹.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном рассмотрении русско-французских контактов 1558–1581 гг. и их помещении в контекст Балтийских войн. Впервые на основе широкого круга источников в рамках

⁵⁷ Тешке Б. Миф о 1648 году... С. 154.

⁵⁸ Подробнее о феномене трайбализации в международных отношениях раннего Нового времени см.: Bély L. *L'art de la paix en Europe...* P. 10.

⁵⁹ Тешке Б. Миф о 1648 году... С. 291; Лахман Р. Государства и власть / пер. с англ. М. Дондуковского; под научн. ред. И. Чубарова. М., 2020. С. 180.

многопланового исследования изучены внешнеполитические проекты, цели и задачи французской короны на севере и северо-востоке Европы в тесной связи с военными и дипломатическими акциями царского двора в период борьбы за «ливонское наследство». Самостоятельное значение имеет реконструкция русско-французских экономических контактов, дополненная просопографическим анализом французских негоциантов, ведших торговлю в прибалтийских землях. Кроме того, представлена новая интерпретация дипломатических и матримониальных проектов дома Валуа, направленных на увеличение французского присутствия в регионе. Впервые в историографии комплексно исследуются французские известия о русских посольствах в Италию 1581–1582 гг., причем рассматриваются не только донесения официальных дипломатических представителей, но и сведения, полученные, в частности, сторонниками Католической Лиги, ставшей к концу 1570-х гг. самостоятельным субъектом политической полемики под предводительством клана Гизов⁶⁰. Наконец, выдвигается и доказывается гипотеза, что наравне с Московским царством в ходе череды северных конфликтов Французское королевство попыталось войти в круг держав «Балтийского мира», став новым геополитическим гегемоном в европейском пространстве.

Положения, выносимые на защиту:

1. Зарождение русско-французских контактов происходит во второй половине XV – первой половине XVI в. вместе с активизацией французской дипломатии в скандинавских странах, Польше, Венгрии и Османской империи. В то же время, ориентированность московской дипломатии на построение тесного взаимодействия со Священной Римской империей не способствовала налаживанию прямого диалога с французским двором, политика которого была направлена против усиления габсбургского влияния в Европе.

⁶⁰ Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018. С. 270.

2. Посредническая миротворческая миссия дома Валуа в годы Северной семилетней войны, сопровождавшаяся выстраиванием неформальных связей, позволила укрепить авторитет французской короны в «Балтийском мире» и рассчитывать на реализацию масштабных геополитических проектов на севере и северо-востоке Европы. Несмотря на то, что усиление французского влияния в регионе не нашло отклика в Русском государстве, царский двор выразил явную заинтересованность в налаживании двустороннего экономического взаимодействия, основой которого стала контрабандная торговля вооружением и боеприпасами.
3. Значительную роль в построении русско-французских контактов сыграли дипломатические и матримониальные проекты дома Валуа, направленные на воцарение французской династии в странах севера и северо-востока Европы. Московский двор, отчасти рассматривая Французское королевство как потенциального геополитического союзника, вместе с тем не мог разделять планы дома Валуа по наращиванию его влияния в Балтийском регионе.
4. Негативное влияние на развитие русско-французских контактов и положение французской короны на севере и северо-востоке Европы, в том числе в динамике русско-французских отношений, оказали события Варфоломеевской ночи, бегство Генриха Анжуйского из Речи Посполитой и разрыв матримониальных планов дома Валуа по отношению к династии Васа.
5. Французские дипломатические представители и сторонники религиозно-политических партий периода Гражданских войн внимательно следили за положением и военно-политическими действиями Московского царства, видя в нем на разных этапах развития русско-французских контактов экономического партнера, угрозу *res publica christiana* или союзника, с помощью которого предполагалось реализовать глобальные проекты геополитического переустройства.

6. Французская корона и ее подданные-негоцианты были заинтересованы в становлении и развитии торгового трафика на Балтике и в Русской Ливонии, выступая против польско-шведской политики «*dominium maris*» и блокады «нарвского плавания». Царский двор, склонный к развитию экономического взаимодействия, также не был равнодушен к идее «*mare liberum*», видя в ней залог интенсификации русско-европейского торгового трафика.
7. Несмотря на выгодность «северной коммерции», французский королевский двор, погруженный в гражданское противостояние, не мог обеспечить купцов военным сопровождением и создать единую компанию по торговле в Русской Ливонии. Негоцианты вынуждены были милитаризоваться, превращаясь в «купцов-авантюристов». Арест их судов и конфискация товаров польскими и шведскими каперами привели к постепенному снижению французского торгового трафика в регионе и его перемещению в Беломорье. Московский двор, в свою очередь, будучи заинтересованным в продолжении обоюдовыгодного экономического сотрудничества, всячески стимулировал рост торговли на Русском Севере, даровав французским негоциантам ряд привилегий, способствовавших развитию двусторонних контактов в последние десятилетия XVI в.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов диссертации для написания общих и специальных работ по истории международных отношений эпохи Средних веков и раннего Нового времени, при разработке лекционных и практических занятий по истории дипломатии и внешней политики, создании специальных курсов и учебных пособий. Результаты исследования также могут быть применены для дальнейшего изучения различных аспектов Балтийских войн второй половины XVI в.

Степень достоверности исследования определяется комплексным анализом делопроизводственной документации, источников личного

происхождения, публицистических сочинений, а также актового материала, позволяющим реконструировать генезис и эволюцию русско-французских контактов 1558–1581 гг. в контексте Балтийских войн второй половины XVI в. Кроме того, достоверность результатов исследования подкрепляется использованием широкого спектра традиционных и современных методологических подходов.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в научных публикациях автора. Всего по теме исследования опубликовано 14 работ общим объемом 10,1 п. л., в том числе 7 научных работ объемом 7,7 п. л., опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК РФ (одна статья в соавторстве) и рецензируемых в международных базах данных SCOPUS, WoS. Диссертационное исследование не содержит результатов научных работ, выполненных в соавторстве, без ссылок на соавторов. Доля диссертанта – 9,4 п. л. Результаты исследования также были представлены в виде докладов и сообщений на 15 международных и всероссийских конференциях, семинарах, коллоквиумах и круглых столах⁶¹.

⁶¹ Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» (г. Новосибирск, 2019); Всероссийская научная конференция с международным участием «Современная российская медиевистика» (г. Москва, 2022); IV Международная научная конференция «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты» (г. Москва, 2022); Международная научная конференция «История письма европейской цивилизации» (г. Санкт-Петербург, 2022); Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии» (г. Омск, 2022); Всероссийская научная конференция «Современные принципы издания исторических источников» (г. Санкт-Петербург, 2022); II Международный уральский исторический форум «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» (г. Екатеринбург, 2023); Всероссийская с международным участием конференция студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии» (г. Великий Новгород, 2023); XIII Международная научная конференция памяти В. Ф. Семёнова («Семёновские чтения») «Власть и общество в периоды античности, средневековья и раннего нового времени» (г. Москва, 2023); Международная научная конференция «Смена парадигм в исторической науке: теоретические поиски, исследовательские практики, новые вызовы» (г. Гродно, Беларусь, 2023); VII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы источниковедения» (г. Витебск, Беларусь, 2023); Всероссийская научная конференция «Эпоха уний: политические союзы в Европе XIV–XVI веков» (г. Москва, 2023); Всероссийская научная конференция журнала

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, состоящих из параграфов, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы и приложений.

«Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени» «Время мастерства. Возраст и преемственность в Средние века и в медиевистике» (г. Москва, 2023); Всероссийская научная конференция с международным участием «VII Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова» (г. Москва, 2023); Международная научная конференция «Компаративные историко-филологические исследования в XXI веке» (г. Екатеринбург, 2024).

Глава I. Становление русско-французских отношений и эволюция политики династии Валуа на севере и северо-востоке Европы: от Средневековья к раннему Новому времени

Начало второй половины XVI столетия ознаменовалось масштабными геополитическими изменениями на территории северо-востока Европы. В борьбу за «ливонское наследство» оказались вовлечены несколько государств Балтийского бассейна, желавших упрочить свое положение в регионе. Основными игроками выступили Датско-Норвежское королевство, Любек, Швеция, Польша и Великое княжество Литовское, а также Русское царство, войска которого, нанеся ряд поражений прибалтийским рыцарям в 1558 г. и захватив Вирланд, Аллентакен, Одинпе и часть Иервена, ускорили гибель Ливонского ордена⁶². Уже 28 ноября 1561 г. был подписан «Pacta Subjectionis», согласно которому последний ландмейстер Готтхард Кеттлер, спасая свои владения от «московитской угрозы», стал герцогом Курляндии и Семигалии, принеся вассальную присягу польско-литовскому государю Сигизмунду II Августу (1544–1572). Земли, лежащие севернее, перешли в непосредственное подчинение последнего Ягеллона⁶³. В то же время свое присутствие активно наращивали датская и шведская короны: в 1559 г. Иоганн Мюнхгаузен, епископ Эзель-Викский, продал свои владения Фредерику II (1559–1588)⁶⁴, а в 1561 г. Ревель и часть Эстляндии присягнули Эрику XIV Васа (1560–1568)⁶⁵. Вскоре участники ливонского раздела не преминули схлестнуться в кровавой борьбе: в 1561 г. разразилась русско-литовская война, а в 1563 г. Швеция выступила против коалиции Дании, Любека и Польши.

⁶² Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 100.

⁶³ Бессуднов Д. А. *Protectores et conservatores: ливонская политика Ягеллонов в XVI в.* СПб., 2023. С. 231–255. Подробнее о биографии Готтхарда Кеттлера и его роли в начальный период Балтийских войн см.: Вебер Д. И. Предыстория герцогства Курляндского и Семигальского: возвышение Готтхарда Кеттлера во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XVI века // *Средние века*. 2017. Т. 78. № 3. С. 130–142.

⁶⁴ Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 106.

⁶⁵ Там же. С. 108–109.

Известно, что за событиями балтийских войн 1560-х гг. пристально следили при европейских монарших дворах, тесно связанных с династиями Рюриковичей, Ягеллонов, Васа и Ольденбургов. Информацию о ходе боевых действий и дипломатических переговорах сторон получали императоры Фердинанд I (1558–1564) и Максимилиан II (1564–1576), считавшие земли ордена частью Священной Римской империи⁶⁶, Елизавета I Тюдор (1558–1603), преследовавшая английские политические и коммерческие интересы на Балтике⁶⁷, и Филипп II Габсбург (1556–1598), защищавший привилегии нидерландского купечества в регионе⁶⁸. Новости о том, что происходит на северо-востоке Европы, с нетерпением ждали при французском дворе⁶⁹.

Между тем, если стратегии имперской, английской и испанской корон на Балтике достаточно подробно освещены исследователями, то политика дома Валуа не удостоилась детального изучения. Вне поля зрения ученых осталась значительная часть корреспонденции короля Карла IX, королевы-матери Екатерины Медичи и их дипломатических представителей в Копенгагене, Вене и Константинополе, посвященная миротворческой миссии французского двора во время Северной семилетней войны 1563–1570 гг., зарождению проекта воцарения Генриха Анжуйского на польско-литовском троне в 1566 г, реакции Валуа на свержение Эрика XIV в 1568 г. и изменение геополитической ситуации в регионе после восхождения на шведский престол Юхана III. Малого внимания

⁶⁶ Lavery J. Germany's Northern Challenge. The Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563–1576. Boston, 2002. P. 1–18.

⁶⁷ Kirchner W. England and Denmark, 1558–1588 // The Journal of Modern History. 1945. Vol. 17. № 1. P. 1–15; Karlsson M. Three Letters of Proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England: Edited with Introduction // Humanistica Lovaniensia. 2009. № 58. P. 81–101; Киселев А. А. Король Густав I Ваза и Тюдоры: зарождение англо-шведских отношений [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 1 (99). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840013514-4-1/>.

⁶⁸ Ведюшкин В. А. Великое княжество Московское и первые известия об Испании // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений / отв. ред. О. В. Волосюк. М., 2018. С. 19–22; ДПИГ. Т. I. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы / под общ. ред. К. Ю. Ерусалимского; отв. ред. С. В. Полехов, В. В. Рыбаков, А. В. Толстиков, С. Г. Яковенко. СПб., 2023. С. 639–641

⁶⁹ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 126–133.

в исследованиях удавалось проблема развития русско-французской коммерции в 1560-е гг. Настоящая глава, совершая вместе с тем предварительный экскурс в историю взаимоотношений Французского королевства с державами севера и северо-востока Европы во второй половине XV – первой половине XVI в., рассматривает данные сюжеты, показывая, что с начала второй половины XVI в. Французское королевство взяло курс на укрепление своего политического и экономического влияния в «Балтийском мире».

§ 1. Политика дома Валуа в Балтийском регионе и русско-французские контакты во второй половине XV – первой половине XVI в.

Активная политика французского королевского двора на севере и северо-востоке Европы во второй половине XVI в. базировалась на многолетней практике построения тесных взаимоотношений со странами данного региона, впервые проявившейся вскоре после окончания Столетней войны (1337–1453) и утвердившейся в годы правления нескольких монархов династии Валуа. Особое внимание к странам «Балтийского мира» проявляли первые короли Ангулемской ветви – Франциск I (1515–1547) и Генрих II Валуа (1547–1559), предпринявшие ряд попыток создать альянс для борьбы с Габсбургами за европейскую гегемонию.

Постоянные датско-французские дипломатические связи были установлены в середине XV в., во время правления Кристиана I Датского (1448–1481) и Карла VII Валуа (1422–1461)⁷⁰. Первый союзный договор между двумя державами был заключен 27 мая 1456 г.⁷¹ и предполагал развитие «северной

⁷⁰ Франко-скандинавские, в частности датско-французские, культурные и экономические контакты прослеживаются ранее: Mallefer J. M. *Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans // Une amitié millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges / sous la dir. de M. Battail, J.-F. Battail. Paris, 1993. P. 9–94.*

⁷¹ *Diplomatarium Christierni Primi / udg. af C. F. Wegener. Kjøbenhavn, 1856. S. 62–69.*

коммерции», а также военную помощь Франции в случае противоборства Дании со Швецией или ганзейскими городами⁷².

6 октября 1460 г. договор был подтвержден⁷³, а 7 сентября 1472 г., при новом французском монархе Людовике XI Валуа (1461–1483), расширен. В соглашения были включены новые пункты: обоюдная военная помощь в случае восстания вассалов, свободная торговля французов в Дании и датчан во Франции⁷⁴. Кроме того, договор 1472 г. интересен матримониальными планами. Стороны планировали прийти к соглашению по вопросу женитьбы сына Кристиана I, наследного принца Иоганна, на дочери Людовика XI Жанне де Валуа⁷⁵. Как известно, переговоры не привели к заключению брака. В 1477 г. Иоганн был обручен с Кристиной Саксонской, дочерью курфюрста Эрнста I Веттина (1464–1486), а Жанна вышла замуж за Луи де Валуа, герцога Орлеанского, ставшего в 1498 г. королем Франции Людовиком XII (1498–1415).

Новый союзный договор (8 июля 1498 г.), пришедшийся на период царствования Иоганна I (1481–1513) и Людовика XII предполагал посредничество Франции в сохранении мира между Данией и Ганзейскими городами⁷⁶. В 1506 г. возникла идея женитьбы датского наследного принца Кристиана на представительнице влиятельного французского дворянского клана Мадлен де Ла Тур, графине Оверни⁷⁷. Однако и в данном случае переговоры

⁷² Датско-ганзейские и датско-шведские конфликты были частым явлением на протяжении второй половины XV в.: Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 107–111.

⁷³ *Diplomatarium Christiæni Primi...* S. 123–130.

⁷⁴ Как отметил британский исследователь Э. Миллер, «ведущим намерением [Людовика XI] было вновь сделать Францию местом пересечения торговых путей, поскольку он был убежден, что “ярмарки и рынки обогащают страну”, а богатство будет прибавляться благодаря “умножению” оборота и торговли внутри королевства»: Miller E. *The Balance of Trade and the Organization of Commerce // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. III: Economic Organization and Policies in the Middle Ages* / ed. by M. M. Postan, E. E. Rich, E. Miller. Cambridge, 1963. P. 334–335; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / пер. с англ. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2016. С. 223.

⁷⁵ *Diplomatarium Christiæni Primi...* S. 264–273.

⁷⁶ *De rebus inter Ioannem et Christianum II, Daniæ Reges, ac Ludovicum XII et Iacobum V, Galliaë Scotiæque Reges* / scrip. P. W. Becker. Hafniæ, 1835. 104 s.

⁷⁷ *Négociations diplomatiques entre la France et l'Autriche durant les trente premières années du XVIe siècle. T. I* / publ. par M. Le Glay. Paris, 1845. P. 153; Delavaud L. *Les Français dans le Nord*.

закончились ничем. По соглашению между первым королем Франции из Ангулемской ветви династии Валуа Франциском I и римским папой Львом X (1513–1521) Мадлен де ла Тур в 1518 г. вышла замуж за генерала-капитана Флорентийской республики и герцога Урбинского Лоренцо II Медичи (1516–1519). Хотя брак был недолгим (оба супруга умерли в 1519 г.), в нем родилась Екатерина Медичи⁷⁸.

В начале XVI в. датско-французские связи укреплялись. Гонцы и посланники французской короны регулярно посещали Данию для информирования ее монархов о внешнеполитических предприятиях Людовика XII и Франциска I, связанных в первую очередь с Итальянскими войнами (1494–1559). При датском королевском дворе побывали Пьер Кордые (1512), Антуан д'Арк, сеньор де Ла Басти (1513) и Франсуа де Бордо (1518–1519)⁷⁹. Последний оставил интересное с точки зрения изучения датско-французских контактов в XVI в. описание наследовавшего Иоганну I короля Кристиана II (1513–1523). Посол отмечал: «Больше всего он находит удовольствие в том, что беседует о французской моде и старается соответствовать ей»⁸⁰.

К началу 1520-х гг. Дания, как и все пространство Балтии, стала территорией противостояния между Валуа и Габсбургами. Держава Кристиана II рассматривалась двумя противоборствующими сторонами как важный политический игрок, способный оказать влияние на исход борьбы за

Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle. Rouen, 1911. P. 49.

⁷⁸ Симонетта М. Екатерина Медичи. История семейной мести. Ренессанс в Италии / пер. с ит. И. А. Зверевой. М., 2022. С. 20.

⁷⁹ Relations politiques de la France et de l'Espagne avec l'Écosse au XVIe siècle. T. I. Correspondance française (1515–1569) / sous la dir. de A. Teulet. Paris, 1862. P. 9; Delavaud L. Les Français dans le Nord... P. 50–51; Mollat M. Le commerce maritime normand à la fin du Moyen Age. Paris, 1952. P. 199.

⁸⁰ BnF. Ms. Français 15966. Fol. 217; Delavaud L. Les Français dans le Nord... P. 51. Подробнее о культурных контактах датского королевского двора, в том числе с французской короной, в эпоху Ренессанса см.: Heiberg S. En ny begyndelse. Europas kulturhistorie i middelalderen. København, 2008. 528 s.

европейскую военно-политическую гегемонию⁸¹. С 1519 г. отношения между Данией и Францией переживают кратковременный кризис, вызванный отказом Кристиана II поддержать Франциска I на выборах императора Священной Римской империи⁸². Позиция датского короля объяснялась желанием сохранить мирные отношения с династией Габсбургов, а также родственными связями с ней: Кристиан II был женат на Изабелле Австрийской, сестре главного претендента на императорский престол и будущего императора Карла V (1519–1556)⁸³.

Дания возвратилась в сферу дипломатических интересов французского королевского двора в 1523 г. после свержения Кристиана II и воцарения его дяди Фредерика I (1523–1533). Франциск I остро нуждался в помощи Датского королевства в связи с англо-французской войной 1522–1526 гг. Так как в это время Франция вела войну с армией императора Карла V, нападение Англии с севера поставило французского монарха в трудное положение⁸⁴. В письме новому датскому монарху от июля 1523 г. Франциск I не только поздравил его с восшествием на престол, но и предложил заключить военный альянс между Францией, Данией, Шотландией и Ганзейскими городами. Цель данного союза французский король видел в свержении английского короля Генриха VIII (1509–1547) путем вторжения и дальнейшего завоевания Британских островов с разных сторон. Вместо Тюдора предполагалось поставить представителя Йоркской династии Ричарда де Ла Поля, герцога Саффолкского⁸⁵. Герцог взял на себя

⁸¹ Mignet F.-A.-M.-A. Une élection à l'Empire en 1519 // *Revue des Deux Mondes*. 1854. Т. 5. P. 208–254; Боровков Д. А. Карл V Габсбург: последний император Средневековья. М., 2021. С. 47–79.

⁸² В 1519 г. скончался император Священной Римской империи Максимилиан I Габсбург (1508–1519), и курфюрстам предстояло выбрать нового государя.

⁸³ Dehn-Nielsen H. *Danske kongers friller og elskerinder. Om majestæternes smag eller mangel på samme*. København, 2007. S. 22–24; Bregnsbo M. *Til venstre hånd. Danske kongers elskerinder*. København, 2010. S. 26.

⁸⁴ Richardson G. J. *England and France in the Sixteenth Century* // *History Compass*. 2008. Vol. 6. № 2. P. 514.

⁸⁵ О Ричарде де Ла Поле, герцоге Саффолкском см.: Серегина А. Ю. Британия или Испанская империя: наследование английского престола в XVI веке // *Средние века*. 2012. № 1–2. С. 93–94.

обязательство жениться на дочери Фредерика I принцессе Доротее, заключить оборонительный союз с датским королем, а также предоставить широкие привилегии ганзейскому купечеству в Англии⁸⁶.

Как известно, планам по свержению Генриха VIII не суждено было сбыться: Фредерик I в это время укреплял свою власть внутри Дании, Ганзейские города не рискнули отказаться от выгодной торговли с Англией⁸⁷, а Ричард де Ла Поль погиб в битве при Павии 24 февраля 1525 г.⁸⁸ Тем не менее, датско-французские отношения продолжили укрепляться. Объединяющим фактором стали планы Кристиана II по возвращению датской короны при поддержке императора Карла V⁸⁹. В ряде посланий Франциску I Фредерик I просил французского короля не верить ни единому слову свергнутого монарха, если тот пожелает обратиться за помощью к французской короне, а также предоставить денежную и военную помощь в случае вторжения Кристиана II в Данию⁹⁰. Французский монарх удовлетворительно отвечал на просьбы датского государя, выделив средства из королевской казны на содержание армии Фредерика I⁹¹. Очевидно, Франциск I желал видеть стабильный противовес Габсбургам на севере Европы.

Французское влияние в Дании продолжало усиливаться после пленения Кристиана II в 1532 г.⁹² и последовавшей за ним в 1533 г. смерти Фредерика I. Новый король Кристиан III (1534–1559) в первой половине своего правления выстраивал внешнюю политику, исходя из противоречий с императором Карлом

⁸⁶ Aarsberetninger fra det kongelige geheimearchiv. Indeholdende Bidrag til Dansk Historie af Utrykte Kilder. Vol. 3 / udg. af C. F. Wegener. København, 1865. S. 107–108.

⁸⁷ Об англо-ганзейский торговых контактах см.: Керт Д. Б. Ганза в Англии. Западный вектор развития Ганзейского Союза. СПб., 2022. 160 с.

⁸⁸ Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях... С. 365–366.

⁸⁹ Боггис-Рольф К. История Балтики. От Ганзейского союза до монархий Нового времени / пер. С. И. Жабиной. М., 2022. С. 77.

⁹⁰ Aarsberetninger fra det kongelige geheimearchiv... S. 119–127, 129–131, 131.

⁹¹ Ibid. S. 193–194.

⁹² Пленение и последовавшее заточение Кристиана II произошли после его неудачной попытки поднять восстание против Фредерика I в Норвегии в 1531 г.: Боггис-Рольф К. История Балтики... С. 78.

V, поддержавшим дочь Кристиана II Доротею в ее правах на датскую корону. Позиция Габсбурга подтолкнула Кристиана III искать поддержку Франциска I⁹³.

Переговоры о новом союзном договоре начались в 1535–1536 гг. Их итогом стало заключение датско-французского соглашения в замке Фонтенбло⁹⁴ в ноябре 1541 г., по которому стороны обязались не начинать войну, предварительно не уведомив друг друга, оказывать помощь в случае начавшейся войны, а также не заключать сепаратных договоров с Доротеей Датской и ее супругом Фридрихом II Пфальцским (1544–1556). Кроме того, Кристиан III обязывался закрыть Эресуннский пролив⁹⁵ для негоциантов из враждебных Франции держав⁹⁶.

Вскоре после ратификации договора стороны вступили в открытое противоборство со Священной Римской империей. В 1542 г. датский король закрыл Зунд для голландских купцов, а его шкиперы начали грабить и конфисковывать их суда, идущие в Балтийское море. В то же время Франциск I начал очередную военную кампанию против императора, атаковав приграничные Люксембург и Перпиньян⁹⁷.

Однако к 1544 г. силы воюющих сторон были истощены. Карл V, видя большие финансовые потери голландских негоциантов, в мае 1544 г. заключил с Кристианом III мир в Шпейере⁹⁸, по которому отказывался от поддержки

⁹³ Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях... С. 559–561.

⁹⁴ Одна из королевских резиденций, расположенная в 55 км юго-восточнее Парижа.

⁹⁵ Эресуннский пролив (Зунд), протекающий между Зеландией и Сконе, являлся главной торговой артерией, по которой европейские негоцианты могли попасть из Северного моря в Балтийское.

⁹⁶ ААЕ. СР. Danemark. Fol. 49–54. В первую очередь речь шла о купцах из Нидерландов, являвшихся на тот момент подданными Священной Римской империи.

⁹⁷ Лемонье А. Борьба между Франциском I и Карлом V (1519–1547) / пер. с фр. М. Ю. Некрасова; под ред. В. В. Шишкина. СПб., 2023. С. 216–217. Люксембург, расположенный на границе между Францией и Священной Римской империей, как и Перпиньян, находящийся в Руссильоне, являлись частью габсбургских владений.

⁹⁸ Город, расположенный на юго-западе Германии.

Доротеи Датской в обмен на открытие Эресуннского пролива. В сентябре того же года был заключен мир в Крепи⁹⁹ с Франциском I¹⁰⁰.

После Шпейерского мира, ознаменовавшего начало политики невмешательства Кристиана III в дела Священной Римской империи, Датское королевство начало отдаляться от французской короны¹⁰¹. Это стало очевидно после неудачной посольской миссии камергера Франциска I Кристофа Рише¹⁰², отправленного в Данию в январе 1544 г.: французский монарх просил датского короля помочь в его войне с Англией¹⁰³, на что получил решительный отказ¹⁰⁴.

Датско-французские контакты возобновились с восшествием на французский престол Генриха II, который в 1548 г. отправил в качестве посланника к датскому королевскому двору Шарля Киссарма, сеньора де Данзе, зарекомендовавшего себя в качестве тайного агента в приграничном Страсбурге¹⁰⁵.

Миссия Данзе заключалась в создании условий для мирного урегулирования датско-шотландского конфликта из-за спора об Оркнейских островах¹⁰⁶. Данное противостояние восходило к событиям 1469 г., когда датский король Кристиан I отдал их в залог шотландскому королю Якову III Стюарту (1460–1488) в качестве приданного за свою дочь Маргариту. Кристиан III предложил выкупить острова шотландской королеве Марии Лотарингской (1538–1560) и вернуть их датской короне. Получив отказ, датский монарх начал готовиться к вторжению в Шотландию. Однако, выдав свою дочь Марию Стюарт замуж за французского дофина, в последующем ставшего королем Франциском

⁹⁹ Город, находящийся в Пикардии на северо-востоке Франции.

¹⁰⁰ Лемонье А. Борьба между Франциском I и Карлом V... С. 228.

¹⁰¹ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... Р. 33.

¹⁰² Подробнее о Кристофе Рише и его дипломатических миссиях в скандинавских странах см.: Wrangel F. U. Liste des diplomates français en Suède, 1541–1891. Stockholm, 1891. Р. 3–4; Vindry F. Les Ambassadeurs français permanents au XVIe siècle. Paris, 1903. Р. 34.

¹⁰³ Англо-французская война 1543–1546 гг.

¹⁰⁴ ААЕ. СР. Danemark. Fol. 60–63.

¹⁰⁵ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... Р. 18–26. Страсбург, расположенный в сердце Эльзаса, до завоевания французскими войсками Людовика XIV (1643–1715) в 1681 г. являлся приграничным городом в составе Священной Римской империи.

¹⁰⁶ Архипелаг на северо-востоке Шотландии, находящийся к югу от Шетландских островов.

II (1559–1560), Мария Лотарингская обеспечила военную и дипломатическую поддержку Франции в вопросе урегулирования датско-шотландских противоречий¹⁰⁷.

Поручение было выполнено Данзе¹⁰⁸. В скором времени, в 1552 г., Генрих II назначил его постоянным послом-резидентом французской короны в Дании, выделив в качестве главных целей его служения развитие французской коммерции на Балтике и сохранение мирных взаимоотношений между северными странами для усиления французского влияния в регионе¹⁰⁹.

Первые шведско-французские дипломатические контакты восходят к периоду приобретения Шведским королевством независимости от Дании в 1523 г. и первой половине царствования Густава I Васа (1523–1560). Франциск I, как было показано ранее, остро нуждался в союзниках против возраставшего влияния Габсбургов в Европе, а также хотел сохранить выгодную для своих купцов северную торговлю, обеспеченную серией договоров с правителями Кальмарской унии¹¹⁰. Шведский королевский двор охотно шел на заключение договоренностей, пользуясь охлаждением датско-французских отношений к моменту заключения Шпейерского мира 1544 г.¹¹¹

В июле 1542 г. в Монтье-сюр-Со¹¹² был заключен шведско-французский договор, предполагавший шведское содействие французской коммерции на Балтике и помощь в борьбе против Габсбургов¹¹³. В том же году в Швецию с

¹⁰⁷ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 37–39.

¹⁰⁸ Ibid. P. 34, 37–39.

¹⁰⁹ Daussy H. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // Религия. Церковь. Общество. 2015. № 4. С. 204; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 130.

¹¹⁰ Delavaud L. Les Français dans le Nord... P. 57–58. Кальмарская уния – союз Дании, Швеции и Норвегии, заключенный в 1397 г. и просуществовавший до 1523 г.: Щеглов А. Д. Проект договора об унии Швеции, Дании и Норвегии от 1436 года (по рукописи из Российской национальной библиотеки) // Средние века. 2019. Т. 80. № 2. С. 116–137; Уикхем К. Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации / пер. с англ. М. Десятовой; науч. ред. С. Мереминский. М., 2020. С. 364–366.

¹¹¹ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 33.

¹¹² Город в Лотарингии на востоке Франции.

¹¹³ ААЕ. СР. Suède. Fol. 4–11.

посольской миссией отправился Франсуа Рише, инструкции которого предполагали расширение шведско-французского торгового и военного сотрудничества¹¹⁴. В 1540–1550-е гг. связи между двумя государствами укреплялись благодаря назначению Шарля де Данзе послом-резидентом в Дании с полномочиями курирования отношений Франции с северными державами¹¹⁵. В 1559 г. договор в Монтье-сюр-Со был подтвержден обеими сторонами¹¹⁶.

В первой половине XVI в. активизировались контакты с польско-литовской короной. Летом 1523 г. Краков с дипломатической миссией посетил Антуан Ринкон, сеньор де Жермоль. Посланник доставил Сигизмунду I Старому (1506–1548) грамоту Франциска I. Французский монарх предложил польско-литовскому государю заключить союз, скрепив его браком между Генрихом Орлеанским¹¹⁷ и одной из дочерей Ягеллона. Валуа надеялись на военную помощь польского воинства в конфликте с Карлом V и подтверждение своих прав на владение Миланским герцогством Боной Сфорца, супругой Сигизмунда I и дочерью герцога Миланского Джана Галеаццо Сфорца (1476–1494). Известно, что Ринкон был дружелюбно встречен при дворе Ягеллонов, однако, судя по всему, не добился поставленных перед ним целей¹¹⁸. Очевидно, Сигизмунд I опасался конфликта со Священной Римской империей и не желал открыто вступать в противоборство с Габсбургами, не так давно завершив кровопролитную русско-литовскую войну 1512–1522 г., в результате которой Великое княжество Литовское потеряло Смоленск¹¹⁹.

Тем не менее, весной 1524 г. ко двору Валуа, впрочем, без полномочий, позволявших заключать какое-либо соглашение, был отправлен кравчий великий коронный и воевода серадзский Иероним Лаский с целью продолжения

¹¹⁴ ААЕ. СР. Danemark. Fol. 57–59.

¹¹⁵ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 130, 134; Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 27–28.

¹¹⁶ Maillefer J. M. Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans... P. 103.

¹¹⁷ Будущий король Генрих II.

¹¹⁸ Bourrilly V.-L. Antonio Rincon et la politique orientale de François Ier (1522–1541) // Revue Historique. 1913. Т. 113. P. 65.

¹¹⁹ Лобин А. Н. Смоленская война 1512–1522 гг. М., 2022. 224 с.

переговоров о польско-французском союзе¹²⁰. Встретившись с Франциском I и сопровождавшими его канцлером Антуаном Дюпра, сеньором де Нантуйе, и главным распорядителем двора Рене Савойским, графом де Вилларом, на юге Франции¹²¹, польский гонец отбыл обратно, обещав передать предложения Валуа своему государю¹²². В послании, отправленном летом-осенью 1524 г., французский король подтверждал свои намерения заключить с польским государем союз, скрепив его брачным альянсом. К предложению о женитьбе Генриха Орлеанского на одной из польских принцесс добавился проект бракосочетания наследника польско-литовского престола Сигизмунда Августа на Рене Французской, дочери Людовика XII и Анны Бретонской. Обряд венчания предполагалось провести в Милане, для захвата которого планировалось обязать Сигизмунда I предоставить Валуа денежную и военную поддержку¹²³.

О контактах между Ласким и Франциском I довольно скоро стало известно при императорском дворе. Младший брат Карла V Фердинанд Австрийский¹²⁴, в послании императору от 1 ноября 1524 г. не преминул намекнуть на возможность воспользоваться русско-литовскими противоречиями, чтобы остановить ход польско-французских переговоров: «Мне кажется необходимым, Монсеньор, отправить [виконта Ханнарта]¹²⁵ к королю Польши [Сигизмунду I] <...>. Я не могу не удивляться переговорам, которые названный король ведет во Франции через своего посла [Иеронима Лаского], ибо, как мне докладывали, они

¹²⁰ *Instructio agendorum inter Sigismundum, Polonie Regem, et Franciscum, Regem Galliarum // Acta Tomicihana. T. VI. Poznań, 1856. S. 210–212; Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. T. I. Cieszyn, 1936. S. 34.*

¹²¹ Летом 1524 г. французский король во главе армии находился в пути между Лионом и Авиньоном, стремительно продвигаясь к Марселю, осажденному Карлом III де Бурбоном и Фернандо Франческо д'Авалосом, маркизом ди Пескара: Лемонье А. Борьба между Франциском I и Карлом V (1519–1547)... С. 65–66.

¹²² *Responsum a Francisco, Rege Galliarum, datum domino Hieronymo Laski, Oratori // Acta Tomicihana. T. VI... S. 212–214; Bourrilly V.-L. Antonio Rincon et la politique orientale de François Ier (1522–1541)... P. 72–75.*

¹²³ *VnF. Ms. Clairambault 324. Fol. 178–179.*

¹²⁴ Будущий император Фердинанд I.

¹²⁵ Государственный секретарь Жан Ханнарт, виконт де Ломбек, выполнял несколько дипломатических поручений в годы правления Карла V. Так, в частности, в 1533 г. он исполнял обязанности посла при французском дворе: MacMahon L. *The Ambassadors of Henry VIII: the Personnel of English Diplomacy, 1500–1550.* Kent, 1999. P. 124.

полностью противоречат договорам и соглашениям, которые заключены с нами¹²⁶. И в случае, если он не пожелает следовать Вашим обоснованным требованиям, Монсеньор, в Ваших руках находится средство, способное заставить его это сделать, подобно тому как поступил император, мой покойный господин и дед [Максимилиан I] <...>, когда он [король Польши] решил воспрепятствовать замужеству моей супруги [Анны Венгерской] с одним из нас¹²⁷, это – повелитель Московии¹²⁸»¹²⁹.

Во время движения русского посольства под главенством князя Ивана Засекина из Вены в Толедо¹³⁰ Фердинанд Австрийский в письме брату-

¹²⁶ Очевидно, имелись в виду союзные соглашения, достигнутые между императором Максимилианом I (1508–1519) и Сигизмундом I в 1515 г., предполагавшие признание Священной Римской империей сюзеренитета Ягеллонов над Тевтонским орденом и расторжение русско-имперского союзного договора 1514 г. Взамен польский король отказывался от притязаний на владения Владислава II Венгерского: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 128; Лобин А. Н. Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. из собрания исторического Кенигсбергского секретного архива // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1. С. 141–152.

¹²⁷ Анна Ягеллон, единственная дочь Владислава II, короля Чехии (1471–1516) и Венгрии (1490–1516), и французской принцессы Анны де Фуа, была обручена с Фердинандом Австрийским во время Первого Венского конгресса 1515 г. Сигизмунд I тоже хотел жениться на Анне и обрести корону Чехии: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 243.

¹²⁸ Фердинанд Австрийский явно намекал на русско-литовскую войну 1512–1522 гг., во время которой между Василием III (1505–1533) и Максимилианом I был подписан союзный договор 1514 г.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 124–126.

¹²⁹ Цит. по: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 101; *Die Korrespondenz Ferdinands I. Bd. I / bearb. W. Bauer. Wien, 1912. S. 231.*

¹³⁰ Первое посольство Василия III к Карлу V состоялось в 1523 г. Его возглавил гонец Яков Полушкин, привезший к испанскому двору грамоту русского государя от 26 июня 1522 г. Московский правитель просил императора прислать к нему послов для установления дружественных отношений «братства и любви». В 1524 г. Полушкин вернулся в Москву в сопровождении императорского дипломата графа Антонио де Конти. Уже 24 июня 1524 г. де Конти отправился обратно вместе с главой второго русского посольства к Карлу V Иваном Засекиным. Осенью дипломат прибыл в Вену, где был встречен Фердинандом Австрийским, после чего по причине вооруженных столкновений в итальянских землях отправился более долгим морским путем к Иберийскому полуострову через Фландрию и Англию. Весной 1525 г. посольство, наконец, добралось до Испании и было принято Карлом V в Алькасапе 29 апреля. После обретения согласия императора установить столь же дружественные отношения с Русским государством, какие были при его деде и предшественнике Максимилиане I, и, очевидно, получения информации о ходе Итальянских войн, Засекин отправился обратно через Барселону, Тюбинген, Вену и Краков, возвратившись в Москву в апреле 1526 г.: López de Meneses A. *Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527)* // *Bulletin Hispanique*.

императору от 15 февраля 1525 г. сообщал: «О после Московии [Иване Засекине] говорят, Монсеньор, что он был принят со всем почетом повсюду, насколько это было возможно. Я прошу Вас, Монсеньор, также сделать это, поскольку Великий повелитель Московии [Grand Seigneur de Moscovie], его господин, Вам мог бы оказаться полезен в том числе для воспрепятствования брака, который король Франции со всей настойчивостью добивается у короля Польши. Посредством этой возможности, как Вы уже писали, Ваше Величество сможет держать названного короля Польши как вассала, что заставит его принять Ваше желание и волю»¹³¹.

Как известно, помощь Великого княжества Московского в противоборстве с Ягеллонами на востоке на понадобилась: намечавшееся сближение Польши и Великого княжества Литовского с Французским королевством было прервано битвой при Павии 24 февраля 1525 г. Армия Франциска I была разгромлена императорскими войсками. Сам король оказался в плену. Вскоре был заключен Мадридский договор 1526 г.: французский монарх отказался от притязаний на итальянские земли, а все ресурсы его королевства были брошены на выкуп и подготовку к миру¹³². Дальнейшее противоборство со Священной Римской империей не принесло больших результатов¹³³. Изменения на востоке Европы также не благоприятствовали заключению польско-французского союза: 29 августа 1526 г. в результате битвы при Мохаче войска Лайоша II Ягеллона (1516–1526) были разгромлены османской армией под предводительством великого

1946. Т. 38. № 3. Р. 210–226; Лобин А. Н. Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 130–141; Ведюшкин В. А. Великое княжество Московское и первые известия об Испании... С. 17–19; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 215–216.

¹³¹ Цит. по: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 102; *Die Korrespondenz Ferdinands I...* S. 265–266.

¹³² Лемонье А. Борьба между Франциском I и Карлом V... С. 67–94.

¹³³ Как известно, Итальянские войны окончились Като-Камбрезийским мирным договором 1559 г., по которому к Французскому королевству отошли лишь лотарингские крепости Туль, Мец и Верден с землями одноименных епископств. Перед этим, понеся большие потери в битве при Сен-Кантене, истощенные от противостояния, Генрих II и Филипп II провозгласили свои страны банкротами в 1557 г.: Шишкин В. В. Средневековая Франция (V–XVI вв.). СПб., 2019. С. 66. Валлерстайн И. Мир-система Модерна... С. 225.

визиря Паргалы Ибрагима-паши. Сам монарх погиб во время сражения, а Венгерское королевство фактически утратило независимость¹³⁴. Сигизмунду I пришлось выстраивать более тесные отношения с могущественным южным соседом, лавируя между Карлом V и Сулейманом I Великолепным (1520–1566)¹³⁵.

Осенью 1527 г. в ходе разгоравшейся войны Коньякской лиги (1526–1530) Ринкон вновь посетил Польшу, надеясь продолжить переговоры о заключении союза, в который, согласно новому проекту французской стороны, предполагалось включить венгерского короля Яноша I Запольяи (1526–1540), пользовавшегося поддержкой Османской империи. Однако Сигизмунд I предпочел сохранить нейтралитет, предложив свое посредничество в деле примирения Франциска I и Карла V¹³⁶. Ринкон, заручившись посланием польско-литовского государя французскому королю от 6 сентября 1527 г.¹³⁷, вынужден был покинуть Краков.

Летом 1529 г. посланник вновь отправился в Польшу, чтобы повторить предложение Валуа о заключении польско-венгерско-французского альянса. Не найдя Сигизмунда I в столице¹³⁸, дипломат встретился с подканцлером коронным Петром Томицким, который подтвердил прошлое решение своего государя¹³⁹. Отказ Ягеллона от проведения совместных действий с французским двором подтолкнул Франциска I к активизации политики сближения с

¹³⁴ История Венгрии. Т. I / отв. ред. В. П. Пушарин. М., 1971. С. 238; Pálffy G. The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century. New York, 2009. P. 35–37; Гусарова Т. П. Трудности диалога: центральная власть и сословия на венгерский государственных собраниях в эпоху турецких войн в XVI–XVII веках // Средние века. 2013. Т. 74. № 1–2. С. 35–40.

¹³⁵ Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej... S. 34–36; Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. III: The Sixteenth Century to the Reign of Julius III. Philadelphia, 1984. P. 312–321

¹³⁶ Bourrilly V.-L. Antonio Rincon et la politique orientale de François Ier... P. 79–80.

¹³⁷ Charrière E. Négociations de la France dans le Levant. T. I. Paris, 1848. P. 159–160.

¹³⁸ Польско-литовский государь в это время пребывал в Вильно: Bourrilly V.-L. Antonio Rincon et la politique orientale de François Ier... P. 269.

¹³⁹ Ibid. P. 269–270.

Османской империей¹⁴⁰. Попытки наладить более тесное сотрудничество между «наихристианнейшим» монархом и польско-литовской короной, не считая кратких и безуспешных переговоров 1547 г.¹⁴¹, были прекращены вплоть до начала Балтийских войн, однако, как известно, стороны сохранили взаимный интерес друг к другу: дипломаты обеих стран внимательно следили за политикой государей, а негоцианты развивали обоюдодовыгодную торговлю¹⁴².

Первые опосредованные контакты между Русским государством и Французским королевством можно проследить со времени правления Ивана III (1462–1505) и Карла VIII (1483–1498)¹⁴³. Известно, что 21 мая 1485 г. папа Иннокентий VIII (1484–1492) обратился к великому князю Московскому с просьбой не начинать войну с ливонским магистром Иоганном Фрайтагом фон Лорингхофеном (1483–1494) и Казимиром IV (1440–1492), королем Польши и великим князем Литовским, так как последний требовал от Святейшего престола гарантий безопасности восточных границ своих владений для участия в крестовом походе против турок-османов. В Западной Европе ходили слухи, что русский государь прислушается к призывам главы Католической церкви, так как

¹⁴⁰ Уваров П. Ю. Франция во второй половине XV–XVI веке // Всемирная история. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 140.

¹⁴¹ В 1547 г. французская сторона выступила с очередным предложением заключить союз с польской короной, которое, впрочем, было отвергнуто Сигизмундом I: Posiecha W. K. A. Poselstwo Andrzeja Jakubowskiego do Francji w roku 1547 i pierwsza misja Jana Monluca w Polsce // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce* Т. 5. Warszawa, 1960. S. 75–107.

¹⁴² Małowist M. Les produits des pays de la Baltique dans le commerce international au XVIe siècle // *Revue du Nord*. 1960. Т. 42. № 166. P. 175–206; Dardel P. Les relations maritimes et commerciales entre la France, notamment les ports de Rouen et du Havre, et les ports de la mer Baltique, de 1497 à 1783 // *Annales de Normandie*. 1969. № 1. P. 29–57; Sucheni-Grabowska A. Jagiellonowie i Habsburgowie w pierwszej połowie XVI w.: konflikty i ugody // *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. 1983. Т. 38. № 4. S. 449–467; Dybrowska A. Niektóre kromeriana ze zbiorów watykańskich // *Studia Warmińskie*. 1989. Т. XXVI. S. 165–193; Pelus-Kaplan M.-L. La Prusse orientale dans le commerce baltique au XVIe siècle // *Histoire, économie & société*. 2013. № 2. P. 39–49; Pelus-Kaplan M.-L. «Mourir pour Danzig»? L'importance du grand port polonais pour le royaume de France à l'époque moderne // *Expériences de la guerres et pratiques de la paix de l'Antiquité au XXe siècle / sous la dir. de G. Saupin, É. Schnakenbourg*. Rennes, 2019. P. 117–133; Малов В. Н. Франция в России. Судьбы старых документов XVI–XVIII веков. М., 2019. С. 170–171.

¹⁴³ Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию // *Ученые записки Ярославского государственного педагогического института*. 1945. Вып. VII. История. С. 5–8.

просит от него дарования королевской короны¹⁴⁴. Слухи, конечно, не могли пройти мимо французского королевского двора, где в это время начали проявлять немалый интерес к странам севера и северо-востока Европы¹⁴⁵.

Опосредованная роль Франции видна и в русско-имперских переговорах 1489–1494 гг., а также в дальнейшем построении Московским царством своей внешней политики в Европе. Мир, заключенный римским королем Максимилианом (1486–1519) с французским королем Карлом VIII, привел к первому сближению Габсбургов и Рюриковичей: сыну императора Фридриха III (1452–1493) требовался союзник, способный предоставить войска для борьбы с Ягеллонами за венгерский престол. Великому князю же был необходим равноправный альянс с могущественной западной державой, по возможности скрепленный заключением брака, чтобы подчеркнуть независимость и международный авторитет Русского государства. Интересно, что отправленный в Москву и находившийся там в июле-августе 1490 г. императорский посол Георг фон Турн, помимо обсуждения договора об оказании Иваном III военной помощи в деле завоевания Максимилианом «Угорского королевства», интересовался возможностью предоставления русским государем войск против короля Франции¹⁴⁶. Интерес этот тактично был оставлен русской стороной без ответа¹⁴⁷.

Укрепление связей между Рюриковичами и Габсбургами продолжилось. Этому не помешала и новость, привезенная в Москву послами великого князя, бывшими на рейхстаге в Нюрнберге 22 марта 1491 г., связанная с Французским королевством: послы сообщали, что «король обручал до их приезда у Бретанское

¹⁴⁴ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. С. 156–157.

¹⁴⁵ Maillefer J. M. Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans... P. 95–114; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 93–108.

¹⁴⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Памятники дипломатических сношений с империей Римской. СПб., 1851. Стб. 30.

¹⁴⁷ В случае положительного ответа русской стороны, отношения между Русским государством и Священной Римской империей походили бы, очевидно, на отношения между сюзереном и вассалом.

книени дочь», то есть посватался к герцогине Анне Бретонской¹⁴⁸. Это сватовство, как известно, было воспринято королем Карлом VIII как явно недружественный жест: в 1492 г. между Валуа и Габсбургами начался новый виток борьбы, который заставил Максимилиана пойти с Владиславом II Ягеллоном на заключение 7 ноября 1491 г. Пожонского мирного договора, фактически аннулировавшего все соглашения римского короля с великим князем Московским, которые вне противостояния с Ягеллонами теряли смысл. Иван III, к 1493 г. утративший всякие иллюзии о возможности скорого европейского признания, стал воплощать в жизнь идею московского державного суверенитета, а свою европейскую политику ограничил узким кругом сопредельных и близких держав: Ливонией, Пруссией, Литвой, Польшей, Данией и Швецией¹⁴⁹.

Так, Франция оказывала свое влияние на внешнюю политику Русского государства уже с самого начала активного его утверждения на международной арене после освобождения от ордынской зависимости в 1480 г., несмотря на отсутствие политических или экономических связей. Возможно, первым прямым опосредованным контактом между французским королем и великим князем Московским стал прием Карлом VIII в Туре¹⁵⁰ в 1490 г. брата великой княгини Московской Софьи Палеолог Андрея, вместе с сопроводительным письмом и подарками от Ивана III. Как известно, именно французскому монарху старший сын последнего деспота Мореи Фомы Палеолога (1428–1453) продал свои призрачные права на византийский престол¹⁵¹.

В XVI в. отношения между Русским государством и Францией находят еще больше точек соприкосновения. В частности, известно о двух посланиях,

¹⁴⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными... СПб., 1851. Стб. 64.

¹⁴⁹ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 177–198.

¹⁵⁰ Тур – город в центральной Франции, расположенный в долине Луары.

¹⁵¹ Матасова Т. А. Софья Палеолог. М., 2017. С. 217; Матасова Т. А. Кречеты для Московского герцога, или что дарили русские князья итальянским правителям в XV веке? // Родина. 2011. № 12. С. 64–66; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 91–92.

отправленных Василием III Франциску I в 1518 и 1519 гг.¹⁵² Первое касалось возможности заключения союза между Московским царством, Тевтонским орденом и Французским королевством против Ягеллонов и Габсбургов. Вторым посланием великий князь попытался вмешаться в выборную ситуацию, связанную с вакантным трон Свщенной Римской империи, и поддержал претензии на императорский венец Франциска I. Однако, оба послания, по-видимому, так и не достигли адресата. Тем не менее, стоит отметить, что, предлагая Валуа альянс против Габсбургов, великий князь Московский был хорошо осведомлен об Итальянских войнах и разворачивающейся борьбе за военно-политическую гегемонию в Европе¹⁵³. К этому времени «обязательной составной частью наказов русским послам, отправляемым за границу, являлось предписание “пытати”, как обстоят “дела” у государей, к которым они отправлялись»¹⁵⁴. Послам и гонцам рекомендовалось собирать сведения о европейских делах по формуле «проведати тайно»: при московском великокняжеском дворе прекрасно понимали, что при монарших дворах могут получить искаженную информацию и пытались разыскать альтернативные источники ее приобретения¹⁵⁵.

Одновременно с написанием первого послания Василия III Франциску I французский монарх попытался наладить контакты с Русским государством со своей стороны, воспользовавшись посредничеством датской короны. Надо полагать, при дворе Валуа, состоявших в союзных отношениях с Ольденбургами,

¹⁵² Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIII. СПб., 1902. С. IX; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4: Пруссия, Франция, Швеция. М., 1902. С. 78; Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. С. 8–10; Полехов С. В. Послания великого князя Московского Василия III французскому королю Франциску I 1518–1519 гг. // Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 155–173.

¹⁵³ Филюшкин А. И. Василий III. М., 2010. С. 210–241; Бойцов М. А. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций / под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского. М., 2012. С. 162–193; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 94–99.

¹⁵⁴ Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков... С. 177–178.

¹⁵⁵ Там же. С. 179.

знали о русско-датском альянсе, заключенном в 1493 г. и продленном в 1517 г.¹⁵⁶ Франсуа де Бордо, прибывший в Копенгаген для подтверждения датско-французского союзного договора, в письме Франциску I от ноября 1518 г. отмечал: «Сир, король [Дании Кристиан II] сказал мне, что сделает все возможное по отношению к императору России, как Вы его просите, и сообщит Вам результат. <...> Об этом его просил еще покойный король [Людовик XII]»¹⁵⁷. Надо полагать, французский монарх желал наладить поставку ко двору русских охотничьих собак и птиц, ценившихся при организации придворной охоты¹⁵⁸.

На исходе Итальянских войн, в 1555 г. Генрих II отправил Ивану IV дружеское письмо с предложением объединиться для борьбы с Габсбургами, создав альянс, который составили бы Россия, Франция, Османская империя и Швеция. Послание, однако, не дошло до царя, попав в руки императорских агентов¹⁵⁹.

Впрочем, это не остановило стремление Валуа и послов французского короля пристально наблюдать за политикой московского государя. Так, посол в Венеции Франсуа де Ноай, епископ Дакса, в письмах монарху от 10 и 26 мая 1558 г. писал: «Я хорошо помню, что, когда я был послом в Англии¹⁶⁰, туда прибыл посол короля московитов [Ивана IV]¹⁶¹, чтобы завязать и наладить торговлю

¹⁵⁶ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 139–159; Бессуднова М. Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб., 2021. С. 76–80.

¹⁵⁷ ВнФ. Ms. Français 15966. Fol. 216–221; цит. по: Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 85.

¹⁵⁸ Данное предположение было высказано В. В. Шишкиным: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 100. Кроме того, на отправку русских охотничьих собак и соколов из Дании во Францию указывал В. С. Иконников: Иконников В. С. Сношения России с Францией... С. 4.

¹⁵⁹ Дюро Э., Шварц И., Шишкин В. В. В поисках союзников: послание Генриха II Валуа Ивану IV Васильевичу // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 3. С. 871–900; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 108–118.

¹⁶⁰ Де Ноай был отправлен послом в Англию в 1557 г.: Vindry F. *Les Ambassadeurs français permanents au XVIe siècle*. P. 38.

¹⁶¹ Посол русского государя Осип Непея, отправившись в Англию 25 марта 1556 г., прибыл в Лондон в феврале 1557 г.: Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. СПб., 1875. С. 14–15; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 179.

куницами, воском, льном и другими товарами между его народом и англичанами, на что король Филипп¹⁶², вдобавок к оказанным почестям и щедрым подаркам, которые он преподнес ему как от себя, так и от королевы [Марии I], своей жены, велел под видом товаров снабжать их всякого рода наступательным и оборонительным оружием, в особенности артиллерией, с которой они были мало знакомы, и даже приказал отправлять ремесленников¹⁶³, чтобы они имели возможность лучше пользоваться ей против Великого Господина¹⁶⁴, на борьбу с которым он их побуждал»¹⁶⁵.

Бежавший от религиозного преследования ко двору курфюрста Августа I Саксонского (1553–1586) французский протестант Юбер Ланге, находившийся в дружеских отношениях с послом Генриха II в Дании Шарлем де Данзе¹⁶⁶, в письме к знаменитому реформатору Жану Кальвину от 26 августа 1558 г. отмечал: «Князь Московский [Иван IV] вторгся в Ливонию, которую почти всю опустошил, и взял города Нарву¹⁶⁷ и Дерпт¹⁶⁸. Говорят, что даже недавно он занял Ревель¹⁶⁹, значительный приморский город, порт которого наиболее

¹⁶² Филипп II Испанский, будучи супругом Марии I Тюдор (1553–1558), являлся королем-консортом Англии в 1554–1558 гг.: Прескотт У. История правления Филиппа II, короля Испании. Ч. I / пер. с англ. Н. И. Тимошенко. М., 2023. С. 109–137.

¹⁶³ Результатом русско-английских переговоров стало упрочение экономических связей между двумя странами. В мае 1557 г. Непея отправился обратно в Москву в сопровождении Энтони Дженкинсона, привезя с собой на четырех кораблях мастеров, врачей, пушки, вооружение и боеприпасы: Клибанов А. И. У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е гг. XV–XVI вв.) // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 47; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века... С. 200–201.

¹⁶⁴ Сулейман I.

¹⁶⁵ Charrière E. *Négociations de la France dans le Levant*. Т. II. Paris, 1850. P. 450.

¹⁶⁶ Richard A. *Un diplomate poitevin du XVIe siècle...* P. 129–130.

¹⁶⁷ Нарва была полностью занята русскими войсками 12 мая 1558 г.: Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2022. С. 68.

¹⁶⁸ Дерптский епископ Герман Вейланд сдал город князю Петру Шуйскому 20 июля 1558 г.: Там же. С. 75.

¹⁶⁹ Ланге ошибся: несмотря на широкий масштаб действий русской армии во время ливонской кампании 1558 г., Ревель не стал одной из ее целей. Очевидно, московские воеводы не обладали достаточными силами для штурма мощной городской крепости: Филюшкин А. И. *Осады Ревеля 1570–1571 и 1577 гг.* [Электронный ресурс] // «Балтийский путь» от Александра Невского до Ивана Грозного. Борьба России за Балтику. Виртуальный путеводитель по местам памяти. Режим доступа: <https://baltic-way.spbu.ru/ru/trips/43-marshruty-livonskoj-vojny/397-osady-revelya-ru.html>.

удобен и безопасен из всех, лежащих у Венедского залива¹⁷⁰. В Любеке строится флот на средства саксонских городов для оказания помощи ливонцам. Но Московиту пошлется только добыча, потому что он имеет в войске до восьмидесяти или ста тысяч всадников. Король Польши [Сигизмунд II Август] спокойно смотрит на эти трагедии, но Московит вынудит его выйти из этого бездейственного состояния, если займет Ливонию, так как Литва¹⁷¹, Пруссия¹⁷² и Жмудь¹⁷³ – провинции короля – смежны. И невероятно, чтобы князь Московский успокоился, так как ему всего двадцать восемь лет, и он почти с самого детства воспитан среди битв и по натуре отважен. И отвага его даже возросла, благодаря многим удачным сражениям с татарами, которых он, как говорят, уничтожил триста или четыреста тысяч в различных битвах. Он имеет трех царей их в плену, которых возит всегда с собою, и отнял у них царство Казань¹⁷⁴, которое лежит при реке Волге по направлению к Каспийскому морю. В последние даже годы он нанес сильное поражение шведскому королю [Густаву I], который, наконец, деньгами купил у него мир¹⁷⁵. Если какому-либо государству предстоит возрасти в Европе, то этому»¹⁷⁶.

К этому моменту Русское государство уже не было *terra incognita* для французов: в Париже читали сочинения о России поляка Матвея Меховского (1517), немцев Иоганна Боземия (1520), Иоганна Фабри (1526), Себастьяна Мюнстера (1544) и Сигизмунда Герберштейна (1549), итальянца Павла Йовия (1525), голландца Альберта Кампенского (1543)¹⁷⁷. В королевской канцелярии

¹⁷⁰ Финский залив.

¹⁷¹ Великое княжество Литовское.

¹⁷² Западная Пруссия была присоединена к польским землям в 1466 г. Вассальная зависимость для Восточной Пруссии была установлена в 1525 г.: Бессуднов Д. А. *Protectores et conservatores...* С. 58–59.

¹⁷³ Жемайтия – регион, располагавшийся на севере Великого княжества Литовского.

¹⁷⁴ Казань была захвачена царскими войсками 2 октября 1552 г.

¹⁷⁵ Русско-шведская война 1555–1557 г.

¹⁷⁶ Стоит отметить, что в это же время, в августе 1558 г., юрьевский (дерптский) воевода князь Петр Шуйский интересовался у прибывшего в середине месяца датского посольства отношениями Датского королевства с Англией, Шотландией и Францией: Хорошкевич А. Л. *Россия в системе международных отношений середины XVI века...* С. 222.

¹⁷⁷ Самотовинский Д. В. Одно из «самых славных государств» мира... С. 217

государственный секретарь Жан Дютье, ведавший иностранными делами, регулярно получал известия о русских делах от французских послов в Венеции, Копенгагене и Константинополе¹⁷⁸. Наконец, королевский архивист Жан Дю Тийе, сеньор де Ла Бюсьер, в 1540-х открыл, благодаря перлюстрации старинных грамот, что через Анну, дочь Киевского князя Ярослава Мудрого и жену Генриха I, французский и русский дома связаны родственными узами¹⁷⁹.

§ 2. Русское государство и Французское королевство в годы Северной семилетней войны

Вести о нараставшем напряжении между Датским и Шведским королевствами в 1557 г. довольно быстро достигли французского двора¹⁸⁰. В апреле 1558 г. в Копенгаген из Стокгольма отправился французский дворянин, состоявший на службе шведского монарха, Шарль де Морне, сеньор де Варенн. Посланнику было поручено уладить противоречия, возникшие между Кристианом III и Густавом I после того, как датский король в 1557 г. добавил изображение трех корон на свой герб, что было расценено шведским государем как возвращение Дании к политике воссоздания Кальмарской унии. Де Варенн должен был обратиться к французскому послу в Копенгагене Шарлю де Данзе, с

¹⁷⁸ Malov V. N. Les archives d'un secrétaire d'Etat de Henri II retrouvées à Moscou // Bibliothèque de l'École des chartes. 1977. № 2. P. 313–339. О донесениях французских послов в Константинополе, посвященных политике Русского государства на его южных рубежах в 1550-х – начале 1560-х гг. см.: Виноградов А. В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. 344 с.

¹⁷⁹ Шишкин В. В. Анна Ярославна во французской литературе эпохи Возрождения (вторая половина XV–XVI в.). Рождение Анны Русской // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 64–68.

¹⁸⁰ Известно, что при дворе Валуа пристально следили за событиями Балтийских войн, получая сведения о ходе конфликта из Вены, Лондона и Копенгагена. Так, например, вскоре после начала русско-литовской войны в письме послу в Священной Римской империи Бернардену Бошетелю, епископу Реннскому, от 6 июня 1561 г. Екатерина Медичи писала: «Потрудитесь узнать, будет ли продолжаться дальше война между королем Польши и Московитом»: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 128; *Lettres de Catherine de Médicis*. T. I / éd. par H. de La Ferrière. Paris, 1880. P. 204.

просьбой выступить посредником в деле урегулирования датско-шведских разногласий¹⁸¹.

Несмотря на то, что переговоры окончились безрезультатно, развитие конфликта было временно приостановлено. Кристиан III скончался в январе 1559 г., оставив престол Фредерику II, коронация которого состоялась в августе того же года. Незадолго до этого, в июле 1559 г., в результате несчастного случая, произошедшего на рыцарском турнире, погиб Генрих II. Новый монарх Французского королевства, Франциск II, внимая рекомендациям своих главных советников, Гиз-Лотарингских, поручил Данзе возобновить союзные договоренности с Данией, приостановленные Кристианом III после Шпейерского мира 1544 г.¹⁸²

Надо полагать, Валуа опасались сближения Фредерика II с Елизаветой I Тюдор, ко двору которой в июле 1559 г. был отправлен Иоганн Спитхоф с предложением о браке между датским монархом и английской королевой¹⁸³. Несмотря на то, что посланник Ольденбурга получил отказ, Данзе, исполняя поручение своего государя, выступил с обращением к Фредерику II с просьбой направить в Париж посольство для подтверждения датско-французского союза 1541 г. Вскоре с этой целью был снаряжен Георг Люкке, прибывший ко двору Валуа в январе 1561 г.¹⁸⁴

Датский посол посетил Французское королевство во время заседания Генеральных штатов, собранных в январе 1561 г. с целью примирить католиков и гугенотов, а также обсудить финансовые затруднения. Как известно, депутаты не смогли разрешить ни экономический, ни политический, ни религиозный кризисы, лишь продемонстрировав глубокий раскол в обществе и предзнаменуя

¹⁸¹ Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle // Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897. Copenhague, 1898. P. 630.

¹⁸² Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 44.

¹⁸³ Adams S., Gehring D. S. Elizabeth I's Former Tutor Reports on the Parliament of 1559: Johannes Spithovius to the Chancellor of Denmark, 27 February 1559 // The English Historical Review. 2013. Vol. 128. № 530. P. 35–54.

¹⁸⁴ Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle... P. 632.

грядущие вооруженные конфликты¹⁸⁵. Екатерина Медичи, ставшая правительницей государства согласно эдикту «Об установлении регентства во время несовершеннолетия короля» от 21 декабря 1560 г., распустила штаты 31 января 1561 г., сославшись на кончину Франциска II, в связи с которой полномочия делегатов прекратили свое действие. Одновременно с этим генеральным наместником королевства стал король Наваррский Антуан де Бурбон, герцог де Вандом, выступавший за свободу вероисповедания. При его участии был разработан Орлеанский эдикт, отправленный в виде закрытых писем в провинциальные парламенты 28 января 1561 г. Постановление предписывало приостановить все судебные разбирательства в отношении вероисповедания и освободить всех заключенных, кроме открытых мятежников и заговорщиков¹⁸⁶.

В столь непростой для Валуа обстановке Люкке получил аудиенцию у юного короля Карла IX и Екатерины Медичи. Сторонам удалось договориться о заключении нового датско-французского союза, после чего в торжественной обстановке было объявлено о даровании Фредерику II золотой цепи рыцарского ордена Св. Михаила¹⁸⁷. Затем был устроен праздничный обед, на котором Антуан Наваррский заявил датскому послу, что в скором времени во Французском королевстве будет установлена свобода вероисповедания. Люкке, несмотря на

¹⁸⁵ Romier L. *Catholiques et Huguenots à la cour de Charles IX*. Paris, 1924. P. 1–58; С. 491; Давила Э. К. *История Гражданских войн во Франции*. Т. I / пер. с ит. Р. Л. Шмаракова; комм. В. В. Шишкина, С. М. Рябова, Д. Ю. Кирсанова. СПб., 2023. С. 491.

¹⁸⁶ Daussy H. *Le partie Huguenot. Chronique d'une désillusion (1557–1572)*. Genève, 2014. P. 196. Давила Э. К. *История Гражданских войн во Франции*. Т. I. С. 491.

¹⁸⁷ Летом 1561 г. в Датское королевство со знаками отличия ордена святого Михаила был отправлен рейнграф Иоганн-Филипп, граф фон Сальм, состоящий на французской службе, который вручил их Фредерику II, находившемуся в тот момент во Фленсбурге в Шлезвигском герцогстве. Известно, что датский король по прибытию французского посланника высказал несколько замечаний по поводу возможности принятия им орденских символов. Монарх как глава лютеранской церкви Дании сомневался в своем праве принять золотую цепь католического ордена и вступить в его сообщество. Однако после заверений, сделанных, очевидно, Данзе, Фредерик II согласился принять дар французского королевского дома. Послу удалось убедить монарха в дипломатическом, а не религиозном характере принимаемого им подарка. Вскоре датский король написал ответное послание Карлу IX, в котором обещал сохранить «столь великую, старейшую и неизменную дружбу» между Данией и Францией: РНБ. ОР. Колл. автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 1; Richard A. *Un diplomate poitevin du XVIe siècle...* P. 45–46.

замечание, что кальвинистское учение во многом противоречит положениям лютеранской церкви, в целом положительно воспринял намерения генерального наместника¹⁸⁸. Надо полагать, французская сторона желала показать датскому дипломату, что преследования протестантов в королевстве в скором времени станут невозможны, надеясь на дальнейшее доброжелательное отношение Фредерика II к союзу с Валуа.

В начале 1563 г. Шарль де Данзе отправился из датской столицы в Париж с просьбой Фредерика II заручиться поддержкой Валуа в будущем конфликте с Эриком XIV. Король надеялся на ведение совместных боевых действий на море против шведского флота. При условии согласия Карла IX и Екатерины Медичи монарх обещал предоставить аналогичную помощь в случае начала англо-французской войны¹⁸⁹.

Первоначально данное предложение было одобрено французской короной: после аудиенции у короля и королевы-матери Данзе был отправлен в нормандский Дьепп для снаряжения эскадры¹⁹⁰. Очевидно, регентша желала сохранить и упрочить контакты с датским двором, опасаясь, что Фредерик II продолжит политику своего предшественника – Кристиана III, который после Шпейерского мира 1544 г. отстранился от построения тесных связей с Валуа вплоть до своей смерти в 1559 г.

Тем не менее, во время подготовки флота Екатерина Медичи неожиданно изменила свое решение. Все приготовления были отменены, а дипломат отправлен обратно в Копенгаген, чтобы сообщить датскому королю об отказе в его просьбе. Следуя полученным инструкциям, Данзе во время разговора с Фредериком II должен был сослаться на необходимость сохранения французского флота у берегов Нормандии и Бретани из-за угрозы со стороны Англии, а также предложить уладить датско-шведские противоречия путем переговоров при посредничестве Карла IX¹⁹¹. Ситуация на севере королевства,

¹⁸⁸ Rørdam H. F. *Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle...* P. 632–633.

¹⁸⁹ *Ibid.* P. 634–635.

¹⁹⁰ *Ibid.*

¹⁹¹ *Lettres de Catherine de Médicis. T. II / éd. par H. de La Ferrière. Paris, 1885. P. 117–118.*

погруженного в гражданское противостояние¹⁹², зимой 1563 г. действительно оставалась тяжелой: если Дьепп был освобожден королевскими войсками в ноябре 1562 г., то Гавр, другой нормандский портовый город, до сих пор находился в руках гугенотов, ждавших денежной и военной помощи от Елизаветы I¹⁹³. В феврале англичане во главе с Габриэлем I де Лоржем, графом де Монтгомери, и Франсуа де Бриквилем, бароном де Коломбьером, высадились на побережье, соединившись с армией одного из лидеров протестантов Гаспара II де Колиньи, сеньора де Шатийона, собравшего таким образом под своим командованием более восьми тысяч солдат и наемников¹⁹⁴. Кроме того, надо полагать, Валуа не желали открыто вмешиваться в боевые действия на севере Европы, боясь, что в этом случае в балтийском конфликте примут участие Тюдоры и Габсбурги, стремившиеся пошатнуть французское влияние в регионе¹⁹⁵. Вместе с тем вступление в войну со Швецией грозило снижением французского торгового трафика на Балтике, который к середине XVI в. неизменно возрастал¹⁹⁶ и являлся важным источником пополнения королевской казны, находившейся в плачевном состоянии¹⁹⁷.

Война между Данией и Швецией разразилась поздней весной 1563 г. Уже осенью, воспользовавшись окончанием гражданской войны¹⁹⁸ и выдворением

¹⁹² Первая Религиозная война 1562–1563 гг.

¹⁹³ Doran S. Elizabeth I and Foreign Policy 1558–1603. London, 2000. P. 21–23.

¹⁹⁴ Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 111–151, 497–499.

¹⁹⁵ Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle... P. 635.

¹⁹⁶ Известно, что летом 1552 г. в Данциг из Франции прибыло 18 торговых судов, груженных солью: Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik, 1946. S. 43–44. К 1560-м гг. в сторону балтийских портов ежегодно отправлялось не менее 200 кораблей: Kirchner W. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650). P. 165.

¹⁹⁷ Внешний долг французской короны в 1563 г. составлял порядка 40 миллионов экю: Anquetil L.-P. Histoire de France. Т. II. Paris, 1845. P. 545; Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 505.

¹⁹⁸ Мирный договор, завершивший Первую Религиозную войну между католиками и гугенотами, был подписан в Амбуазском замке 18 марта 1563 г. На следующий день, 19 марта, был издан эдикт умиротворения, подтвердивший Сен-Жерменский эдикт от 17 января 1562 г., предоставивший протестантам право отправлять свой культ: Labourdette J.-F. Charles IX, un roi dans la tourmente des guerres civiles (1560–1574). Paris, 2018. P. 43–44.

англичан из Гавра¹⁹⁹, провозглашенный совершеннолетним²⁰⁰ Карл IX поручил Данзе сделать все от него зависящее, чтобы добиться мира между двумя сторонами²⁰¹. Екатерина Медичи в письме Фредерику II от 22 октября 1563 г. сокрушалась по поводу начавшегося конфликта, прося монарха положиться на французского посла, сделав его посредником в переговорах с Эриком XIV²⁰².

Вскоре на стороне Дании выступила Польша. Сигизмунд II Август в послании, отправленном в Копенгаген 5 июля 1563 г., поддержал датского монарха, назвав Эрика XIV вероломным государем, который без объявления войны напал на соседние страны, принеся с собой пролитие христианской крови и многочисленные убийства. Польский король высказал готовность отправить армию в Ливонию для борьбы со шведскими войсками и снарядить флот для организации противоборства на море, а также обещал в ближайшее время снарядить посольство к Фредерику II²⁰³.

Союз между двумя державами был заключен 5 октября 1563 г. и предполагал ведение совместных боевых действий и организацию морской блокады²⁰⁴. За несколько месяцев до подписания официального соглашения Сигизмунд II разрешил польским каперам захватывать и грабить шведские суда, о чем уведомил датского короля в письме от 23 августа 1563 г.²⁰⁵ Кроме того,

¹⁹⁹ Английский гарнизон под предводительством Амброза Дадли, граф Уорика, сдался армии коннетабля Анна I, герцога де Монморанси, 29 июля 1563 г.: Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 159–160.

²⁰⁰ Совершеннолетие Карла IX, которому исполнилось 13 лет, было провозглашено парламентом Руана 17 августа 1563 г.: Labourdette J.-F. Charles IX... P. 44–47.

²⁰¹ Французский монарх в письме своему послу в Вене Бернардену Бошетелю от 29 декабря 1563 г., писал, что поручил Данзе сделать все возможное для примирения двух сторон: *Lettres de Catherine de Médicis*. Т. II. P. 117–118. И. Валлерстайн, взяв за основу рассуждения польского историка В. Чалпинского, отмечал: «Получая крупные прибыли от привилегированного экономического положения на Балтике, Нидерланды, Англия, а до этого Франция становились все более заинтересованы в том, что происходило в этой части Европы. Прежде всего, эти государства хотели обезопасить свою торговлю от неудобств войны, и именно поэтому они приложили заметные усилия в улаживании конфликтов»: Валлерстайн И. Мир-система Модерна... С. 399.

²⁰² Rørdam H. F. *Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle...* P. 637.

²⁰³ EFE. Т. IX. *Res polonicae ex Archivo regni daniae / coll. L. Koczy*. Romae, 1964. № 19.

²⁰⁴ Bodniak S. *Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona...* S. 50.

²⁰⁵ EFE. Т. IX. № 21.

стороны обязались не вести сепаратных переговоров с Эриком XIV²⁰⁶. Вскоре к датско-польскому союзу присоединился Любек, желавший восстановить свои торговые привилегии на Балтике²⁰⁷.

В условиях нарастания польско-шведского противоборства Эрик XIV, опасаясь начала мятежных действий внутри королевства, приказал заключить под стражу своего младшего брата Юхана Финляндского, женатого на сестре Сигизмунда II – Екатерине Ягеллонке²⁰⁸. Такое решение шведского монарха разорвало последние связи с Краковом: в письме Фредерику II от 5 декабря 1563 г. польский король обвинил Эрика XIV в крайней жестокости и просил, так как согласно союзному соглашению он не имел возможности вступить в переписку со шведским государем, опровергнуть или подтвердить слухи, что его зять был убит во время взятия под стражу, оставив свою супругу вдовой. В конце послания Сигизмунд II написал, что не намерен бросать сестру на произвол судьбы²⁰⁹.

За событиями, стремительно разворачивавшимися в балтийском регионе, внимательно следили при французском дворе. В январе 1564 г. Данзе, узнав о предложении императора Фердинанда I собрать мирный конгресс в померанском Ростоке, вновь отправился в Париж для получения инструкций. Король и королева-мать одобрили план Габсбургов, написав послания монархам Дании и Швеции с просьбой прислать своих делегатов и приостановить боевые действия на время переговоров²¹⁰. Однако если Фредерик II высказал свою готовность к диалогу, то Эрик XIV, вдохновленный победой шведского флота под командованием Якоба Багге над датской эскадрой Якоба Брокенхуса в битве при Борнхольме 30 мая 1563 г.²¹¹, отказался снарядить своих представителей.

²⁰⁶ Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona... S. 50.

²⁰⁷ Бессуднова М. Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века... С. 343–344.

²⁰⁸ Щеглов А. Д. Скандинавские страны в XV–XVI веках // Всемирная история. Т. 3: Мир в раннее Новое время... С. 240.

²⁰⁹ EFE. Т. IX. № 23.

²¹⁰ Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 19–64.

²¹¹ Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 годов // История военного дела: исследования и источники. 2014. № 2. С. 284.

Французский гонец Жан Дюран, прибывший в Стокгольм с посланием Карла IX в начале весны 1564 г., вынужден был вернуться в Копенгаген, где предоставил Данзе информацию об итогах своей миссии²¹².

Оказавшись в затруднительном положении, посол решил заручиться новыми посланиями французского монарха, для чего в очередной раз посетил королевский двор, находившийся во время «Большого путешествия» на юге Франции²¹³, осенью 1564 г. Доехав до Авиньона и получив необходимые письма и указания, Данзе весной 1565 г. отправился в Любек, где лично обратился к магистрату города с просьбой продолжить переговоры с шведским королем о скорейшем заключении мира. Затем, вернувшись в Данию в мае 1565 г. и встретившись с Фредериком II, он послал гонца к польскому монарху²¹⁴, после чего выехал в Швецию. Не добившись согласия Эрика XIV рассмотреть возможность диалога с противоборствующей коалицией, дипломат возвратился в Копенгаген²¹⁵.

Надо полагать, отказ шведского короля от переговоров о заключении мирного соглашения основывался на успешных действиях его флота на Балтике. В морском сражении при Эланде 12 августа 1564 г. адмиралу Класу Кристерссону Горну удалось разгромить датскую флотилию под командованием

²¹² Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck // Handlingar rörande Skandinaviens Historia. Vol. XI. Stockholm, 1824. P. 346–347; Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle... P. 640.

²¹³ О «Большом путешествии» 1564–1566 гг. и итинерариях членов семьи Валуа в это время см.: Champion P. Catherine de Médicis présente à Charles IX son royaume, 1564–1566. Paris, 1937. 489 p.; Boutier J., Dewerpe A., Nordman D. Un Tour de France royal. Le Voyage de Charles IX (1564–1566). Paris, 1984. 409 p.; Solnon J.-F. La cour de France. Paris, 1996. P. 52–77; Chatenet M. La cour de France au XVIe siècle. Vie sociale et architecture. Paris, 2022. P. 18–33; Le Grand Tour de Charles IX et Catherine de Médicis, 1564–1566 [Электронный ресурс] / sous la dir. de P. Gambette, C. Trotot, C. zum Kolk. Режим доступа: <https://citedesdames.github.io/de-ville-en-ville/>; Шишкин В. В. Сравнительные итинерарии Карла IX Валуа и Екатерины Медичи в 1561–1574 гг. // Средние века. 2022. Т. 83. №. 2. С. 108–126; Итинерарий Карла IX Валуа (1560–1574) [Электронный ресурс] / под ред. В. В. Шишкина, С. М. Рябова. Режим доступа: <https://charlesix.spbiiran.ru>.

²¹⁴ В послании Фредерику II от 20 июля 1565 г. Сигизмунд II упомянул, что к нему обратился Данзе с просьбой оказать содействие скорейшему прекращению войны и рассмотреть условия заключения мира с Эриком XIV: EFE. Т. IX. № 41.

²¹⁵ Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle... P. 640; Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 51–56.

Герлуфа Тролле, захватив три вражеских корабля и взяв в плен несколько сотен моряков. В июне 1565 г. Горн вновь вступил в сражение с эскадрой Тролле близ крепости Висмар, во время которого датский адмирал был смертельно ранен, а его корабли вынуждены были отступить к Копенгагену. Наконец, 7 июля 1565 г. состоялась Борнхольмская битва, в которой новый датский флотоводец Отте Руд потерял пять судов, в том числе флагманский корабль «Jægermesteren», и попал в плен²¹⁶.

Вместе с тем Эрик XIV взял курс на заключение союза с Московским царством, желая укрепить свои позиции в Ливонии. В послании Ивану IV от 17 апреля 1563 г. он обещал придерживаться в отношениях с Русским государством «доброго соседства и дружбы»²¹⁷. Прибывшее в Москву в августе 1564 г. шведское посольство, добилося от царя заключения семилетнего перемирия с признанием за Эриком XIV прав на Ревель, Пярну, Вайсенштейн и Каркус²¹⁸. В письме Ивану IV от 23 января 1565 г. Эрик XIV просил Рюриковича не препятствовать захвату владений Сигизмунда II шведскими войсками, а также обещал не вступать в мирные переговоры с польским государем и ручался, что не будет предоставлять какую-либо помощь врагам русского правителя. Более того, шведский монарх гарантировал, что не станет выступать против захвата царем Риги и Дюнамюнде²¹⁹.

Известно, что Иван IV, несмотря на союз с Датским королевством, заключенный 7 августа 1562 г.²²⁰, положительно воспринял идею альянса со Швецией. Очевидно, московский государь желал ослабить Великое княжество Литовское, войскам которого в январе 1564 г. удалось разгромить русскую армию в битве под Улой, сорвав план наступления на Оршу, Минск, Новогрудок

²¹⁶ Филлюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. С. 284–285.

²¹⁷ RA. RR. 1563. Jan. – Aug. supplement. Fol. 99—99v.

²¹⁸ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века... С. 405–406.

²¹⁹ RA. RR. 1565. Jan. – April. Fol. 141–143v.

²²⁰ Окончательно русский текст договора был скреплен датской королевской печатью 3 декабря 1562 г. во время посольства князя Антона Ромодановского в Копенгаген: Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века... С. 360.

и окрестности Друцка. Серьезным ударом стала гибель командующего царским воинством Петра Шуйского²²¹. В мае 1565 г. в Стокгольм от имени Ивана IV²²² отправилось посольство во главе с Третьяком Пушечниковым, который по всей видимости должен был устно передать Эрику XIV предложение о заключении русско-шведского союза и признании шведского короля «братом» царя в обмен на выдачу Екатерины Ягеллонки московской стороне²²³. Несмотря на то, что Пушечников не доехал до шведского государя, погибнув в дороге из-за бушевавшей эпидемии, толмач Нечай Тамаров, входивший в состав русского посольства, сумел передать королю благожелательное отношение царя к перспективе заключения альянса между Русским государством и Шведским королевством, а также упомянул о «некоем деле», которое посол должен был обсудить с монархом²²⁴. Летом 1565 г. Эрик XIV приказал своим полководцам в Ливонии воздерживаться от конфликтов с русскими войсками и, при возможности, действовать с ними совместно²²⁵.

Сближение Ивана IV и Эрика XIV не осталось незамеченным при польском дворе. Сигизмунд II в письме Фредерику II от 17 ноября 1564 г. писал о «тесной

²²¹ Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2013. С. 84–99; Филошкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. С. 259–265; Ерусалимский К. Ю. Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение Опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. 2017. № 1. С. 17–23.

²²² Отправление посольства от царского имени, а не от новгородского наместника, надо полагать, являлось одним из первых дружественных актов Ивана IV в отношении Эрика XIV, сигнализировавшим скорое принятие шведского короля в «братство»: Толстиков А. В. «Холоп государю не брат»: Шведско-русский дипломатический спор XVI века // Чело. Новгород, 2000. № 2 (18). С. 36–40.

²²³ Если Эрик XIV, воюя с Данией, Любеком и Польшей, остро нуждался в союзнике, способном нормализовать обстановку в Ливонии, то Иван IV преследовал свои интересы: Екатерина Ягеллонка нужна была ему как заложница для давления на Сигизмунда II с целью получения польской части Ливонии, а также, как показывает К. Ю. Ерусалимский, включения Великого княжества Литовского в состав Русского государства: Ерусалимский К. Ю. Республика без республиканизма: дискурсы «общего дела» в Московской Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К. А. Соловьева. М., 2021. С. 247. Анализ планов Эрика XIV передать Екатерину Ягеллонку в руки Ивана IV см.: Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа: новый источник по истории Балтийских войн // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 3. С. 905–909.

²²⁴ Hjärne H. Svensk-ryska förhandlingar 1564–72: Erik XIV:s ryska förbundsplaner. Uppsala, 1897. S. 68–72.

²²⁵ Ibid. S. 74–76.

дружбе» между русским и шведским государями, прося датского короля закрыть Эресуннский пролив для торговых судов, плывущих в Нарву. Польский государь отмечал, что контрабандные товары (боеприпасы и вооружение), в большом количестве поступавшие в этот балтийский порт, частично передавались московской стороной шведским войскам для ведения боевых действий в Ливонии²²⁶. В послании от 13 апреля 1565 г. Сигизмунд II, апеллируя к союзному соглашению о торговой блокаде шведских портов, призвал Фредерика II воспрепятствовать коммерции Любека с Русским государством, вновь подчеркнув, что через Нарву войска Эрика XIV получают все необходимое для проведения военных операций, что сводит на нет все усилия польского флота²²⁷. Свои опасения Ягеллон повторил в послании датскому монарху от 20 июля 1565 г.²²⁸

Фредерик II и его советники также внимательно следили за изменениями в русско-шведских отношениях: в послании Ивану IV от 12 января 1564 г. датский король писал, что узнал о передаче товаров, пропущенных им в Нарву, поданным Эрика XIV, прося царя прекратить косвенную экономическую поддержку шведов, пригрозив воспрепятствовать «нарвскому плаванию»²²⁹. В письме московскому государю от 23 августа (1 сентября) 1564 г. датский правитель вновь просил прекратить трансфер нарвских товаров шведским негоциантам²³⁰, написав, что в противном случае будет вынужден раздумывать

²²⁶ EFE. Т. IX. № 35.

²²⁷ EFE. Т. IX. № 39.

²²⁸ EFE. Т. IX. № 41.

²²⁹ Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326–1690 / под ред. Ю. Н. Щербачева. М., 1893. № 169 (153); Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 1 / под ред. Ю. Н. Щербачева. М., 1915. № 126.

²³⁰ О русско-шведской торговле в годы правления Эрика XIV см.: Новицкий Г. А. Вопросы торговли в русско-шведских отношениях XVI в. // Скандинавский сборник. 1957. № 2. С. 38–46; Roberts M. The Swedish Imperial Experience (1560–1718). Cambridge, 1979. P. 26–29; Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772. New York, 2013. P. 126.

над прекращением судоходства в русскую Ливонию и запретом плаваний английских купцов в Беломорье²³¹.

Надеясь переломить ход боевых действий и не допустить усиления военного потенциала шведской армии, Фредерик II осенью 1565 г. отправил во Францию своего агента Андерса Лорикса²³², который должен был установить связи с командирами отрядов, готовыми перейти на службу к датскому королю. Довольно скоро Лориксу удалось связаться с капитаном Пьером-Бертраном де Монлюком, сеньором де Копенном²³³, который вместе со своим отрядом согласился отправиться в Скандинавию в качестве наемника²³⁴. Узнав об этом из отчета агента²³⁵, Фредерик II, апеллируя к союзу между Ольденбургскими и Валуа, в послании от 10 декабря 1565 г. просил Карла IX и Екатерину Медичи разрешить Копенну принять участие в северном конфликте, подчеркнув, что многие французские протестанты, покидающие свою страну, беспрепятственно вступают в шведскую армию²³⁶.

Однако король и королева-мать, по-прежнему придерживаясь политики нейтралитета, отказали датскому монарху, назвав в качестве одной из основных причин своего решения беспорядки в испанских Нидерландах²³⁷. В письме Данзе

²³¹ Датский архив. Материалы по истории древней России... № 179 (163); Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 1. № 136.

²³² О биографии Лорикса см.: Ödberg F. Om Anders Lorichs, k. Johan III:s ständige Legat i Polen, och hans tid (1569–1584). Bidrag till svenska diplomatiens och den katolska reaktionens historia. Skara, 1893. 123 s.

²³³ О биографии этого французского капитана также известного как Пейро Монлюк см.: Gaffarel P. Le capitaine Peyrot Monluc // *Revue Historique*. 1879. Т. 9. № 2. P. 273–332.

²³⁴ Отряд во главе с Копенном в это время был снаряжен своим предводителем для отправки на Мадейру и Порту-Санту с целью грабежа. В период датско-французских переговоров, длившихся с октября по декабрь 1565 г., он успел высадиться на этих португальских островах, убив несколько сотен жителей и опустошив Вилу-Балейру и Фуншал, что вызвало резонный протест Ависской династии. Екатерина Медичи, стараясь снять ответственность за бесчинства Копенна с короны, цинично заявила, что французов намеренно спровоцировали на вооруженное столкновение и они только защищались: Шишкин В. В. Франко-португальская дипломатическая корреспонденция в 1550-х – 1570-х гг. (на основе автографов из Санкт-Петербурга) // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2018. № 11. С. 191–193; Lucio S. Madère ou l'île façonnée par les rencontres (XVe–XVIIIe siècle) // *Hypothèses*. 2021. № 1 (22). P. 291–302.

²³⁵ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 57–59.

²³⁶ Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle... P. 643.

²³⁷ В то же время император Максимилиан II занял более однозначную позицию, запретив указом от 5 ноября 1565 г. торговлю с подданными Эрика XIV и вступление в шведскую армию

от 24 сентября 1566 г. Карл IX отмечал: «До меня дошла жалоба, с которой король Дании, мой кузен, обратился к Вам по поводу некоторых французских капитанов, которые, как ему сказали, обещали королю Швеции привести к нему отряд, состоящий из французов. Я рассмотрел ее и категорически запретил тем, кто мог бы исполнить данное обещание, и всем моим подданным, какого бы звания и положения они не были, поступать на службу к кому бы то ни было без моего разрешения и позволения. Я уверен, что никто из моих подданных не станет это нарушать, и заверяю Вас, что при той дружбе, которую я питаю к обоим королям, я буду внимателен к тому, чтобы не допустить подобного. Волнения, которые происходят во Фландрии, это пламя, разгорающееся так близко от моего дома, не позволяют мне лишиться лучших солдат моего королевства, которые, как Вы знаете, всегда будут теми, кто готов в первых рядах отправиться в бой»²³⁸.

Тем временем Данзе, держа Карла IX и Екатерину Медичи в курсе изменений, происходивших в балтийском регионе, по-прежнему не оставлял попыток добиться окончания боевых действий: осенью 1565 г. он вновь совершил поездку в Стокгольм, где сообщил шведскому королю условия мира, выдвинутые союзниками. Эрик XIV в очередной раз отказался обсуждать их требования, и, кроме того, заявил, что, являясь таким же великим правителем, как французский король, не намерен прислушиваться к советам иностранного дипломата²³⁹. Не исключено, что столь резкое замечание, адресованное послу, базировалось на ожидании скорого признания «братства» шведского короля с русским государем²⁴⁰. Известно, что Эрик XIV, будучи вторым монархом независимой Швеции после более чем столетнего существования Кальмарской

в качестве наемников под страхом суровых наказаний: *Sveriges traktater med främmande magter*. Vol. 4 / udg. af O. S. Rydberg. Stockholm, 1888. S. 532–537; Jensen F. P. *Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570*. København, 1982. P. 181; Lavery J. *Germany's Northern Challenge...* P. 75–76.
²³⁸ BnF. Ms. Clairambault 355. Fol 6123v; *Lettres de Catherine de Médicis*. T. II. P. 386.

²³⁹ Rørdam H. F. *Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle...* P. 645.

²⁴⁰ Желание Эрика XIV взаимодействовать с царем напрямую, а не через новгородских наместников, базировалось на сходной политике его отца, Густава I: Хорошкевич А. Л. *Россия в системе международных отношений середины XVI века...* С. 173, 186.

унии, ревностно относился к положению дома Васа на международной арене. Наравне со стремлением короля напрямую взаимодействовать с Иваном IV и заявлением, обращенным к Данзе, ярким символическим актом, направленным на укрепление статуса шведской монархии, можно считать изготовление в 1561 г. золотой короны, украшенной бриллиантами и имевшей выгравированную монограмму «ER» – «Ericus Rex»²⁴¹. Портрет короля, написанный антверпенским художником из гильдии святого Луки²⁴² Доминикусом вер Вильтом²⁴³ в том же 1561 г., по всей видимости, также создавался с целью подчеркнуть высокое положение монархии²⁴⁴. Государь, вооруженный мечом, изображен в богатых доспехах, держа в руках королевский жезл²⁴⁵. В верхней части картины четко обозначен титул позирующего: «Suedorum, Gotthorum, Vanadlorumaq[ue] rex»²⁴⁶. Показательно, что на портретах его отца, Густава I, и будущего короля, Юхана III, невозможно увидеть ничего из перечисленного, кроме титула и, на некоторых полотнах, меча²⁴⁷. Более того, Эрик XIV в годы своего правления приступил к созданию ренессансного королевского двора²⁴⁸, судя по всему, взяв за образец куриальную структуру Валуа²⁴⁹. Особое место в жизни нового института занял

²⁴¹ Cederström R. De svenska riksregalierna och kungliga värdighetstecknen. Stockholm, 1942. S. 103–123.

²⁴² Антверпенское объединение художников и скульпторов, созданное в конце XV в.: Baudouin F. Metropolis of the Arts // Antwerp's Golden Age: the Metropolis of the West in the 16th and 17th Centuries. Antwerp, 1973. P. 23–33.

²⁴³ Вер Вильт был приглашен в качестве придворного портретиста Густавом I в 1556 г.: Woldbye V. Flemish Tapestry Weavers in the Service of Nordic Kings // Flemish Tapestry Weavers Abroad. Emigration and the Founding of Manufactories in Europe / ed. by G. Delmarcel. Leuven, 2002. P. 91–111.

²⁴⁴ Ныне портрет находится в Национальном музее Швеции в Стокгольме.

²⁴⁵ Невилл К. Искусство и культура Скандинавской Центральной Европы. 1550–1720 / пер. с англ. О. Ермаковой. СПб., 2022. С. 47–48.

²⁴⁶ Король и Шведский, Готский и Вандальский.

²⁴⁷ Анализ шведской портретной живописи XVI в. представлен в ряде исследований: Benesch O. The Art of the Renaissance in Northern Europe. Leicester, 1965. 216 p.; Harrison D. Kalmars historia. Den begravda staden – medeltid och renässans. Lund, 2017. 330 s.; Porras S. Art of the Northern Renaissance: Courts, Commerce and Devotion. London, 2018. 240 p.

²⁴⁸ Шаскольский И. П. Политическая борьба во второй половине XVI века // История Швеции / отв. ред. А. С. Кан. М., 1974. С. 164.

²⁴⁹ Надо полагать, шведский монарх черпал информацию о дворе Валуа из разных источников. В первую очередь, о нем мог рассказать учитель Эрика XIV – Дионисий Берреус, француз, выпускник Сорбонны, приглашенный Густавом I в 1543 г. в качестве врача и наставника для юного наследника престола, не раз выполнявший посольские миссии, в том числе во Франции.

церемониал, призванный подчеркнуть иерархию рангов и должностей, став формой репрезентации монаршей власти. В стране, разделенной Густавом I между сыновьями, в которой аристократические фамилии, связанные семейными узами с королевским домом, по-прежнему были сильны²⁵⁰, государь превращался в недостижимую публичную и церемониальную фигуру, что способствовало усилению его власти²⁵¹.

На следующий день после отказа рассмотреть условия мира, Эрик XIV вновь встретился с Данзе. Во время разговора с французским послом шведский король провозгласил, что принял решение окончательно отказаться от посредничества европейских монархов, выразив надежду на скорую победу в войне. Сославшись на древние обычаи, запрещающие вмешиваться иноземцам в противоречия между Данией и Швецией, Эрик XIV назвал единственным возможным вариантом диалога встречу представителей двух королевств на границе, что заведомо противоречило одному из пунктов датско-польско-любекского соглашения о невозможности ведения сепаратных переговоров²⁵².

Несмотря на это, Данзе удалось убедить Фредерика II в необходимости принять предложение шведского монарха²⁵³. В результате долгих обсуждений,

Кроме того, король мог познакомиться со структурой и церемониалом двора благодаря своему ближайшему советнику Шарлю де Морне, французскому капитану, который, будучи протестантом, перешел на службу к Густаву I в 1557 г. и, так же как Берреус, множество раз выполнял посольские поручения. Не исключено, что Эрик XIV мог беседовать о дворе Валуа с Шарлем де Данзе, как во время подтверждения шведско-французского договора 1542 г. в 1559 г., так и в ходе дальнейших встреч: Landberg G. Dionysius Beurraeus. Diplomat, Novman, Läkare, Riksråd [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexicon. Режим доступа: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/mobil/Artikel/18140>; Odelberg W. Charles de Mornay et la cour de Suède // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français. 1952. Vol. 99. P. 21–31.

²⁵⁰ Шаскольский И. П. Политическая борьба во второй половине XVI века... С. 163.

²⁵¹ Анализ политики Эрика XIV, производящийся в данной главе, позволяет не согласиться с мнением известного шведского историка Э. Ф. Хекшера, считавшего, что в течение XVI в. «Швеция, по сути дела, оставалась средневековой страной: как и прежде изолированная политически, экономически и интеллектуально, страна по-прежнему была обращена в прошлое, а не в будущее»: Heckscher E. F. An Economic History of Sweden. Cambridge, 1954. P. 77–78; Валлерстайн И. Мир-система Модерна... С. 279.

²⁵² Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle... P. 645.

²⁵³ Согласие Фредерика II на проведение сепаратных мирных переговоров со шведской короной, надо полагать, подтверждает мнение датского историка Ф. П. Йенсена об оборонительном характере Северной семилетней войны для Ольденбурга: Jensen F. P. Danmarks konflikt med Sverige... S. 24–70.

длившихся с осени 1565 г. по весну 1567 г., местом переговоров был выбран приграничный Фалькенберг²⁵⁴. В то же время агенты Максимилиана II в феврале 1567 г. добились согласия противоборствовавших сторон на проведение мирного конгресса в померанском Штральзунде²⁵⁵. Однако оба города так и не дождались прибытия посольства из Стокгольма: надо думать, Эрик XIV намеренно тянул время, чтобы подготовить армию и флот для продолжения боевых действий.

Впрочем, изначально высказывая сомнения в искренности намерений шведского короля заключить мир, датский монарх также занимался подготовкой войск для продолжения конфликта. Известно, что в начале 1567 г. Фредерик II в очередной раз обратился к Карлу IX и Екатерине Медичи с просьбой разрешить набор французских солдат на службу датской короне. Однако Валуа вновь ответили отказом. В письме Данзе от 7 апреля 1567 г. королева-мать писала: «Я хотела бы попросить Вас извиниться за то, что господин Король, мой сын, не может разрешить ни наем аркебузирова, ни отправку французских дворян и капитанов, чего столь настойчиво просит король Дании, подкрепив свои доводы теми причинами, которые рассматриваются в письме [Короля]. Сделайте так, чтобы король Дании знал, что, если он и не получит того, о чем просит, то это будет не из-за недостатка нашей благосклонности и дружбы, на которые он может рассчитывать, но вследствие крайней нужды, которая не позволяет нам этого сделать, поскольку лишиться солдат и капитанов в условиях, когда, насколько нам известно, оружие наших соседей уже наготове и столь внушительные приготовления к войне ведутся с разных сторон, означало бы

²⁵⁴ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 63–65. В послании Екатерине Медичи от 8 июля 1567 г. Фредерик II отметил особую посредническую роль французской короны и лично Данзе в деле примирения враждующих сторон, попросив и дальше содействовать прекращению датско-шведского конфликта: РНБ. ОР. Колл. автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 2. Стоит отметить, что Данзе находился в дружеских отношениях с датским монархом, который его высоко ценил и не раз обращался за советом. Французский дипломат также прятельствовал со многими влиятельными придворными и приближенными Фредерика II, среди которых особо можно выделить канцлера Нильса Кааса, астронома Тихо Браге, теолога Расмуса Глада, проповедника и историка Андерса Серенсена Веделя: Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause. Denmark's Role in the Wars of Religion, 1559–1596. Leiden; Boston, 2004. P. 107.

²⁵⁵ Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 103–123.

поступить так, как никогда не поступил бы ни один благоразумный государь. Также скажите ему, что, мы, желая сохранить дружбу, которую имеем с обоими королями, не должны отречься от обязательств к нашему другу и, поддерживая одного, делать врагом другого»²⁵⁶.

Несговорчивости шведского государя в деле достижения мира с датско-польско-любекской коалицией способствовал прогресс в русско-шведских переговорах. По причине того, что Пушечников не смог передать Эрику XIV предложение царя о заключении альянса и передаче московской стороне Екатерины Ягеллонки, Ивану IV пришлось сделать его вновь, на этот раз через прибывшего в Русское государство весной 1566 г. шведского дипломата Ханса Ларссона Бьернрама²⁵⁷. Предложение царя было принято шведским королем. На следующий год в Москву было отправлено посольство во главе с Нильсом Юлленшерной, которое заключило договор от 16 февраля 1567 г., предполагавший выдачу Екатерины Ягеллонки и подписание союза между двумя странами²⁵⁸.

Столь стремительное сближение Московского царства и Шведского королевства ярко контрастировало с нарастанием противоречий между Данией,

²⁵⁶ BnF. Ms. Français 17832. Fol. 135v; *Lettres de Catherine de Médicis*. Т. III / éd. par H. de La Ferrière. Paris, 1887. P. 26. Под «приготовлениями к войне» Екатерина Медичи, очевидно, имела в виду поход испанской армии во главе с Фернандо Альваресом де Толедо и Пиментелем, герцогом Альбой, во Фландрию. В начале 1567 г. в помощь своей сестре, правительнице Нидерландов Маргарите Пармской, Филипп II направил восемь тысяч пеших и тысячу двести конных солдат, наделив их командующего чрезвычайными полномочиями в борьбе с освободительным движением и протестантами. Валуа, намеренно сея панику, искусно воспользовались данной ситуацией не только на международном уровне, но и внутри государства: в обстановке опасности войны с испанской короной двор сумел обеспечить наем шести тысяч швейцарцев, которые прибыли во Францию летом 1567 г. под началом полковника Людвиг Пфайфера. Усилив тем самым королевскую армию, предполагалось разбить разрозненные силы гугенотов. Однако протестантам стало известно о данном плане: началась Вторая Религиозная война (1567–1568), завершившаяся подписанием 23 марта 1568 г. мирного договора в Лонжюмо, повторившего основные статьи Амбуазского мира 1563 г., по которому гугенотам предоставлялась свобода вероисповедания в ряде областей: Прескотт У. История правления Филиппа II, короля Испании. Ч. III / пер. с англ. Н. И. Тимошенко. М., 2023. С. 7–48; Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 189–223, 513.

²⁵⁷ Ahnlund N. Hans Larsson (Björnram) // *Svenskt biografiskt lexikon*. Band 4. Stockholm, 1924. S. 656–661.

²⁵⁸ Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 907.

Польшей и Любеком. В послании, отправленном в Копенгаген 29 апреля 1566 г., Сигизмунд II, высказав удивление по поводу решения датского монарха не препятствовать русско-европейской и, в частности, русско-любекской торговле, просил сообщить, обязал ли Фредерика II русско-датский договор от 7 августа 1562 г. оказывать помощь Ивану IV, отправляя вооружение, боеприпасы и военных мастеров. Ягеллон обвинил датского короля в пренебрежительном отношении к тяжелой ситуации, в которой находилось Польско-Литовское государство, вновь подчеркнув, что своими действиями Фредерик II усиливает не только московское воинство, но и шведскую армию²⁵⁹. В письме датскому королю от 1 мая 1566 г. Сигизмунд II написал, что получил от Данзе известие о планах проведения переговоров между Фредериком II и Эриком XIV в Фалькенберге, напомнив, что союзный договор запрещает сепаратное соглашение со шведской стороной²⁶⁰. В послании от 26 сентября 1566 г. польской-литовский монарх вновь высказал сомнение по поводу необходимости датско-шведских переговоров, отметив, что, у него была возможность заключить мир с Эриком XIV, но он не пошел на это²⁶¹. В письме от 25 января 1567 г. Сигизмунд II в очередной раз обратился к данному сюжету²⁶².

В условиях нарастания датско-польских и польско-любекских противоречий²⁶³, Сигизмунд II, видя шаткость положения Великого княжества Литовского на фоне войны с Русским государством, выдвинул идею союза с Валуа²⁶⁴. Расставшись с третьей супругой, дочерью императора Фердинанда I

²⁵⁹ EFE. Т. IX. № 47.

²⁶⁰ EFE. Т. IX. № 49.

²⁶¹ EFE. Т. IX. № 52.

²⁶² EFE. Т. IX. № 54.

²⁶³ Весьма показательно, что литовское посольство Юрия Ходкевича, Юрия Тишкевича и Михаила Гарабурды, посетившее Москву летом 1566 г., предложило Ивану IV проект антишведского союза, предполагавший раздел между Русским государством, Польским королевством и Великим княжеством Литовским шведских владений в Ливонии. Впрочем, царь, взяв курс на построение альянса с Эриком XIV, оставил без ответа данную инициативу: Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. С. 266.

²⁶⁴ Польско-французские отношения активно развивались в первой половине 1560-х гг. Это было связано с похожими религиозными проблемами, имевшимися внутри двух государств: во Франции начались Гражданские войны между католиками и гугенотами, а в Польше и Литве

Екатериной Австрийской, в октябре 1566 г., бездетный Ягеллон отправил в Рим своего секретаря Яна Баптиста Пуччини²⁶⁵ с поручением встретиться с представителем французского двора при Святом Престоле Жюстом де Турноном, графом де Руссильоном²⁶⁶. Агент Сигизмунда II должен был передать размышления своего государя, касавшиеся наследования польско-литовского престола после его смерти, предложив корону дому Валуа²⁶⁷. Взамен монарх просил поддержки французского двора в споре о церемониальном первенстве с королем Португалии Себастьяном I²⁶⁸.

протестантская шляхта и умеренно настроенные представители епископата требовали от короля созыва «национального собора» («*concilium nationale*»), чтобы урегулировать отношения между двумя разными конфессиями. Политика, проводимая во Французском королевстве Екатериной Медичи при поддержке генерального наместника Антуана де Бурбона и канцлера Мишеля де Л'Опиталья, направленная на примирение двух сторон конфликта, активно обсуждалась в польско-литовской среде и многими ставилась в пример. Известно, что сам польский монарх часто обсуждал события, происходившие во Франции и в первой половине десятилетия, был предрасположен к решению созвать «национальный собор». Однако Франция все глубже погружалась в пучину кровавой религиозной борьбы, и Сигизмунд II предпочел встать на сторону приехавшего в Польшу папского нунция Джованни Франческо Коммендони, которому сообщил в мае 1565 г., что считает созыв собора «смертельным лекарством». При этом польский король и его советники не переставали следить за событиями во Франции и, в особенности, за внешнеполитическими действиями французской короны: Любович Н. Н. История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии (по неизданным источникам). Варшава, 1883. С. 68–69, 81, 110–112; Флоря Б. Н. Планы созыва в Польше середины XVI века «*concilium nationale*» и французский пример (памяти В. Н. Малова) // Средние века. 2020. Т. 81. № 1. С. 116–126; Коноплянко К. С. Генезис анабаптизма в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском в 1550–1560 годах // Славяноведение. 2021. № 2. С. 8–25; Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике при Иване Грозном // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 4. С. 1487.

²⁶⁵ Ян Баптист Пуччини – личный секретарь итальянского происхождения польской королевы Боны Сфорца, супруги Сигизмунда I, писец королевской канцелярии и секретарь Сигизмунда II: Korolko M. *Poczet sekretarzy królewskich Zygmunta Augusta, 1548–1572* // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 1986. Т. XXXI. S. 78–79.

²⁶⁶ Надо полагать, что польско-литовский государь отправил своего агента не напрямую ко французскому двору, а именно в Рим, руководствуясь соображениями сохранности последовавших переговоров в тайне: сближение Ягеллонов и Валуа могло вызвать предсказуемую негативную реакцию Габсбургов.

²⁶⁷ Serwański M. *Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta* // *Kwartalnik Historyczny*. 1974. Т. 81. S. 251–266; Очевидно, последний Ягеллон опасался раздела Польско-Литовского государства между Рюриковичами и Габсбургами после его смерти: Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 1487.

²⁶⁸ Ависская династия являлась младшей ветвью дома Капетингов, тогда как Валуа – старшей. Планируя передачу престола французскому дому, Сигизмунд II, очевидно, рассчитывал на признание церемониального первенства Ягеллонов над португальским домом, надеясь тем самым показать статус и престиж польско-литовской короны.

Турнон пересказал свой разговор с Пуччини в письме Екатерине Медичи от 25 ноября 1566 г. В декабре того же года королева-мать, явно заинтересовавшись предложением Сигизмунда II, в ответном послании французскому послу в Риме отмечала: «Кузен мой, я ознакомилась с тем, что Вы сообщили мне в Ваших письмах от двадцать пятого числа прошлого месяца. Я узнала как о споре о [церемониальном] первенстве между королями Польши и Португалии, так и о просьбе, с которой секретарь короля Польши, находящийся там²⁶⁹, обратился к Вам за Вашей поддержкой, а также о предложении, которое он Вам сделал. Об этом Вы желаете услышать как мнение Монсеньора Короля, так и мое. По этим вопросам я, прежде всего, скажу Вам, что ответ, который Вы ему дали, был, несомненно, мудрым и что Король, мой сын, как и я, остались очень довольны. Теперь Вам остается только дать ему понять, что, находясь в мире и дружбе со всеми своими соседями, Король, мой сын, желает сохранить дружбу каждого из них, не стравливая их друг с другом, дабы не приобрести вражду тех или других. Он давно пребывает в дружбе с королем Португалии²⁷⁰, который является его соседом, и заявить о дружбе с королем [Польши], с которым у него нет ни доброго соседства, ни взаимного согласия²⁷¹, означало бы совершить то, что никто из его слуг не посоветовал бы ему делать. Затем Вы можете добавить, что если то, что [секретарь короля Польши] изложил, будет реализовано и король Польши пожелает сделать что-нибудь для Короля, моего сына, или для его братьев, то он может быть уверен, что [Король] возьмется за это начинание как за свое собственное и не побоится открыто заявить о своей поддержке в этом вопросе. Тем не менее, держа [секретаря короля Польши] в поле зрения и сохраняя его в добром расположении, не проявляйте к нему

²⁶⁹ В Риме.

²⁷⁰ Себастьян I.

²⁷¹ С середины 1560-х гг. начали нарастать польско-французские противоречия на Балтике, связанные с русско-французской торговлей в Нарве: Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona... S. 148–150; Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов // Средние века. 2022. Т. 83. № 1. С. 164–181.

большого внимания. Что же касается второго пункта, этой замечательной речи, благодаря которой можно надеяться на тысячу прекрасных проектов, то я не нахожу в ней ничего такого, что, могло бы воспрепятствовать нам, зная о воле короля Польши, горячо ее восхвалять и всячески поддерживать. Но все это только слова, и мы должны сначала узнать, кто тот человек, который их произносит, чье поручение он выполняет, делает он это по своей воле или по приказанию своего господина, а затем, узнав о воле короля Польши, разузнать о средствах, необходимых для того, чтобы его корона была передана французской крови, в том случае если у него не появится детей. Убедившись же, что [секретарь короля Польши] говорит по поручению своего господина, мы могли бы с полной уверенностью перейти к поиску средств, необходимых для того, чтобы привести данное дело к хорошему исполнению. Вот, мой кузен, то, что, Вы должны учесть. Если [секретарь короля Польши] сообщит Вам еще какие-либо сведения по этому вопросу, то Вы должны внимательно изучить их и потрудится ознакомиться с ними, бесконечно восхваляя столь благое намерение короля, его господина. Вы также можете его уверить, что, будучи услышанным Королем, моим сыном, и мной, он будет вознагражден сообразно его заслугам. В частности, Вы должны оказать ему различные знаки внимания и дать ему все, что только можно. Если же Вы заметите, что есть хоть малейшая видимость [успеха], поручите ведение [этого дела] Виженеру²⁷², который, оставшись наедине [с секретарем короля Польши] и осведомившись [о данном деле], постарается всеми силами поспособствовать его исполнению. В беседах с [секретарем короля Польши] он, высоко оценив его предложение, уверит его, что если удастся сделать так, чтобы его господин, не имея детей, принял бы одного из моих [сыновей] и даровал бы ему корону Польши, то не нашлось бы другого

²⁷² Блез де Виженер, сеньор де Сен-Поль (1523–1596) – секретарь французского посольства и королевский агент в Риме в 1549 и 1566–1569 гг. Увлекался астрологией, алхимией и криптографией. Интерес к последней, надо полагать, должен был помочь ему при ведении тайных переговоров с Пуччини: Bouchard E. Notice biographique sur Blaise de Vigenère // Bulletin de la société d'émulation du département de l'Allier. T. VIII. Moulins, 1861. P. 196–212; Sarazin M. Blaise de Vigenère, Bourbonnais. Introduction à la vie et à l'œuvre d'un écrivain de la Renaissance. Charroux, 1996. 112 p.

более достойного и славного человека в его народе, нежели он, тем более что Король, мой сын, я, и мой сын, которому он обеспечил бы это благо, вознесли бы его до небес. Кроме того, [Виженер] также разузнает, нет ли у [короля Польши] племянниц или близких родственниц, с которыми можно было бы заключить брак, который придаст бы значимости этому [предложению], а также выяснит, что из себя представляет государь Венгрии²⁷³, о котором говорит [секретарь короля Польши], какое положение он занимает в королевстве и как к нему относятся поляки. Все это Виженер скажет от себя во время беседы, не дав понять, что у него есть какие-либо инструкции, данные нами»²⁷⁴.

Таким образом, Екатерина Медичи, рассмотрев предложение Сигизмунда II, внимательно отнеслась к перспективам воцарения династии Валуа на польско-литовском престоле, разработав подробные инструкции как для Турнона, так и для Виженера. Повелев дипломатическим представителям французского двора продолжить переговоры с Пуччини, она, тем не менее, просила их проявить осмотрительность и осторожность, очевидно, опасаясь противодействия Габсбургов и Рюриковичей. Вместе с тем королева-мать отказалась поддержать Ягеллона в споре о церемониальном первенстве с Себастьяном I. Надо полагать, такое решение было связано с существовавшим на тот момент проектом женитьбы португальского монарха на Маргарите де Валуа, младшей дочери Генриха II и Екатерины Медичи, который активно продвигался французской короной с 1559 г.²⁷⁵ Королева-мать также высказала опасения насчет фигуры венгерского государя Яноша II Жигмонда Запольяи, повелев Виженеру прояснить вопрос о его правах на польско-литовский престол. Кроме того, для укрепления положения французского принца как потенциального наследника

²⁷³ Янош II Жигмонд Запольяи – король Венгрии (1540–1570) и князь Трансильвании (1570–1571), сын Яноша I и Изабеллы Ягеллонки, племянник польского монарха Сигизмунда II, прославившийся политикой веротерпимости: История Венгрии. Т. I. С. 359–363.

²⁷⁴ *Lettres de Catherine de Médicis*. Т. II. Р. 404.

²⁷⁵ Chichkine V. *Mirage d'une alliance. Les relations franco-portugaises dans les collections manuscrites de Saint-Petersbourg (1557–1572)* // *Histoire, économie et société*. 2021. № 1. Р. 38–55.

Ягеллона она дала распоряжение разузнать о возможностях брака между одним из ее сыновей и ближайшей родственницей Сигизмунда II²⁷⁶.

Виженер выполнил поручение Екатерины Медичи²⁷⁷, однако вскоре Пуччини был отозван Сигизмундом II: Ягеллон, желая вступить в новый матримониальный союз и родить долгожданного наследника, выразил надежду на аннулирование папой римским Пием V (1566–1572) его брака с Екатериной Австрийской²⁷⁸. Последовавшие за этим франко-османские переговоры о наследовании домом Валуа польско-литовской короны посредством женитьбы Генриха Анжуйского на Анне Ягеллонке также ни к чему не привели²⁷⁹: проект был отложен французской короной до 1571 г., когда его активным продвижением занялся Жан де Монлюк, епископ Валанский²⁸⁰.

Пока польский, французский и османский дворы вели переговоры о наследнике Сигизмунда II, шведский монарх Эрик XIV, выстраивая союз с

²⁷⁶ Судя по всему, Данзе в это время также получил приказание Екатерины Медичи подробно разузнать об устройстве Польского королевства и Великого княжества Литовского. В депеше Карлу IX от 20 сентября 1567 г., помимо изложения информации о боевых действиях между русскими и литовскими войсками в Ливонии, дипломат описал характер выборной королевской власти в Польше, отметив при этом, что «власть в Великом княжестве Литовском передается по наследству». Это, по мнению посла, порождало «ряд разногласий» между поляками и литовцами: «поляки желают присоединить владения Литвы», преследуя цель распространить на ее шляхту те же свободы по избранию короля, что существуют в Польше. Реализация идеи тесной унии двух стран подтверждалась в дальнейшем другими депешами Данзе. Кроме того, посол описал большие трудности, испытываемые литовской шляхтой в войне с Русским государством, катастрофу, грозящую Литве без польской помощи: Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. С. 118–119; *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 35–40; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 336–337.

²⁷⁷ Vigenère de B. *La description du Royaume de Poloigne et pays adiacens avec les statuts, constitutions, mœurs et façons de faire d'iceux*. Paris, 1573. Fol. VIII.

²⁷⁸ Как известно, понтифик не расторг этот брачный союз: Spórna M., Wierzbicki P. *Słownik władców Polski i pretendentów do tronu polskiego / pod red. E. Wygonik*. Kraków, 2003. S. 233–235.

²⁷⁹ Serwański M. *Kandydata francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta*. S. 251–266. Кроме того, в 1565–1571 гг. Екатерина Медичи предприняла ряд попыток добиться женитьбы Генриха Анжуйского на Елизавете I Английской, которые, однако, ни к чему не привели: оба кандидата на брак были против него: Шевалье П. *Генрих III. Шекспировский король / пер. с фр. Е. Хохловой*. М., 1997. С. 123–126; Knecht R. J. *Hero or Tyrant? Henri III, King of France, 1574–1589*. Farnham, 2014. P. 42–45.

²⁸⁰ Wallon M. H. *Henri de Valois et la Pologne en 1572 // Journal des Savants*. 1867. P. 703–722; Kociszewska E. *La Pologne, un don maternel de Catherine de Médicis? La cérémonie de la remise du Decretum electionis à Henri de Valois // Le Moyen Age*. 2011. № 3. P. 561–575.

Русским государством, искал сближения с Английским королевством, по всей видимости, надеясь, на помощь Елизаветы I в борьбе с Данией на западе. В посланиях английской государыне от 28 июня 1565 г. и 5 марта 1567 г. он выдвинул свою кандидатуру на роль ее мужа, предложив вместе с тем заключить военный альянс и более тесное торговое соглашение²⁸¹. Королева, ответив на оба письма вежливым отказом, предпочла сохранить нейтралитет в Северной семилетней войне, очевидно, опасаясь закрытия датским королем Зундского пролива и северного морского пути для английских негоциантов. Кроме того, вмешательство Елизаветы I в северный конфликт на стороне Эрика XIV подтолкнуло бы Валуа воспользоваться предложением Фредерика II о датско-французском союзе против Англии взамен на помощь в борьбе со Швецией²⁸². Не исключено, что ситуацией не преминули бы воспользоваться Габсбурги²⁸³.

Иное развитие получили переговоры Эрика XIV с Иваном IV. Весной 1567 г. в Стокгольм было отправлено посольство во главе с боярином Иваном Воронцовым, которое должно было ратифицировать союзный договор и заполучить Екатерину Ягеллонку, предоставив шведской стороне dokonчальную грамоту с золотой печатью, в которой Эрик XIV именовался как «брат наш, Ирик, Божию милостию король Свейский и Готский, и Венедийский, и Колыванский, и взятых частей в Ливонской земле»²⁸⁴. Однако посольство прибыло в неподходящий момент: в мае 1567 г. шведский король учинил расправу над кланом Стуре и его приближенными²⁸⁵, после чего психическое

²⁸¹ Andersson I. Erik XIV. Stockholm, 1963. S. 60, 93, 87–88; Karlsson M. Three letters of proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England: Edited with Introduction // *Humanistica Lovaniensia*. 2009. Vol. 58. P. 81–101.

²⁸² Тема английской угрозы была одним из главных сюжетов французской официальной корреспонденции конца 1560-х гг. Ср.: РНБ. ОР. Колл. автографов П. П. Дубровского. Авт. 36/1, № 17, 23; BnF. Ms. Français 3178. Fol. 154.

²⁸³ Kouri E. I. For True Faith or National Interest? Queen Elizabeth I and the Protestant Powers // *Politics and Society in Reformation Europe* / ed. by E. I. Kouri, T. Scott. London, 1987. P. 418.

²⁸⁴ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 122–124. Автор сердечно благодарит д.и.н. А. В. Беякова, подсказавшего обратить внимание на Титулярник 1577 г. Подробнее о данном источнике см.: Беяков А. В. «Потерянный» источник: Титулярник 1577 г. // *Российская история*. 2020. № 6. С. 131–142.

²⁸⁵ Убийство членов аристократической семьи Стуре было совершено в Уппсале 24 мая 1567 г. по приказу Эрика XIV, опасавшегося роста влияния данной фамилии в Швеции и возможного

здоровье монарха пошатнулось²⁸⁶. Управление страной взял на себя риксрод, который, объединившись с частью дворянства, недовольной внутренней политикой монарха и долгой войной, освободил из заключения Юхана Финляндского и Екатерины Ягеллонку. Объединившись с младшим братом – Карлом Сёдерманландским – и собрав внушительные силы, Юхан поднял восстание, выдвинувшись к Стокгольму²⁸⁷. Русские послы были приняты Эриком XIV, частично оправившимся от болезни, лишь в июле 1568 г. после собрания риксрода, на котором было принято решение о невозможности ратифицировать договор от 16 февраля 1567 г.²⁸⁸ Члены государственного совета Пер Браге, Габриэль Христиерсон Оксешерна и Нильс Гюлленшерна заявили Ивану Воронцову, что «супротивно Богу и закону <...> у жива мужа законная жена взяти»²⁸⁹. В начале сентября шведский король на последней аудиенции, данной послам, подтвердил решение своих советников²⁹⁰.

Дальнейшее описание событий можно увидеть в пространном отчете Данзе королю Карлу IX и королеве-матери Екатерине Медичи, приложенном к письмам от 1 декабря 1568 г. Французский дипломат писал: «Король Шведский был не уверен, как закончится смута в его королевстве, и желал удовольствоваться Московита, чтобы самому этим воспользоваться, и пообещал послу Московии отдать ему вместо герцогини свою мачеху, третью жену упомянутого короля

мятежа со стороны ее представителей. В ходе кровавой расправы были убиты главные представители этого клана – Сванте, Нильс и Эрик Стуре. Вместе со Стуре были умерщвлены их приближенные: брат третьей жены Густава I Екатерины Стенбок Абрахам Стенбок и Ивар Йонссон: Щеглов А. Д. Скандинавские страны в XV–XVI веках... С. 240; Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period... P. 117–118.

²⁸⁶ Депрессивное и маниакальное состояние Эрика XIV длилось около семи-восьми месяцев: Wigert V. Erik XIV. Hans sinnessjukdom. Historisk-psykiatrisk studie. Stockholm, 1920. S. VIII.

²⁸⁷ Среди причин, подтолкнувших герцогов к мятежу против королевской власти, особо стоит выделить женитьбу Эрика XIV на Катарине Монсдоттер в июле 1568 г. и последовавшее за этим узаконение их детей. Сын шведского короля Густав, таким образом, становился наследником престола, что отдалило от короны как Юхана Финляндского, так и Карла Сёдерманландского: Щеглов А. Д. Скандинавские страны в XV–XVI веках... С. 240–241.

²⁸⁸ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 498–500.

²⁸⁹ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века... С. 497.

²⁹⁰ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 56–57.

Густава, весьма красивую даму, которой было около тридцати пяти лет²⁹¹, и своих двух сестер²⁹². Кроме того, считается бесспорным, что король Шведский хотел, отправив этих дам, сам тоже уехать к Московиту»²⁹³.

Стоит отметить, что французский дипломат, внимательно следивший за событиями на севере Европы, в письме Карлу IX, написанном еще 26 февраля 1567 г. отмечал, что большая часть шведских сословий желает мира и недовольна постоянным повышением налогов в условиях чумы, свирепствовавшей с середины 1560-х гг. Посол, рассуждая о политике Эрика XIV, пророчески отмечал: «я боюсь, что его подданные сыграют с ним какую-нибудь злую шутку»²⁹⁴. В депеше, отправленной королю 20 сентября 1567 г. Данзе вновь высказал свои опасения, указав на возрастание недовольства среди дворянства: «У короля Шведского было небольшое число слуг, которые некоторое время управляли его делами к великому сожалению всех подданных королевства. Они, заставив его с помощью ложных донесений подозревать всех знатных сеньоров в стране, столь сильно отдалили [короля Шведского] от всего дворянства, что он планировал их всех предать смерти»²⁹⁵.

Осенью 1568 г. войска мятежников достигли Стокгольма, который без сопротивления сдался Юхану Финляндскому и Карлу Сёдерманландскому. Эрик XIV был смещен с престола, заключен под стражу и вскоре отправлен в Абоский замок. Русское посольство было арестовано и ограблено²⁹⁶. Данзе, красочно описавшему последние дни правления старшего сына Густава I в отчете королю и королеве-матери от 1 декабря 1568 г., лишь оставалось заключить: «Удивительно, что у этого короля оказалось столь мало друзей, верных подданных и слуг, что и десять человек не захотели умереть, чтобы защитить его

²⁹¹ Катарина Стенбок.

²⁹² Принцессы София и Елизавета Васа.

²⁹³ Цит. по: Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 333.

²⁹⁴ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 1–15.

²⁹⁵ *Ibid.* S. 35–40; Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. С. 118–119; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 163.

²⁹⁶ Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 908.

и сохранить ему трон, хотя у него было достаточно времени, чтобы помешать действиям его врагов. Но часто случается, что кровожадных государей и тиранов ждет печальный и трагический конец, ведь Бог дарует им власть, а в руки дает меч, чтобы защищать добрых, а карать лишь злых»²⁹⁷.

Новый шведский король Юхан III взял курс на стабилизацию международного положения королевства, сблизившись с Сигизмундом II. Внешняя политика Швеции и Польши постепенно становилась сходной²⁹⁸. В послании Фредерику II от 22 сентября 1568 г. польско-литовский государь просил датского монарха как можно скорее согласовать перемирие со Стокгольмом и приказать Магнусу Голштинскому²⁹⁹ прекратить боевые действия в Ливонии³⁰⁰.

Вскоре Юхан III согласился на мирные переговоры с Данией и Любеком. В октябре 1568 г. шведский король написал письмо Карлу IX, поведав о причинах свержения Эрика XIV, планах низложенного государя передать в качестве заложницы Екатерину Ягеллонку Ивану IV, а также своим намерением завершить Северную семилетнюю войну, воспользовавшись посредничеством французской короны³⁰¹. Второй сын Густава I отмечал: «Мы как друг королевства Вашего величества признаем ту незабвенную, верную, преданную и чистую дружбу, которая была между христианнейшим королем, Вашим дедом, ныне благочестиво почившим³⁰², и светлейшим королем шведским Густавом, дорогим родителем нашим, доброй и благой памяти. Мы также желаем чтить и сохранять бескорыстную и неизменную дружбу между нами и Вашим

²⁹⁷ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 331. Очевидно, Данзе отсылал к словам апостола Павла из Послания к римлянам: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13:4).

²⁹⁸ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 617.

²⁹⁹ После датско-ливонского соглашения в Ньюборге 26 сентября 1559 г. Магнусу Голштинскому были переданы ливонские Эзель и Вик: Там же. С. 160. Подробнее о биографии этого датского принца см.: Zeļenkova A. Dānijas prinča Magnusa (1540–1583) darbība Livonijā // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. Rīga, 2000. Lp. 15–30.

³⁰⁰ EFE. Т. IX. № 62.

³⁰¹ РНБ. ОР. Колл. автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 9.

³⁰² Франциск I.

королевским величеством. Ибо прежде всего у нас нет ничего, кроме как [намерения] установить и поддерживать благочестивую подлинную дружбу и добрые отношения между нами и всеми христианскими государями и правителями. Мы также братски и дружественно просим Ваше королевское величество в дальнейшем, как и ранее, своими властью и наихристианнейшим именем стремиться к завершению этой разрушительной и столь длительной войны и, наконец, к миру и благотворному согласию. Мы же со своей стороны будем усердно заботиться о мире и христианском успокоении, которых мы желаем, не обращая внимания ни на что, кроме как на стремление к дружбе, примирению и заключению соглашения, терпимому для нас и нашего королевства. Мы также надеемся на заключение дружеских уз со светлейшим государем, нашим кузеном и шурином Сигизмундом Августом, королем Польским, нашим ближайшим соседом, чтобы Господь мог без труда и споров примирить врагов, собранных вместе»³⁰³. Одновременно шведский король написал русскому государю, уведомив его о скором заключении мира с Данией и Любеком, а также о прекращении войны с Польско-Литовским государством³⁰⁴. Боевые действия на Балтике, за исключением нескольких эпизодов в 1569 г., прекратились, а вскоре был заключен Штеттинский мир 13 декабря 1570 г.

§ 3. Русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х гг.

Вторая половина XVI столетия стала символическим рубежом, когда, по меткому замечанию Е. Ф. Шмурло, «Россия органически втягивается в дела Европы и сама втягивает ее в свои»³⁰⁵. А. И. Филлюшкин развил данную мысль, указав, что «именно через участие в балтийских войнах Россия стала

³⁰³ Цит. по: Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 914.

³⁰⁴ Hjärne H. Svensk-ryska förhandlingar 1564–72... S. 535–536.

³⁰⁵ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. II. Русь и Литва. СПб., 1999. С. 89.

европейской державой»³⁰⁶. При этом процесс окончательного вхождения России в «систему европейских государств» отличался не только интенсификацией ее военных, дипломатических и культурных связей с державами Запада. В рассматриваемый период наблюдается расширение коммерческих контактов Русского государства с европейскими странами. Так, с 1560-х гг. активное развитие получила русско-французская торговля на Балтике, которая, несмотря на противодействие со стороны Швеции и Польши, а также значительную конкуренцию со стороны Голландии³⁰⁷ и Англии³⁰⁸, продолжала существовать два десятилетия вплоть до потери Московским царством Нарвы в 1581 г.³⁰⁹

Коммерческие контакты между Русским государством и Французским королевством до захвата этого балтийского порта в 1558 г. войсками Ивана IV³¹⁰

³⁰⁶ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 8.

³⁰⁷ К 1560 г. голландцы контролировали уже около 70% объема балтийской торговли: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. С. 260.

³⁰⁸ Русско-английская коммерция в Нарве зарождается в 1564 г. В ней принимали участие как купцы из Московской компании, так и не входившие в нее негоцианты. Интересно, что последние, в частности йоркские торговые агенты Грегори Уотсон и Ральф Хасселби, содействовали французским купцам, сознательно подрывая монополию Московской компании, которая в 1566 г. добилась от Елизаветы I запрета на коммерцию в Нарве независимых английских негоциантов: Willan T. S. The Russia Company and Narva, 1558–81 // *The Slavonic and East European Review*. 1953. Т. 31. № 77. P. 405–419; Małowist M. *Wschód a Zachód Europy w XIII–XVI wieku: konfrontacja struktur społeczno-gospodarczych*. Warszawa, 2006. S. 291–293, 321.

³⁰⁹ В течение двадцати трех лет, когда порт Нарвы принадлежал русскому царю, в него ежегодно заходило около ста купеческих судов: Bodniak S. *Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona...* S. 48.

³¹⁰ Являвшаяся для русских негоциантов альтернативным пунктом ведения торговли с европейским купечеством в условиях обострения новгородско-ганзейских (позднее – русско-ганзейских) конфликтов во второй половине XV – первой половине XVI вв., Нарва вновь взяла на себя эту роль, когда Русское государство стало активным участником Балтийских войн. Известно, что на рубеже XV и XVI вв., в период продолжительного кризиса русско-ганзейских отношений, этот город, не входивший в Ганзейский союз, увеличил объем торговли с Великим княжеством Московским, несмотря на сопротивление со стороны Ревеля и ганзейские санкции. Коммерция в Нарве не прерывалась во время русско-ливонской войны 1501–1503 гг., а на мирных переговорах между магистром Вальтером фон Плеттенбергом и Иваном III в 1503 г. вопрос о возобновлении легальной торговли в Нарве был обозначен отдельной строкой: Kreem J. *Stadt und Landesherr als Geschäftspartner. Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval // Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar. Lüneburg, 2003. S. 93–112; Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion: Beiträge der II. Internationalen Konferenz über die politischen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und der Ostseeregion. Narva, 2004. S. 17–28; Бессуднова М. Б., Якунина В. А. Таллин и Нарва в контексте русско-ганзейской торговли // Ученые записки Новгородского*

были редкими и в основном осуществлялись при посредничестве ганзейских негоциантов³¹¹. Немецкие торговцы, загружая соль, вино и ткани в трюмы своих кораблей, выдвигались из бретонских и нормандских портов в сторону Балтийского моря³¹², на восточных берегах которого встречались с московскими купцами³¹³. Покупая здесь воск, кожи, жир, лен, пеньку и сало, ганзейцы отправлялись обратно, выгодно продавая указанные товары в западноевропейских странах, в том числе во владениях Валуа³¹⁴.

Французские негоцианты, пользовавшиеся благодаря коммерческим соглашениям с Датским и Шведским королевствами широкими привилегиями на рынках севера и северо-востока Европы, зная, к тому же, от любекских и гамбургских купцов о выгодах торговли с «московитами», не могли не заинтересоваться завоеванием большей части прибалтийских земель, в том числе Нарвы, русской армией во время Ливонской войны 1558–1561 гг.: существование открытого русского порта на Балтике позволяло реализовать идею прямого товарооборота с Московским царством³¹⁵.

государственного университета. 2020. № 2 (27). С. 3; Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»... С. 167–168.

³¹¹ Привилегии ганзейским торговцам были дарованы королем Людовиком XI в 1464 г., подтверждены Карлом VIII в 1489 г., затем Франциском I в 1536 г., а также Генрихом II в 1552 г.: Schmidt B. *Les relations consulaires entre les villes hanséatiques et la France (XVIe–XVIIIe siècles)* // *La fonction consulaire à l'époque moderne. L'affirmation d'une institution économique et politique (1500–1800)* / éd. par J. Ulbert, G. Le Bouëdec. Rennes, 2006. P. 211–258.

³¹² Негоцианты из нормандских Дьеппа, Руана и Гавра, а также бретонских Сен-Мало и Роскофа были основными интересантами русско-французской торговли до и после «нарвского взятия». Тем не менее, в коммерции между Русским государством и Французским королевством участвовали также купцы из Парижа, Лилля, Орлеана, Ла-Рошели и Бордо: Dardel P. *Les relations maritimes et commerciales entre la France...* P. 29–57.

³¹³ Конечно, русско-французская коммерция до захвата Нарвы русскими войсками осуществлялась не только через ганзейских негоциантов. Большое значение имело посредничество Датского королевства, которое серией договоров тесно было связано как с Русским государством, так и с Францией: Бессуднова М. Б. *Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века...* С. 76–80.

³¹⁴ Подробнее о балтийском товарообороте в XVI в. см.: Miskimin H. A. *The Economy of Later Renaissance Europe 1460–1600*. Cambridge, 1977. P. 136–139.

³¹⁵ О товарных потоках русско-французской торговли в XVI в. см.: Kirchner W. *Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650)*. P. 161–183; Jeannin P. *L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe*. P. 23–43. Как известно, особо в Русском государстве ценилась французская бумага, которая пользовалась большим спросом: Жордания Г. *Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой*

Уже в 1561 г. парижский купец Тьерри Бадуар решил попытать счастья, поучаствовав в «нарвском плавании»³¹⁶. Купцы из пикардийского Лилля с 1564 г. стали отправлять в Нарву по несколько кораблей в месяц, а с 1567 г. в городе уже постоянно находились два лилльских купца или их агенты³¹⁷. Конкуренцию им составили выходцы из Дьеппа, которые с начала 1560-х гг. также встроились в прямую русско-французскую торговлю, создав компанию по торговле с Нарвой под руководством Жака Ива, которая стала добиваться от Карла IX права на монопольную торговлю с царскими подданными³¹⁸. Известно, что она, несмотря на тяжелое положение Дьеппа и нормандских земель во время первых трех Религиозных войн³¹⁹, получила королевскую привилегию, видимо, щедро профинансировав короля, остро нуждавшегося в средствах³²⁰: в письме Шарлю де Данзе от 24 сентября 1566 г. Карл IX писал, что наложил запрет на «нарвское плавание» для всех французских негоциантов, кроме тех, что состоят в компании Жака Ива. Монарх отмечал: «Я очень рад тому, что король Дании дал разрешение французским купцам отправиться [в Нарву] для ведения там торговли и приобретения товаров, за что, я думаю, Вы должны поблагодарить его от моего имени. Я запретил предпринимать плавание [в Нарву] всем [купцам], кроме тех, кто входит компанию дьеппского купца Жака Ива, дабы все делалось совместно и с общего согласия. Если же найдутся те, кто преступит этот

половины XVII вв. Ч. I. С. 170–172; Вебер Д. И., Носова Е. И. Эпизод из истории Балтийской торговли: Импорт бумаги в Московское государство // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 1. С. 63–76.

³¹⁶ Coornaert É. Les échanges de la France avec l'Allemagne et les pays du Nord au XVIe siècle // *Revue d'histoire économique et sociale*. 1957. Vol. 35. № 3. P. 250.

³¹⁷ Ibid.

³¹⁸ Delavaud L. Les Français dans le Nord... P. 83–84; Małowist M. Wschód a Zachód Europy w XIII–XVI wieku... S. 321. Примечательно, что Дьепп пользовался к началу 1560-х гг. весьма широкими привилегиями, расширенными французской короной в 1559 г.: РГБ. ОР. Ф. 68. № 370.1

³¹⁹ Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 111–151, 497–499.

³²⁰ Известно, что французская корона соучаствовала в финансировании купеческих экспедиций, получая дивиденды от торговых сделок: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 134. По меткому выражению Ф. Броделя, «возможно, сами того не желая, государственные власти оказались самыми крупными предпринимателями своего века»: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. II: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / пер. с фр. М. А. Юсима. М., 2003. С. 127–128.

запрет, в чем я уверен, и Иву придется жаловаться мне, я позабочусь о том, чтобы в следующий раз им не было позволено отплыть [в Нарву] без моего разрешения»³²¹.

Впрочем, королевский запрет мало что изменил. Через год, в письме королю от 11 мая 1567 г. Данзе писал: «Уже прошло достаточно времени с тех пор, как восемь кораблей из Дьеппа проплыли, направляясь в Нарву, и их никто не задерживал. Правда, им пришлось заплатить много больше, чем было принято раньше, но для большинства это было не трудно, к тому же их попросили принять во внимание нужды этой войны³²², а также уверили их, что это не продлится долго. Я бы смог еще больше облегчить для них это бремя, если бы они не были столь разобщены и не спорили так друг с другом. Их невозможно ни привести к согласию, ни убедить вести торговлю совместно, хотя они все признают, что это было бы полезно и выгодно. С тех пор прошло еще пять или шесть других кораблей, из Руана и Ла Рошели, они следуют в Нарву и в Данциг»³²³. Так, французский трафик в Нарву, несмотря на повышение Фредериком II пошлин в условиях ведения боевых действий³²⁴ и разобщенность купечества, не желавшего соблюдать распоряжение своего монарха и отказываться от выгодной торговли в угоду одной дьеппской компании, неизменно возрастал³²⁵: к построению прямой коммерции с Русским

³²¹ *Lettres de Catherine de Médicis*. Т. II. Р. 386.

³²² Северная семилетняя война.

³²³ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 25–29; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию... С. 172.

³²⁴ Повышение зундской пошлины Фредериком II в 1567 г. принесло в датскую королевскую казну 132 500 талеров за год, тогда как в 1566 г. доход от нее составил лишь 44 800 талеров: *Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona...* S. 201.

³²⁵ Надо полагать, русско-французская торговля была выгодна обеим сторонам. Данзе в письме Карлу IX от 18 сентября 1568 г. отмечал: «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль Вашим подданным и успокоение Вашему королевству». Французы везли в Московское государство соль, ткани и контрабанду (оружие и боеприпасы), а вывозили воск, кожи, жир, лен, пеньку и сало. Русское же государство остро нуждалось в металлах, боеприпасах, оружии (в особенности, артиллерии). Очевидно, именно контрабанда приносила французским негодьям, готовым рискнуть, большие прибыли, что вызывало протест со стороны польско-литовского государя Сигизмунда II, а также дарило массу хлопот представителю Валуа в Копенгагене: Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. С. 122; *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 49–52; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию... С. 172; Рябов С. М. «Эта торговля

государством оказались равнодушны купцы из Парижа, Лилля, Дьеппа, Руана и Ла Рошели³²⁶.

Вместе с ростом трафика в течение 1560-х гг. возрастали опасности, встававшие на пути французских негодантов, плывущих в Нарву. Несмотря на старания Валуа и их представителя на севере Европы Шарля де Данзе, желавших обезопасить купеческие путешествия в Балтийском море, разрешить конфликт между Шведским королевством и датско-польско-любекской коалицией не представлялось возможным³²⁷. Лишь после свержения Эрика XIV и вступления на трон Юхана III ситуация начала меняться: новый шведский король в письме Карлу IX от 13 октября 1568 г. заверил французского монарха в дружбе, попросив его поспособствовать скорейшему завершению войны³²⁸. Данзе в депеше от 1 декабря того же года заверил своего государя, что в скором времени сможет добиться заключения мира между Ольденбургскими и Васа, дав французскому купечеству надежду на скорое успокоение балтийского региона и, следовательно, на нормализацию торговых связей, в том числе с Русским государством³²⁹.

весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»... С. 171; Граля Х. «in der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в.: планы и результаты // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2 (16). С. 175–193.

³²⁶ Об увеличении французского трафика на Балтике с конца 50-х гг. XVI в. см.: Dardel P. *Les relations maritimes et commerciales entre la France...* P. 29–57. Вместе с тем стоит отметить, что относительно «нарвского плавания» в распоряжении исследователей отсутствуют точные статистические данные. Фактически можно руководствоваться лишь информацией таможни датского Эресунна (сколько кораблей было зарегистрировано при трафике в Нарву), а также довольно приблизительными данными, сколько из них было захвачено шведскими и польскими каперами в 1560-х гг. А. Аттман, основываясь на данных сведениях, в свое время привел неутешительные цифры: от 30 до 90% судов, среди которых, несомненно, были и французские, задерживались по пути или вовсе не доходили до порта назначения: Attman A. *The Russian and Polish Markets in International Trade: 1500–1650*. Göteborg, 1973. P. 73–83, 116–118; Филюшкин А. И. Экономический аспект борьбы за Ливонию в XVI веке: данные источников и стереотипы историографии // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2019. № 5 (23). С. 2.

³²⁷ Richard A. *Un diplomate poitevin du XVIe siècle...* P. 47–67.

³²⁸ РНБ. ОР. Колл. автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 9; Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 901–917.

³²⁹ Надежда действительно была небезосновательной. Пойдя на заключение мира, Юхан III подтвердил привилегии Любека, касавшиеся свободной коммерции с Русским государством. Французское купечество, воспользовавшись миротворческой миссией Карла IX и ростом

Впрочем, главным препятствием развития русско-французской коммерции в 1560-е гг. выступала политика Польского королевства и Великого княжества Литовского: Сигизмунд II, ведший изнурительную борьбу с царскими полками во время конфликта с московским государем, приступил в 1561 г. к созданию каперского флота³³⁰, основной целью которого стала блокада «нарвского плавания»³³¹. Корсарам, получившим королевскую грамоту и принесшим присягу, дозволялось арестовывать иноземных купцов на всем пространстве Балтийского моря, силой захватывать корабли в случае сопротивления, проверять морские грузы и документы, а также перенаправлять в польские порты суда, капитанов которых они заподозрили в контрабанде³³². Если коронный суд доказывал, что тот или иной шкипер виновен в нарушении приказа Сигизмунда II о блокаде «нарвского плавания», его корабль вместе со всеми товарами, подлежал конфискации в пользу королевской казны³³³. Поскольку создание

авторитета Валуа на севере Европы, могло добиться тех же прав. Кроме того, оно могло рассчитывать на посредничество Любека, с которым удалось заключить предварительное соглашение о возобновлении франко-ганзейского сотрудничества: Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. С. 123; *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 54–58; Lavery J. *Germany's Northern Challenge...* P. 132.

³³⁰ В 1561 г. к борьбе против «нарвского плавания» подключился Эрик XIV, желавший перевести балтийскую торговлю в Ревель, присягнувший ему на верность в том же году. Тем не менее, в корреспонденции Данзе периода 1560-х гг. информации о рейдах шведского флота, в отличие от сведений о действиях польских каперов, против европейских купцов, ведших торговлю с Русским государством в Нарве, несравненно мало. Надо полагать, значительная часть морских сил шведского государя участвовала в борьбе против датских и польских судов, не имея возможности оказать существенное влияние на проблему увеличения русско-европейского товарооборота. Более того, летом 1562 г. Эрик XIV предложил Ивану IV открыть Нарву для шведских купцов, заключив новое двустороннее коммерческое соглашение: СИРИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 122–123.

³³¹ Ранее Сигизмунд II пытался добиться запрета русско-европейской торговли в Нарве путем воззваний к европейским монархам. Так, например, в послании Фредерику II от 16 марта 1560 г. польский король, апеллируя к защите «христианских земель», просил датского монарха воспрепятствовать снаряжению гамбургско-любекской торговой флотилии, которая, по его сведениям, должна была отправиться в Нарву для отправки русской стороне вооружения и провианта: EFE. Т. IX. № 11; Czołowski A. *Marynarka w Polsce: szkic historyczny*. Lwów, 1922. S. 30–31; Małowist M. *Wschód a Zachód Europy w XIII–XVI wieku...* S. 322.

³³² Как известно, одной из главных задач польского двора, наравне с блокадой «нарвского плавания», было создание условий для перемещения русско-европейской торговли в Данциг: Филюшкин А. И. *Экономический аспект борьбы за Ливонию в XVI веке...* С. 2.

³³³ Lepszy C. *La Pologne et la souveraineté sur la Baltique au milieu du XVIe siècle // Revue d'histoire économique et sociale*. 1962. Vol. 40. № 1. P. 33–35.

польского флота являлось дорогостоящим предприятием, было решено воспользоваться помощью негоциантов-судовладельцев: торговый корабль, превращаясь в боевой и переходя на военную службу, не менял своего владельца, который получал право на определенный процент прибыли с каждого захваченного корабля³³⁴.

В апреле 1563 г. в Гданьске было обнародовано королевское воззвание, призывавшее вооружать суда для борьбы с европейскими купцами, везшими в Русское государство и Швецию порох, пули, серу, свинец, железо, продовольствие и другие товары. Летом того же года Сигизмунд II уведомил европейских монархов о своем решении военным путем установить блокаду Нарвы и положить конец контрабандной коммерции³³⁵. Одним из главных адресатов посланий польско-литовского государя стал Фредерик II: датская корона контролировала Зундский пролив, через который проходили торговые суда, плывущие в русскую Балтику. В письме от 13 сентября 1564 г. Ягеллон просил оказать влияние на магистрат Любека с целью заставить его прекратить торговлю с подданными царя в Нарве³³⁶, а 17 ноября того же года выразил недоумение по поводу решения Ольденбурга не препятствовать «нарвскому плаванью» и воззвал к соблюдению датско-польского союзного соглашения о морской блокаде, отметив, что через русский порт ведется снабжение шведской армии³³⁷. В послании от 13 апреля 1565 г. Сигизмунд II вновь обратился к теме русско-европейской коммерции, призвав закрыть Зундский пролив для негоциантов из Любека, Гамбурга и Нидерландов³³⁸. В следующем письме, от 20 июля, польский король в очередной раз поднял тему «нарвского плаванья», сообщив, что в условиях существования союза между Иваном IV и Эриком XIV о свободе русско-европейской торговли не может быть речи³³⁹.

³³⁴ Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona... S. 60–73.

³³⁵ Ibid. S. 49.

³³⁶ EFE. T. IX. № 31.

³³⁷ EFE. T. IX. № 33.

³³⁸ EFE. T. IX. № 39.

³³⁹ EFE. T. IX. № 41.

В последующие годы данная проблематика в корреспонденции Ягеллона лишь усиливалась. С середины 1560-х гг. в посланиях начал превалировать дискурс морской русской угрозы³⁴⁰: польско-литовский государь писал, что, приобретя необходимые вооружение и боеприпасы, а также обзаведясь мастерами, царь не преминет начать строительство флота, поставив под свой контроль весь балтийский регион³⁴¹.

Если до 1568 г. жалобы французского, английского, испанского и других дворов на действия польских корсаров были единичны, что было связано с пониманием опасности для негоциантов боевых действий на Балтийском море³⁴², то в 1568–1569 гг., когда Северная семилетняя война вступила в стадию своего завершения, послания европейских государей, адресованные Сигизмунду II, с просьбой прекратить грабеж их подданных-купцов, стали писаться намного чаще. В письме Карлу IX от 12 июня 1568 г. Данзе писал: «В распоряжении короля Польши – более тридцати морских судов, очень хорошо вооруженных, как говорят не для того, чтобы вредить королю Швеции, но для того, чтобы грабить купцов, которые отправятся в Нарву. По слухам, в последние дни они захватили четыре английских и фламандских корабля и сожгли еще один, который попытался защищаться. Так что, по-видимому, никто не сможет добраться до Нарвы, не подвергшись серьезной и очевидной опасности»³⁴³. Французский посол безрезультатно пытался договориться с польско-литовским государем насчет свободной торговли для подданных Валуа³⁴⁴. Сигизмунд II

³⁴⁰ Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 1485–1498.

³⁴¹ Впервые данный тезис появился в середине XVI в. в речах ливонских и польских дипломатов: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 611–612.

³⁴² Кроме того, до середины 1560-х гг. польский флот не обладал достаточными силами, чтобы препятствовать «нарвскому плаванью»: Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona... S. 81–82.

³⁴³ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 46–49; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию... С. 337.

³⁴⁴ В условиях постоянных налетов и грабежей французские купцы были вынуждены самостоятельно вооружать свои торговые суда, не рассчитывая на королевскую помощь в их конвоировании. Религиозные распри заставляли Екатерину Медичи и Карла IX использовать все ресурсы для погашения внутренних конфликтов. Более того, во время Гражданских войн гугенотские и католические каперы, действовавшие в Северном море у берегов Бретани и

демонстративно отказался выстраивать диалог как с Данзе, так и с Карлом IX³⁴⁵. В письме от 28 июля 1568 г., отвечая французскому монарху на просьбу освободить французских купцов, захваченных польскими каперами, и вернуть им их товары, Ягеллон прямо обозначил свою позицию по запрету «нарвского плавания», пообещав, тем не менее, снарядить посольство для обсуждения вопросов, касавшихся балтийской торговли³⁴⁶.

Впрочем, обещанная Сигизмундом II дипломатическая миссия так и не была отправлена во Францию. Это доказывает ряд писем Данзе, адресованных к Карлу IX. В письме от 18 сентября 1568 г. французский посол писал: «Король Польши публично отказывается вернуть товары и каким-либо иным путем удовлетворить Ваших подданных и заявляет, что хочет помешать торговле с Нарвой. Все, что он обещает, – отправить к Вашему Величеству посла, чтобы тот провозгласил справедливые причины, заставляющие его так поступать»³⁴⁷. В послании от 11 мая 1569 г. Данзе отметил: «Король Польши мне написал много благосклонных писем об уважении к миру и об этой торговле и даже в настоящее время передал письмо со своими послами. Они уверяли меня, что он отправит послов к Вашему Величеству, как обещал в своих последних письмах, и дали мне

Нормандии, стали препятствовать торговле религиозных оппонентов, подрывая благосостояние городских купеческих корпораций. Это превращало и без того опасную торговлю с Русским государством в предприятие с большими издержками: Zeller G. *Le «convoi» des vaisseaux marchands aux XVIe et XVIIe siècles // Revue d'histoire moderne & contemporaine. 1956. Т. 3. № 3. P. 67–87; Scammell G. V. *The World encompassed. The first European maritime empires. 800–1650. Los Angeles, 1981. P. 436–441; Тешке Б. Миф о 1648 году... С. 291.**

³⁴⁵ В 1568 г. Сигизмунд II, освободившись от участия в Северной семилетней войне, взял курс на организацию постоянного польского флота: именно в это время была создана Морская комиссия, взявшая на себя все вопросы по претворению в жизнь данной идеи. В декабре 1569 г. Ягеллон отправил в Венецию своего агента Антонио Анжели, который должен был нанять на службу итальянского кораблестроителя и привезти его в Польшу. Известно, что миссия Анжели успешно завершилась: он сумел заключить контракт с мастером Доминико Сабьонцелло, договорившись о его отъезде с дожем Пьетро Лоредано в марте 1570 г.: Bodniak S. *Komisja morska Zygmunta Augusta. Gdańsk, 1931. 25 s.; Boczar M. L. Nie znana korespondencja Zygmunta Augusta z dożą Wenecji Pietrem Loredanem w sprawie budowy galeony // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1970. Т. 15. № 2. S. 343–351.*

³⁴⁶ Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 1494–1496.

³⁴⁷ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 49–52; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию... С. 337.

надежду, что он примет какие-нибудь приемлемые условия, на которых вашим подданным будет позволено торговать с русскими, если они не пожелают продать им то, что можно использовать в войне с христианами»³⁴⁸. По прошествии года Данзе продолжал добиваться от Сигизмунда II отправки обещанного посольства, что следует из письма от 29 июля 1569 г.: «Я своевременно отправил ему с его послами письмо, посвященное русской торговле. В нем я просил короля выполнить свое обещание и отправить к Вашему Величеству послов, а также решительным образом приказать своим слугам, чтобы они никак не препятствовали и не чинили обид вашим подданным, направляющимся в Нарву, как они это делали на протяжении двух последних лет»³⁴⁹. Затем тема отправки польского посольства во Францию пропала из корреспонденции Данзе. Есть основания полагать, что оно так и не было отправлено: последний Ягеллон, по сути, игнорировал все просьбы французского посла и Карла IX по урегулированию «нарвского плавания»³⁵⁰. Польский король явно не собирался договариваться об условиях, при которых русско-французская торговля в Нарве приобрела бы легитимный характер.

Надежды французской короны и ее подданных-негоциантов на благожелательное отношение Юхана III к развитию торгового трафика с Русским государством после заключения Штеттинского мира также не оправдались.

³⁴⁸ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 70–74; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию... С. 339.

³⁴⁹ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 75–78; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию... С. 340.

³⁵⁰ Столь жесткая политика польско-литовского монарха привела к тому, что в конфликт с Краковом и Вильно вступили многие европейские государи. Так, в послании Сигизмунду II от 21 января 1569 г. Фредерик II, возмущившись захватом датских купеческих кораблей польскими каперами, пригрозил военным путем обеспечить безопасность судоходства в Балтийском море. Получив ответное послание Ягеллона от 15 марта того же года, в котором вновь указывалось на невозможность «нарвского плавания», Ольденбург перешел к решительным действиям, объявив войну польским каперам: переписка между двумя монархами превратилась в арену борьбы дискурсов «*mare clausum*» и «*mare liberum*». В течение года датским флотилиям удалось нанести ряд существенных поражений польским корсарам, что окончательно заставило Сигизмунда II в 1570 г. перейти к созданию регулярного флота: EFE. T. IX. №№ 63, 64; Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona... S. 55; Piwnicki G., Klein A. Polska polityka morska za panowania ostatnich dwóch Jagiellonów i jej pokłosie // Studia Gdańskie. 2012. T. XXXI. S. 225–244; Тешке Б. Миф о 1648 годе... С. 291.

Освободившись от противоборства с Фредериком II, шведский монарх перенацелил силы военного флота на блокаду русско-европейской торговли в Нарве. Шведские корабли стали чаще нападать на западноевропейские суда, арестовывая их капитанов и конфискуя товары³⁵¹. Впрочем, их атаки, в связи с погружением державы Юхана III в длительный послевоенный кризис, были единичными. Во многом, это, вкупе с датской политикой противодействия польскому каперству, позволит французским негодьям интенсифицировать свою коммерцию в Балтийском регионе в первой половине 1570-х гг., а Шарлю де Данзе задуматься над расширением французского присутствия на русском рынке и обосновать необходимость освоения морского пути в Беломорье.

³⁵¹ Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 909. Коммерческая стратегия шведского двора на Балтике была сходна с позицией польской короны по созданию альтернативных центров ведения торговли с Московским царством: если Сигизмунд II и его советники планировали переместить русско-европейскую торговлю в Данциг, то Юхан III – в Ревель, Гельсингфорс и Выборг: Филюшкин А. И. Экономический аспект борьбы за Ливонию в XVI веке... С. 2.

Глава II. Московская Русь и Франция в контексте геополитических коллизий в Балтийском регионе первой половины 1570-х гг.

Политические события, произошедшие в конце 1560-х – начале 1570-х гг., привели к существенным изменениям международной обстановки на севере и северо-востоке Европы, оказав влияние на дальнейший ход Балтийских войн.

К июню 1570 г. Ивану IV удалось добиться перемирия с Сигизмундом II, по условиям которого польско-литовская сторона фактически признала русские завоевания в Ливонии и захват московским воинством Полоцка³⁵². Данное соглашение укрепило позиции царя на международной арене и позволило сосредоточиться на реализации проекта Ливонского королевства во главе с герцогом Магнусом Голштинским³⁵³, сопротивлении польско-шведской блокаде «нарвского плавания» при помощи каперов Карстена Роде, Клауса Тоде и Ганса Дитмерскена, нанятых в Дании³⁵⁴, переговорах со Швецией³⁵⁵, а в дальнейшем – на планах получения польско-литовского венца после смерти Сигизмунда II³⁵⁶ в ходе первого бескоролья 1572–1573 гг.³⁵⁷

В июле 1569 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским была заключена Люблинская уния, один из основных принципов которой заключался в том, что новая держава, Речь Посполитая, должна была отныне проводить единую внешнюю политику: отдельным частям государства с

³⁵² Филлюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. С. 282; Янушкевич А. Н. Ливонская война... С. 124–128.

³⁵³ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 532–540; Селарт А. Иван Грозный, кайзер ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2 (14). С. 180–197; Филлюшкин А. И. Проект «Русская Ливония» // *Quaestio Rossica*. 2014. Т. 2. № 2. С. 103–105.

³⁵⁴ Филлюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 617.

³⁵⁵ Ödberg F. *Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575*. Stockholm, 1897. 284 s.; Демкова Н. С. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (по рукописям Шведского государственного архива) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1996. Т. 50. С. 488–500; Коваленко Г. М. Шведское посольство в Московии 1569–1572 гг. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 2. С. 32–35.

³⁵⁶ Сигизмунд II скончался 7 июля 1572 г.

³⁵⁷ Флоря Б. Н. Иван Грозный – претендент на польскую корону // *Исторический архив*. 1992. № 1. С. 173–182.

этого момента запрещалось вести собственные войны. Такой союз, несмотря на различные противоречия между польской и литовской шляхтой, несомненно, усилил военный потенциал главного соперника Московского царства в балтийском противостоянии³⁵⁸. К концу 1560-х гг. новообразованное государство, завершив войну со Шведским королевством и начав сближение с ним, сумело усилить блокаду Нарвы, а его правитель Сигизмунд II написал несколько воззваний к европейским монархам, призвав немедленно разорвать торговые контакты с русским двором и прекратить поставку контрабандных вооружения и боеприпасов³⁵⁹. Было очевидно, что Краков и Вильно, несмотря на тяжелые условия перемирия с Иваном IV, не собирались ставить точку в балтийском конфликте. Отчасти это отразится в требованиях, выдвинутых панами-радой и коронными сенаторами в 1572–1573 гг., во время первого бескоролья и избрания на польско-литовский престол Генриха де Валуа³⁶⁰: новый монарх Речи Посполитой обязался, среди прочего, обеспечить безопасность государственных границ, одержать победу в грядущей войне с Русским государством, а также подготовить за счет французской казны четыре тысячи наемников для ведения боевых действий в Ливонии³⁶¹.

Значительные перемены в конце 1560-х – начале 1570-х гг. произошли также в Шведском королевстве. В 1568 г. Юханом Финляндским и Карлом Сёдерманландским был свергнут Эрик XIV. Новому шведскому королю Юхану III было необходимо стабилизировать внешнеполитическое положение королевства, увязшего в Северной семилетней войне, чтобы сосредоточиться на решении внутренних проблем, порожденных детронизацией брата (в первую очередь связанных с неприятием частью дворянства и купечества

³⁵⁸ Филюшкин А.И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. С. 275–281; Янушкевич А. Н. Ливонская война... С. 124.

³⁵⁹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 542–543; Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona... S. 81–82.

³⁶⁰ К идее занятия польско-литовского трона представителем династии Валуа французский королевский двор вернулся в начале 1571 г.: Serwański M. Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta. S. 259.

³⁶¹ Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 184–189.

совершенного переворота), решить проблему международной изоляции (внешняя политика, проводимая Эриком XIV, привела к противоборству между Швецией и датско-польско-любекской коалицией на стороне которой, не вмешиваясь в войну, выступала Священная Римская империя), а также легитимизировать свое воцарение в глазах европейских монархов³⁶². Ситуация, в которой оказался Юхан III, также осложнялась резким ухудшением отношений с Русским государством: почти достигнутое союзное соглашение между Иваном IV и Эриком XIV было расторгнуто новым шведским королем, взявшим курс на сближение со своим шурином – Сигизмундом II³⁶³.

В то же время в Балтийском регионе наблюдался рост влияния французской короны, которая сумела упрочить свои позиции на севере и северо-востоке Европы во время Штеттинского конгресса 1570 г., завершившего Северную семилетнюю войну³⁶⁴. Заметную роль в подписании соглашения всеми сторонами конфликта сыграл Шарль де Данзе, прикладывавший в течение «Первой Северной войны»³⁶⁵ значительные усилия для ее окончания³⁶⁶.

³⁶² Целенаправленное создание в европейском нарративе негативного образа Эрика XIV можно проследить с конца 1560-х гг. Пожалуй, наиболее ярким и популярным произведением, в котором свергнутому шведскому монарху приписывались тиранические черты, была «Правдивая история печальных приключений финского принца Яна и польской принцессы Катаринны» польского историка Марцина Кромера, написанная в 1569–1570 гг. и изданная дважды – в 1571 и 1572 гг. В ней старший сын Густава I сравнивался с вавилонским царем Навуходоносором II, изображавшимся в библейской традиции как притеснитель праведных иудеев, страдавший психическим заболеванием, и Кристианом II Датским, устроившим в 1520 г. «Стокгольмскую кровавую баню» в ходе шведской военной компании: Kromer M. Historia prawdziwa o przygodzie żalösnej księżniczki finlandzkiego Jana i królowny polskiej Katarzyny / pod red. J. Mañeka. Olsztyn, 1974. 139 s.; Kałolewski I. Melancholia władzy. Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 306–314.

³⁶³ Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 904–905. Ухудшение отношений между Москвой и Стокгольмом ярко отразилось, в частности, в переписке между Иваном IV и Юханом III, в рамках которой царь демонстративно прибегнул к дипломатическому статусному унижению адресата: Моисеев М. В., Ерусалимский К. Ю. Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного // Адам&Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 25. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 126–128.

³⁶⁴ О последних месяцах Северной семилетней войны и ходе переговоров на Штеттинском мирном конгрессе см.: Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 103–123.

³⁶⁵ Альтернативное название Северной семилетней войны.

³⁶⁶ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 133–134; Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»... С. 164–181.

Результатом его многолетней миссии стало знакомство со многими влиятельными политическими деятелями в Дании, Швеции, Любеке и Польше: дипломату удалось обзавестись дружбой с Фредериком II и его канцлером Нильсом Каасом, французскими дворянами-протестантами на шведской службе Шарлем де Морне и Понсом д'Эскоперье, сеньором де Ла Гарди (более известным в историографии как Понтус Делагарди), Кристофом Тоде, бургомистром Любека в 1560–1566 г. и посланником этого города-коммуны во время переговоров в Штеттине, подканцлером коронным Францишекком Красинским и герцогом Альбрехтом Гогенцоллерном, связь с которым он поддерживал через своего секретаря Антуана Майе³⁶⁷, организовавшего в начале 1560-х гг. прусско-французскую компанию по торговле поташом³⁶⁸.

Деятельное участие Данзе в длительном переговорном процессе, его включенность в различные проблемы внешней и внутренней политики государств Балтийского региона с одновременным налаживанием неформальных связей позволили французской короне рассчитывать на установление дипломатических контактов с Русским государством (1570–1571), сохранение влияния на севере и северо-востоке Европы после событий Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г., реализацию планов воцарения Франсуа Алансонского на шведском престоле (1572–1573), создание шведско-польско-французской союзной коалиции (1573–1574) и превращение прибалтийских земель в Великое герцогство Ливонское вассальное дому Валуа (1575). Настоящая глава, рассматривая также развитие русско-французской коммерции, анализирует данные сюжеты, доказывая, что в первой половине 1570-х гг. Французское королевство предприняло попытку войти в круг держав «Балтийского мира», став его неотъемлемой частью.

³⁶⁷ Подробнее об Антуане Майе и его деятельности на Балтике см.: Von Königsberg an die Loire. Quellen zur Handelsreise des herzoglich-preußischen Faktors Antoine Maillet nach Frankreich in den Jahren 1562 bis 1564 / ausgew. und bearb. von D. Heckmann. Köln, 1993. 162 s.; Pelus-Kaplan M.-L. La Prusse orientale dans le commerce baltique au XVIe siècle... P. 39–49

³⁶⁸ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 47–73.

§ 1. Варфоломеевская ночь и реакция на нее в странах севера и северо-востока Европы

После завершения конфликта между шведской монархией и датско-польско-любекской коалицией, французский королевский двор, усилив свое влияние в Балтийском регионе³⁶⁹, стал более пристально следить за событиями, разворачивавшимися на севере и северо-востоке Европы. Особое внимание Карл IX и Екатерина Медичи уделяли Русскому государству, о военно-политических акциях которого их неустанно информировал Данзе.

В письме от 23 апреля 1570 г. он уведомил короля о создании Иваном IV Ливонского королевства во главе с Магнусом Голштинским³⁷⁰. Дипломат отмечал: «Недавно [Магнус Голштинский] заключил договор с императором Московии и России [Иваном IV] <...>³⁷¹. Говорят, что он хочет сделать Магнуса

³⁶⁹ В письме Карлу IX от 18 декабря 1570 г. Данзе, сообщив королю о заключении Штеттинского мира, отмечал: «Я думаю, что ни к кому не буду несправедлив, если скажу, Сир, что Вы были единственным посредником при заключении этого договора. Я уверен, что обе стороны будут Вам признательны настолько, насколько этого застуживает Ваша честность и верность, за те неустанные и упорные старания, которые Вы приложили, чтобы примирить их, с самого начала этой войны и до настоящего времени. По крайней мере, каждый из них признает, что лишь благодаря Вашему посредничеству обе стороны сумели договориться, где и когда будут проходить эти переговоры, ведь этого не мог добиться ни недавно усопший император Фердинанд [I], ни нынешний император [Максимилиан II], ни какой-либо другой король или князь, который пытался это сделать»: *Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 108–111*; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 333.

³⁷⁰ Проект Ливонского королевства впервые появился в московских дипломатических кругах в 1567 г. и был реализован в январе 1570 г. посредством заключения соглашения между Иваном IV и Магнусом Голштинским. Согласно ему, царь в ответ на принесение младшим сыном Кристиана III ленной присяги обещал отдать новоиспеченному монарху свои завоевания в балтийских землях. В случае смерти герцога ливонская корона переходила его наследникам, а после пресечения его рода – датскому государю. Русское население предполагалось вывести из Ливонии, а право торговли передать «немцам»: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 160–161.

³⁷¹ Титул «императора России» или «императора Московии» в отношении Ивана IV посол употреблял и ранее. Впервые в корреспонденции Данзе он появился в письме Карлу IX от 20 сентября 1567 г.: *Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 35–40*; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 163, 336–337; Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. С. 118–119; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 137. Вероятно, дипломат основывался на датской практике именования русских государей как «*imperator totius Russiae*», введенной в годы правления Иоганна I: Кудрявцев О. Ф. «*Kayser und herscher aller Rewssen*»: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах

герцогом всех тех земель, которые им удерживаются, и тем самым легче завладеть Лифляндией. Он рассчитывает, что таким образом ему удастся удержать эту страну в повиновении и верности. Однако многие, кто хорошо знает натуру Московита, сомневаются, что он будет так действовать»³⁷².

В другом посольском отчете, от 18 октября 1570 г., Данзе, находясь на Штеттинском конгрессе, писал Карлу IX следующее: «Сир, письмо герцога Магнуса, брата короля Дании, показанное нам представителями короля Швеции³⁷³, на некоторое время продлило споры между их величествами по поводу Лифляндии. В этом письме герцог призывает город Ревель, который он вскоре после написания письма взял в осаду³⁷⁴, сдать ему, называет себя королем Лифляндии и признает императора Московии своим сюзереном. Кроме того, шведские делегаты представили нам письма короля Дании, показав которые, они надеются всех убедить, что его величество помогает и всячески благоприятствует московским пиратам³⁷⁵ в Немецком море, которое здесь называют Восточным³⁷⁶. <...>. Я посылаю Вам, Сир, копию письма герцога [Магнуса] городу Ревелю»³⁷⁷.

первой трети XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 46–47. Об «имперских идеях» в самом Московском царстве см.: Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. М., 2005. С. 12–13.

³⁷² Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 88–91; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 344.

³⁷³ Шведская делегация на штеттинских переговорах состояла из опытных дипломатов и членов Риксрода Нильса Юлленшерны, Йорана Хольгерсона, Бенгта Гюльты и посольских секретарей Олафа Ларсона, Иеремии Рёмера и Петера Михаелиса: Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 126.

³⁷⁴ Войско Магнуса Голштинского, объединившись с царскими полками под началом Ивана Яковлева, Василия Умного-Колычева и Юрия Токмакова, атаковало Ревель 21 августа 1570 г. Однако, штурм хорошо укрепленной крепости оказался неудачным. Осада также не принесла результатов: шведы, пользуясь своим преимуществом на море, смогли организовать подвоз продовольствия ревелскому гарнизону под командованием Карла Горна. В марте 1571 г. русско-датские силы вынуждены были отступить от города: Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. С. 287.

³⁷⁵ Очевидно, речь идет о флибустьерах, нанятых Иваном IV в Дании: Карстене Роде, Клаусе Тоде и Гансе Дитмерскене. Первому каперское свидетельство было выдано царем 30 марта 1570 г.: Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 617.

³⁷⁶ Балтийское море.

³⁷⁷ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 106–107; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 349.

Известно, что Фредерик II, узнав от главы датской делегации в Штеттине Педера Билле о выдвинутых претензиях³⁷⁸, довольно скоро отреагировал на обвинения шведской стороны, касавшиеся его помощи каперам Ивана IV. В послании царю от 3 октября 1570 г. Ольденбург пожаловался на Карстена Роде, который начал грабить польские корабли в датских водах, а также сообщил, что им было принято решение секвестровать часть судов, а самого Роде привлечь к ответственности за совершенные им захваты. Король апеллировал к заключенному в июне 1570 г. русско-литовскому перемирию и проводимой датским двором политике воспрепятствования пиратским действиям на Балтике, прося Рюриковича не гневаться на свои распоряжения³⁷⁹. Более того, Фредерик II в письме Ивану IV от 5 апреля 1571 г. уведомил царя о заключении Штеттинского мира, по которому ливонские земли были разделены между Данией, Швецией и Речью Посполитой, а также отказался от заключения военного союза с Русским государством³⁸⁰, сосредоточившись на восстановлении своих владений после длительных боевых действий³⁸¹.

Тем временем, следуя поручениям Карла IX и Екатерины Медичи, Данзе продолжил наблюдать за операциями русских войск в Ливонии и действиями датских сил во главе с Магнусом Голштинским. В депеше королю от 18 декабря 1570 г. французский посол рапортовал: «Сир, я писал Вам 18 октября, что герцог Магнус, брат короля Дании, будучи лишен королем Эриком Шведским большей части своих владений в Лифляндии, долгое время тщетно ждал помощи королей Дании и Польши, которую они ему обещали как союзники, а затем отправился к императору Московии, который дал ему надежду не только вернуть земли, отнятые у него королем Швеции, но и сделать его королем всей Лифляндии. С этой целью он дал ему довольно большую армию, располагающую всем

³⁷⁸ О Педере Билле и его участии на Штеттинском конгрессе см.: Heise A. Peder Bille // DBL. Bind. II: Vessau–Brandis / udg. af. C. F. Bricka. Kjøbenhavn, 1888. S. 240–241.

³⁷⁹ Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2 / под ред. Ю. Н. Щербачева. М., 1916. № 196.

³⁸⁰ Там же. № 201.

³⁸¹ Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 124–144.

необходимым, и с этими силами он в конце августа осадил город Ревель. Спустя некоторое время Московит отправил ему в подкрепление герцога (или князя, как они говорят) Георгио Вица³⁸² с десятью тысячами московитов, и теперь нет ни малейшей надежды, что он откажется от своего предприятия. Следует весьма опасаться, что вышеназванный город в скором времени подчинится ему, поскольку король Швеции не сможет долго выдерживать натиск сил Московита, и, по всей видимости, ни император, ни король Польши в ближайшее время городу не помогут <...>. Этот город очень важен, поскольку располагает весьма просторной и удобной гаванью, и, если Московит завладеет им, он сможет плавать в Немецком море, называемом Восточным, как только пожелает, что со временем принесет большой вред всем соседним странам»³⁸³.

В следующем посольском отчете, от 2 апреля 1571 г., Данзе сообщил Карлу IX о трудностях, с которыми столкнулась русско-датская армия при осаде Ревеля в марте 1570 г., отметив подвоз продовольствия и боеприпасов в город с моря. Кроме того, французский посол сообщил о продолжавшемся конфликте между Фредериком II и Сигизмундом II по вопросу «нарвского плаванья», написав, что «оба короля так друг друга презирают, что, кажется, скорее готовы поссориться, чем остаться друзьями»³⁸⁴. В письме королю от 15 июля 1571 г. дипломат повторил свои размышления по поводу датско-польских противоречий, а также сообщил о завершении осады Ревеля³⁸⁵.

³⁸² Надо полагать, Данзе имел в виду псковского воеводу князя Михаила Лыкова-Оболенского, который также принимал участие в ревельском походе: Князь Михаил Юрьев сын Лыков-Оболенский [Электронный ресурс] // Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного / под ред. А. Л. Корзинина, А. А. Селина, Н. В. Штыкова. Режим доступа: <https://russian-court.spbu.ru/component/fabrik/details/1/6755>; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 155.

³⁸³ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 108–111; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 153. Данзе, высказывая опасения по поводу появления на Балтике русского флота, явно следовал польскому пропагандистскому дискурсу, активно продвигавшемуся Ягеллонами с начала XVI в.: Филлюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 410–481.

³⁸⁴ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 120–124; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 351.

³⁸⁵ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 130–136; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 359–364.

Сведения, полученные домом Валуа о событиях на Балтике, вскоре были использованы для усиления влияния французской короны в европейском пространстве и решения внутривосточных проблем. После заключения Сен-Жерменского мира 5 августа 1570 г. и последовавшего за ним «вечного и неотзываемого» королевского эдикта от 8 августа, завершивших Третью Религиозную войну (1568–1570)³⁸⁶, Карл IX и Екатерина Медичи приступили к реализации идеи «Золотого века», в основу которой был положен проект достижения окончательного согласия между католиками и гугенотами³⁸⁷. План, приведший впоследствии к печально известным событиям³⁸⁸, предполагалось реализовать посредством бракосочетания Генриха Наваррского и Маргариты де Валуа³⁸⁹, Марса и Венеры, во время которого дворяне двух христианских конфессий должны были выступить навстречу друг другу, символизируя гармоничное слияние противоположностей³⁹⁰. В то же время Валуа предприняли ряд дипломатических шагов, символизовавших «выздоровление» королевства, возвращавшего себе традиционную роль антипода габсбургской гегемонии. Зимой 1571 г. начались переговоры с Людвигом Нассау-Дилленбургским, братом Вильгельма Оранского, о заключении антииспанского союза и снаряжении военной экспедиции во Фландрию³⁹¹. Весной была

³⁸⁶ Daussy H. *Le partie Huguenot...* P. 727.

³⁸⁷ Crouzet D. *La nuit de la Saint-Barthélemy. Un rêve perdu de la Renaissance.* Paris, 1994. 657 p.; Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла: сообщение о Варфоломеевской резне // Варфоломеевская ночь: событие и споры / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2001. С. 102–137.

³⁸⁸ Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г.

³⁸⁹ Предложение о браке между Генрихом Наваррским и Маргаритой де Валуа, выдвинутое королевским двором, было передано матери лидера гугенотов Жанне III д'Альбре, королеве Наваррской и графине де Фуа, находившейся в Ла Рошели, в июле 1571 г. генералом артиллерии Арманом де Гонто, бароном де Бироном: Шишкин В. В. Маргарита де Валуа. Путь к кровавой свадьбе // Варфоломеевская ночь: событие и споры... С. 37; Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 301.

³⁹⁰ Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла... С. 103–104.

³⁹¹ Замысел французского вторжения в испанские Нидерланды, рожденный в окружении Гаспара II де Колиньи и поддержанный Карлом IX, воплотился в военную экспедицию, начавшуюся 17 июня 1572 г. Ее возглавил Жан де Ангес, сеньор де Жанлис, шедший на выручку Людвигу Нассаускому, который ранее захватил Монс и Валансьен, но затем отступил. Предприятие окончилось крахом: войска Жанлиса были полностью разбиты сыном герцога Альбы Фадрике Альваресом де Толедо и Энрикесом де Гусманом, герцогом Уэскара. Карл IX вынужден был отрицать свою причастность к этой экспедиции, поздравив Филиппа II с

предпринята очередная попытка женитьбы Генриха Анжуйского на Елизавете I Английской³⁹², дополненная в июле 1572 г. предложением англо-французского союза³⁹³. В мае 1571 г. к немецким протестантским князьям с посольской миссией отправился Гаспар де Шомбер³⁹⁴, который должен был добиться заключения альянса против Филиппа II³⁹⁵. В то же время был возрожден проект воцарения Генриха Анжуйского на польско-литовском престоле³⁹⁶. Наконец,

одержанной победой: Фрида Л. Екатерина Медичи. М., 2012. С. 350–353; Шевалье П. Генрих III... С. 239; Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 534.

³⁹² Переговоры о возможном браке Генриха Анжуйского и Елизаветы I весной 1571 г. шли посредством Гвидо Кавальканти, доверенного лица Екатерины Медичи. Как известно планы женитьбы не увенчались успехом, так как французский принц отказался вести переговоры с королевой-протестанткой. Впрочем, вскоре его место занял другой сын королевы-матери – Франсуа Алансонский: РНБ. ОР. Колл. автографов П. П. Дубровского. Авт. 90/2. № 48, 51С; Шевалье П. Генрих III... С. 218–220; Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 534; Le Roux N. Associations nobiliaires et processus de recomposition: les avatars de l'entourage de François, duc d'Anjou (1555–1584) // Liens personnels, réseaux, solidarités en France et dans les îles Britanniques (XIe–XXe siècle) / éd. par D. Bates, V. Gazeau. Paris, 2006. P. 169–197.

³⁹³ Дипломатическая миссия, завершившаяся подписанием 29 апреля 1572 г. англо-французского договора об оборонительном союзе и коммерческих отношениях, была поручена парижскому губернатору герцогу Франсуа де Монморанси, тесно связанному с лидерами гугенотов и выступавшему за проведение политики веротерпимости. Известно, что Карл IX и Екатерина Медичи, опасаясь всплеска недовольства в ультракатолической столице, долгое время пытались сместить его с занимаемого поста. Отчасти им это удалось во время Третьей Религиозной войны, когда генеральным наместником королевства с функцией управления Парижем был назначен младший брат монарха Франсуа Алансонский. За период 1568–1570 гг. авторитет Франсуа де Монморанси в столице упал настолько, что летом 1572 г., незадолго до Варфоломеевской ночи, он был вынужден оставить свой пост и покинуть Париж: Holt M. P. The Duke of Anjou and the Politique Struggle during the Wars of Religion. London, 1986. P. 11–13; Labourdette J.-F. Charles IX... P. 174–194; Дмитриева О. В. Варфоломеевская ночь и перспективы англо-французского союза // Варфоломеевская ночь: событие и споры... С. 50; Шишкин В. В. Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559–1574) (по материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге) // Средние века. 2015. Т. 76. № 1–2. С. 234.

³⁹⁴ Каспар фон Шенберг (фр. Гаспар де Шомбер) (1540–1599) – знатный саксонский дворянин, состоявший на службе курфюрста Августа I. В 1560-х гг. воевал во Франции на стороне Людовика I де Бурбона, принца де Конде, позже перешел в лагерь католиков и стал камер-юнкером Карла IX, сделав блестящую карьеру при французском дворе: Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 531–532.

³⁹⁵ Известно, что миссия Шомбера завершилась успешно: приняв королевское жалование, на французскую службу перешел сын курфюрста Фридриха III Пфальцского Иоганн-Казимир Баварский, активный участник Третьей Религиозной войны: Histoire et dictionnaire des guerres de religion (1559–1598) / éd. par A. Jouanna, J. Boucher, D. Biloghi, G. Le Thiec. Paris, 1998. P. 765–766; Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 309.

³⁹⁶ Serwański M. Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta. S. 259. Показательно, что позднее, после избрания Генриха Анжуйского государем Речи Посполитой, Карл IX писал своему младшему брату: «Мы с вами держим два конца одной

узнав о завершении Северной семилетней войны и решив воспользоваться установившимися дружескими связями с династией Васа, Карл IX, предварительно заручившись одобрением Фредерика II, поручил Данзе обратиться к Юхану III с просьбой о строительстве на шведских верфях французского северного флота³⁹⁷, который, очевидно, предполагалось отправить на помощь восставшим Нидерландам³⁹⁸.

К началу 1572 г. послу удалось начать переговоры о покупке, постройке и снаряжении нескольких военных судов. В письме Екатерине Медичи от 28 января 1572 г. Данзе писал: «Мадам, чтобы разузнать подробности о шведских судах, я отправил в Стокгольм гонца, который сообщил мне, что из двадцати шести кораблей, которые прошлым летом стояли в стокгольмском порту, осталось довольно мало тех, что не были бы обещаны кредиторам короля Швеции³⁹⁹. Кроме того, я выяснил, Мадам, что Синьория Венеции⁴⁰⁰ заключила договор с королем Швеции о покупке наиболее мощных судов его флота, и что их уполномоченные придут до Пасхи, чтобы уладить этот вопрос⁴⁰¹. <...> Если

веревки, которую, в случае удачно разыгранной комбинации, сможем затянуть так крепко, что задушим всех, кто будет промеж нами»: Champion P. Henri III, roi de Pologne (1573–1574). Paris, 1943. P. 293.

³⁹⁷ Французская сторона уведомила датского короля, что не собиралась заключать оборонительный союз с его недавним противником – шведским государем, а также заручилась благожелательным отношением Фредерика II по вопросу доставки купленных и построенных судов через Эресуннский пролив: Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 145–146.

³⁹⁸ Планы строительства французского северного флота, а также проект шведско-французского альянса, предусматривавший соглашение о свободной торговле, рассматривались во время пребывания при дворе Валуа посольства Юхана III под главенством Понтуса Делагарди, отправленного в октябре 1571 г. Известно, что сторонам удалось прийти к согласию по вопросу о постройке французских судов на шведских верфях, а также возобновить действие договора 1542 г.: VnF. Ms. Français 3304. Fol. 2; Maillefer J. M. Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans... P. 104.

³⁹⁹ Шведская королевская казна была сильно истощена за годы Северной семилетней войны. После подписания Штеттинского мира монарх и его советники обратились к восстановлению государства и его экономики. Подробнее о времени правления Юхана III см.: Ericson L. Johan III: en biografi. Lund, 2006. 415 s.

⁴⁰⁰ Венецианская Синьория – высший орган управления в Венецианской республике.

⁴⁰¹ Очевидно, Венецианская республика желала приумножить свои силы для развития успешных боевых действий на Средиземном море после битвы при Лепанто 7 октября 1571 г., когда корабли Священной Лиги во главе с младшим сыном Карла V Хуаном Австрийским нанесли поражение османскому флоту: Тернбулл С. Искусство войны эпохи Ренессанса. От падения Константинополя до Тридцатилетней войны. М., 2021. С. 128–132.

Ваши Величества хотят заполучить шведские корабли, как те что ныне стоят в гаванях и могут быть незамедлительно приобретены, так и те что нужно будет построить, то наиболее верным решением будет отправка в Швецию посланника, который сведущ в корабельном деле и способен определить, какие суда будут пригодны и сколько они должны стоить, но который не будет заключать никакой договор, если только предложение не будет очень выгодным, но лишь обсудит его в общих чертах. Как только мне станет известно о Ваших намерениях по этому вопросу, я тщательнейшим образом займусь остальными деталями. Что касается мастеров, необходимых для постройки кораблей, а также материалов, необходимых для строительства, таких как дерево, железо и медь, применяемая для изготовления артиллерийских орудий, то король Швеции может с легкостью их обеспечить и довольно по разумной цене»⁴⁰².

Известно, что Данзе так и не получил дальнейших монарших инструкций: религиозно-политические события внутри Французского королевства развивались столь стремительно, что проект постройки северного флота было решено отложить. К лету 1572 г. в Париж на свадьбу Генриха Наваррского и Маргариты де Валуа прибыло большое количество протестантских дворян, среди которых были главные лица гугенотской партии: Жанна д'Альбре, принц де Конде, сопровождаемый графом Людвигом Нассау-Дилленбургским, Франсуа III де Ларошфуко, принцем де Марсийаком⁴⁰³, и Франсуа де Бове, сеньором де Брикмо⁴⁰⁴. Одновременно с ними в столицу въехали другие прославленные военачальники реформатов: Антуан де Марафен, сеньор де Герши⁴⁰⁵, Антуан де

⁴⁰² Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 145.

⁴⁰³ Франсуа III де Ларошфуко, принц де Марсийак (1521–1572) – представитель древнего рода из области Пуату. Отличился в последних Итальянских войнах, затем возглавил кальвинистов своей провинции: Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 475.

⁴⁰⁴ Франсуа де Бове, сеньор де Брикмо (1502–1572) – талантливый гугенотский капитан родом из центральной Франции, ветеран Итальянских войн. Преданный сторонник адмирала де Колиньи. 10 сентября 1562 г. был назначен принцем де Конде губернатором нормандского Руана: Там же. С. 499.

⁴⁰⁵ Антуан де Марафен, сеньор де Герши (ум. 1572) – дворянин из Шампани, из ближайшего окружения адмирала де Колиньи, губернатор крепости Ла Шарите: Там же. С. 522.

Клермон д'Амбуаз, маркиз де Ренель⁴⁰⁶, Луи, сеньор де Ла Лу⁴⁰⁷, Франсуа де Бриквиль, барон де Коломбьер, и Шарль де Бомануар, сеньор де Лаварден⁴⁰⁸. В июне 1572 г. в Париже от туберкулеза скончалась Жанна д'Альбре. Смерть королевы-протестантки ознаменовалась быстрым распространением слухов, гласивших, что правительница Наварры была отравлена Екатериной Медичи⁴⁰⁹. В связи с придворным трауром бракосочетание было отложено более чем на месяц, состоявшись лишь 18 августа. Во время свадебных торжеств в столицу прибыли лидеры католической партии Генрих I, герцог де Гиз⁴¹⁰, Клод Лотарингский, герцог Омальский⁴¹¹ и Жак Савойский, герцог Немурский⁴¹², явно недовольные возросшим авторитетом гугенотов при дворе и подготовкой к войне⁴¹³ с «католическим королем»⁴¹⁴ Филиппом II. Надо полагать, именно они наняли Шарля де Лувье, сеньора де Морвеля⁴¹⁵, убить Гаспара II де Колиньи в

⁴⁰⁶ Антуан де Клермон д'Амбуаз, маркиз де Ренель (1535–1572) – представитель древнего рода, известный гугенотский капитан: Там же. С. 526.

⁴⁰⁷ Луи, сеньор де Ла Лу (ум. 1579) – гугенотский капитан, дворянин из Берри: Там же. С. 522.

⁴⁰⁸ Шарль де Бомануар, сеньор де Лаварден (ум. 1572) – кавалер ордена св. Михаила, один из видных протестантских капитанов: Там же. С. 520.

⁴⁰⁹ Эрланже Ф. Резня в ночь на святого Варфоломея / пер. с фр. Т. В. Усовой; под общ. ред. В. В. Шишкина. СПб., 2002. С. 125–126.

⁴¹⁰ Генрих Лотарингский, герцог де Гиз (1550–1588) – будущий глава Католической лиги и претендент на корону Франции в 1580-е гг. Будет убит по приказу монарха Генриха III в Блуа во время парижского восстания против королевской власти в 1588 г.: Шевалье П. Генрих III... С. 834–838.

⁴¹¹ Клод Лотарингский, герцог Омальский (1526–1573) – один из лидеров католической партии во время Религиозных войн, губернатор Бургундии, генерал-полковник легкой кавалерии (1549), участник Итальянских войн. Младший брат герцога Франсуа де Гиза, третий сын Клода Лотарингского и Антуанетты де Бурбон-Вандомской: Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 470.

⁴¹² Жак Савойский, герцог Немурский (1531–1585) – представитель младшей ветви дома герцогов Савойи, натурализовавшейся во Франции, активный сторонник католической партии. В 1566 г. женился на Анне д'Эсте, вдове герцога Франсуа де Гиза: Там же. С. 482.

⁴¹³ В течение июля-августа 1572 г. гугеноты со всего Французского королевства стекались в Париж не столько на свадьбу одного из своих лидеров, сколько для подготовки скорого похода во Фландрию против испанских войск. Переполненность столицы с ее преимущественно католическим населением протестантами, готовящимися воевать, порождало многочисленные столкновения в городе уже до дня бракосочетания и последующей Варфоломеевской ночи: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / пер. с фр. В. В. Шишкина; при участии Э. Вьенно, Л. Ангара; отв. ред. Д. Э. Харитонович. СПб., 2019. С. 42.

⁴¹⁴ Одно из официальных наименований испанских монархов, начиная с Изабеллы I Кастильской и Фердинанда II Арагонского.

⁴¹⁵ Vaissière de P. Le «tueur du Roy». Charles de Louviers, seigneur de Maurevert // *Revue des études historiques*. Paris, 1911. P. 1–47.

один из дней во время его возвращения из королевского дворца. Роковое покушение, повлекшее за собой угрозу восстания протестантов в Париже, состоялось 22 августа 1572 г. В условиях возможной эскалации гражданского противостояния Карл IX и Екатерина Медичи приняли решение о ликвидации военных вождей французской Реформации: в ночь с 23 на 24 августа в столице начались массовые убийства гугенотов, в скором времени перекинувшиеся на все королевство. Через два дня, 26 августа, видя непрекращающееся насилие, Карл IX в ходе своей речи перед Парижским парламентом взял на себя ответственность за резню, представив произошедшие события как превентивный удар по зрешему протестантскому мятежу и повелев немедленно прекратить дальнейшее кровопролитие⁴¹⁶.

Новость о жестоких расправах над гугенотами довольно быстро распространилась среди европейских дворов: неофициально благодаря купеческим сетям 26 августа о парижской резне узнала Елизавета I⁴¹⁷, 2 сентября о ней доложили папе Григорию XIII, в начале сентября – Филиппу II⁴¹⁸. К середине сентября вести достигли резиденций скандинавских королей: если Юхан III довольно сдержанно отреагировал на сообщение об убийствах французских протестантов⁴¹⁹, то потрясенный Фредерик II, сказавшись больным, не принял Данзе, пришедшего сообщить официальную версию дома Валуа⁴²⁰.

⁴¹⁶ Крузе Д. Монархическая власть и тайнство смысла... С. 109–110.

⁴¹⁷ При английском дворе вести из Французского королевства вызвали резкое неприятие: опасаясь конфликта, Елизавета I подняла по тревоге ополчения всех графств, а послу Карла IX в Лондоне Бертрану де Салиньяку, сеньору де Ла Мот Фенелону, запретили покидать свою резиденцию. Кроме того, к Джону Эрскину, графу Мару, регенту при юном Якове VI Стюарте, был отправлен гонец с новостью о Варфоломеевской ночи и предостережением, что французский двор намерен истребить протестантов Шотландии, восстановив на престоле Марию I: Дмитриева О. В. Варфоломеевская ночь и перспективы англо-французского союза // Варфоломеевская ночь: событие и споры... С. 50–52.

⁴¹⁸ При испанском и папском дворах новость об убийствах гугенотов встретили с нескрываемой радостью: Петтигри Э. Изобретение новостей. Как мир узнал о самом себе / пер. с англ. А. Громченко, Е. Ивановой. М., 2021. С. 156–163.

⁴¹⁹ Надо полагать, нейтральное отношение шведского короля базировалось на его теологических воззрениях, допускавших многие догматы и элементы литургии Католической Церкви, и проводимой им в начале 1570-х гг. политике сближения со Святым Престолом: Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause... P. 124–125.

⁴²⁰ Indberetninger fra Charles de Dancay... S. 168–170; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 369–371.

Когда Жан де Монлюк в то же время прибыл в Краков для переговоров о польской короне для герцога Анжуйского, сенаторы уже бурно обсуждали произошедшее: кандидатура Генриха де Валуа на престол Речи Посполитой встретила резкое неприятие, особенно среди православной и протестантской шляхты⁴²¹.

Показательно, что вскоре после событий Варфоломеевской ночи в Великом княжестве Литовском вышло несколько сочинений, посвященных избиениям гугенотов. Пожалуй наиболее ярким из них был труд «О вероломстве Карла IX, короля Франции, и зверствах, совершенных им против христиан», написанный в стихах на латинском языке и изданный в швейцарском Базеле в 1572 г., а затем в Вильно в 1573 г. Автор, сравнивая французского монарха с Иваном IV, отмечал, что Карл IX, позавидовав «варварству» и «кровожадности» московского государя, решил превзойти их, приказав своим слугам, готовым «исполнить любые ужасные приказания тирана», убить ни в чем не повинных христиан, не щадя ни женщин, ни младенцев. В одном из абзацев поэт восклицает: «Варвар – радуйся, Московия – радуйся: Франция превзошла тебя своим варварством!»⁴²².

Во второй половине сентября 1572 г. состоялся съезд литовских магнатов в Рудниках. На нем ряд влиятельных аристократов во главе с воеводой виленским Миколаем Радзивиллом Рыжим и старостой жмудским Яном Ходкевичем приняли решение вступить в контакт с Рюриковичами для обсуждения возможных условий избрания на вакантный трон младшего сына Ивана IV – Федора Иоанновича. Одним из итогов собрания стало решение

⁴²¹ Для знати Речи Посполитой Варфоломеевская ночь, очевидно, стала настоящим шоком. Известно, что в течение 1560-х гг. польский и литовский дворы пристально следили за действиями французской короны по примирению католиков и гугенотов. Часть ближайших советников Сигизмунда II, в частности архиепископ Гнезненский Якоб Уханьский, прямо ставили политику Екатерины Медичи в пример: Любович Н. Н. История реформации в Польше... С. 68–69, 81, 110–112; Флоря Б. Н. Планы созыва в Польше середины XVI века «*concilium nationale*» и французский пример... С. 116–126.

⁴²² *In perfidiam et crudelitatem, quam Carolus Nonus, Galliae rex in Christianos exercuit. Vilnae, 1573. 48 fol.* Автор от всей души благодарит доктора истории Парижского университета – Сорбонна IV Т. Деббажи-Баранову за рекомендацию обратить внимание на данный источник.

обратиться к русскому государю с просьбой о принесении присяги, гласившей, что царь и его потомки после венчания в Кракове не станут покушаться на «свободы, права и вольности» шляхты, и что между двумя державами будет заключен «вечный мир» и союз⁴²³.

В начале октября с поручением начать диалог о короне Ягеллонов к московскому правителю был отправлен гонец Стефан Матвеев, который, вероятно, уведомив царский двор об итогах съезда⁴²⁴, упомянул о кровавых вестях из Парижа, ошеломивших весь *Pax Christiana*. Надо полагать, в столице Русского государства к этому времени уже знали о массовых избиениях гугенотов от иностранных купцов и факторов, проживавших в Немецкой слободе (в германских землях известия стали распространяться не позже 29 августа)⁴²⁵, а курьер панов-рады лишь подтвердил слухи. Известно, что новость об убийствах французских протестантов произвела на Ивана IV сильное впечатление: на переговорах с литовским послом Михаилом Гарабурдой, проходивших в Великом Новгороде в феврале-марте 1573 г., царь напрямую пригрозил Речи Посполитой войной в случае избрания Генриха Анжуйского: «А возьмете ли французского, и вы, Литва, ведайте, что мне над вами промышлять»⁴²⁶.

Тема Варфоломеевской ночи имела продолжение после избрания французского принца монархом Речи Посполитой⁴²⁷ в связи с прибытием в Москву летом 1573 г. бранденбургского купца Магнуса Паулюса, привезшего

⁴²³ Zbiór pamiątek do dziejów polskich. T. 3 / wyd. W. S. Broel-Plater. Warszawa, 1858. S. 20–21; Lulewicz H. Zjazd w Rudnikach we wrześniu 1572 roku // Przegląd Historyczny. 2000. № 91 (2). S. 203–219.

⁴²⁴ АЗР. Т. 3. СПб., 1848. С. 162–163; Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582). Историко-критическое исследование. СПб., 1904. С. 13.

⁴²⁵ Петтигри Э. Изобретение новостей... С. 157.

⁴²⁶ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Т. I. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 год / под ред. А. И. Тургенева. СПб., 1841. С. 242. Кроме того, судя по всему, на неприятие кандидатуры Генриха де Валуа Иваном IV оказало влияние знание царя о франко-османском союзе: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 64.

⁴²⁷ Генрих Анжуйский был избран элекционным сеймом польско-литовским государем в мае 1573 г.

императорское послание от 20 ноября 1572 г.⁴²⁸ Представ перед Иваном IV, гонец Максимилиана II поведал следующее: «Цысар в своей грамоте писал кручину, что корол французской воевался с королем нафарским, а воевался умыслил злодѣйским обычаем, чтоб с ним помиритис, а помирився, зговорил сестру свою за нафарского короля, и корол нафарской приѣхал на свадьбу, а с ним многие люди великие приѣхали. И корол нафарской зятя своего изымал и посадил в тюрьму, и ныне сидит в тюрьмѣ, а людей его всѣх, бояр и дворян и всяких людей и з женами и з детми тое ж noci побил и до одново. А сказал, побил их для вѣры, что они не его вѣры. Да которые и его земли тое ж вѣры с тѣм королем нафарским, а французской не той вѣры, и корол французской и тѣх побил, всего в то время побил всякого человека и со младенцы до ста тысяч. И королю и всей цысарской области и всѣм крестьянским господарем пригоже о том болѣзновати и кручинитис. А с тѣм злодѣем со французским ни знатца, кроме над ним мсти, то чего ни в которых землях не бывало, что он учинил. А се ныне корол французской брата своего отпускает на Королевство Полское и на Великое княжество Литовское, а посылки турского салтана, и то цысарю кручина ж. И цысар со всею областью цысарскою приговорил и сторожи и заставы уставил, чтоб французской не проѣхал на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское, то его кручина ж для всего крестьянства, коли французской с турским салтаном будет в дружбе, а брат его будет корол полской и княз великий литовской, и крестьянским господарем будет тяжко. И цысар со всѣм цысарским чином приговорили со господарем московским мир вечной постановити, на тараских господарей стояти с одного и оберегати своего господарства»⁴²⁹. Надо полагать, Максимилиан II, приказавший Паулюсу столь подробно передать

⁴²⁸ ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 200–203. Известно, что Максимилиана II искренне волновали события французских религиозных столкновений: император в переписке с Карлом IX и Екатериной Медичи не раз предлагал установить мир в королевстве, призывая последовать примеру Аугсбургского межконфессионального соглашения 1555 г.: Шишкин В. В. Переписка немецких князей с французским двором во время Религиозных войн XVI века (по материалам из Российской национальной библиотеки) // Средние века. 2016. Т. 77. № 3–4. С. 382.

⁴²⁹ ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 202–203; Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских посольских делах XVI в. С. 224–228; Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков... С. 171–172.

Ивану IV новость о французском кровопролитии, сделав упор на коварном вероломстве Валуа, количестве жертв и религиозном характере произошедшего, рассчитывал на обострение русско-польских отношений, конфронтацию, которая позволила бы убедить коронных сенаторов и литовских панов изменить решение, принятое элекционным сеймом⁴³⁰. То, что Магнус Паулюс, судя по всему, намеренно упустил в своем рассказе официальную версию дома Валуа о мятеже против королевской власти, также представляется не случайным. Надо полагать, при императорском дворе, активно интересовавшимся событиями Опричнины, знали, что русский государь, отвечая на обвинения в мучительстве своих подданных-христиан, утверждал, что справедливо наказывает изменников и отступников, а не проливает кровь единоверных людей⁴³¹. Впрочем, Иван IV, очевидно, будучи в курсе религиозной подоплеки парижских происшествий, по всей видимости преднамеренно принял бранденбургского гонца вместе с крещеным татарским царем Симеоном Бекбулатовичем: московскому правителю, должно быть, хотелось продемонстрировать успехи православной державы в деле мирной пропаганды слова Божия среди «неверных», а также веротерпимость в качестве одного из принципов своей политики⁴³².

Вместе с тем реакция московского государя на послание императора была мгновенной. В ответе панам-раде на письмо, привезенное чашником галицким Андреем Тарановским и гонцом Федором Воропаем⁴³³, царь упрекнул литовскую шляхту, что они, в обход договоренностей с ним, приняли на трон Генриха де Валуа, тем не менее, намекнув на возможность исправления сложившейся ситуации: «И мы тому удивляемся, которым обычаем королевича французского

⁴³⁰ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство. С. 94–99.

⁴³¹ Филлюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 413.

⁴³² Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022. С. 206–207.

⁴³³ Тарановский и Воропай, посетившие Русское государство летом 1573 г., поведав царю об избрании Генриха Анжуйского на польско-литовский трон, отметили, что, если французский принц не прибудет в Краков до дня святого Мартина, 11 ноября, шляхта будет вынуждена выбрать нового государя. Тем самым дипломаты заверили Ивана IV, что корона Ягеллонов еще может оказаться в его руках, а также добились продления перемирия между двумя державами на один год: Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой... С. 16–21.

полюбили себе на господарство мимо нашего господарства как бы на розлите крови всего хрестьянства, занеже французский по турского солтана присылце будет з ним во дружбе и в послушании. И фъранцузскому будучи у вас на господарстве по турского солтана велению быти з нами и с цесарем в недруже кто всему хрестьянству будет, ко многому кровопролитю. И вы б, панове, попометовавши на свое хрестьянство и наводцы на зло хрестьянское не были, и того доброго дела, што к покою и к пожитку всего хрестьянства не опустили и о том постаралисе, штобы тое доброе дело к покою и пожитку всего хрестьянства свершилося»⁴³⁴.

Немногим позже, отвечая на письмо Максимилиана II и посольские речи Магнуса Паулюса, Иван IV в послании императору от 31 июля 1573 г. выразил сожаление по поводу парижских событий и попросил Габсбурга воспрепятствовать проходу Генриха Анжуйского в Польшу: «А что, брат наш дражайшей, скорбиш о кроворозлите, что учинилос у францовского короля в его королевстве нѣсколко тысяч и до сущих младенцов избито⁴³⁵, и о том крестьянским господарем пригоже скорбѣти⁴³⁶, что таковое безчеловѣчество французской корол над толиким народом учинил и кров толикую без ума пролил. <...>. А Тѣбе, брату нашему дражайшему, береч того накрепко, чтоб Тебѣ, брату нашему, французского королевича через свою область и поморских князей не

⁴³⁴ Послание царя панам-раде от 15 июля 1573 г. Цит. по: Рябов С. М., Попович А. И. Варфоломеевская ночь 1572 г. глазами Ивана Грозного: в поисках идеала христианского правления // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 22. М., 2023. С. 502.

⁴³⁵ Показательно, что Иван IV не заимствовал из рассказа бранденбургского гонца сведения о числе убитых: речь идет о нескольких тысячах, но никак не о сотне тысяч жертв. Вместе с тем акцент в послании царя перенесен на гибель детей, что, надо думать, было дополнительным штрихом к портрету французского короля как несправедного правителя и являлось традиционной аллюзией на избиение младенцев Иродом Великим: Там же. С. 504. О христианском дискурсе жертвенности и мученичества см.: Попович А. И. «Изображая жертву»: пафос обличения и мученичества в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 67–98.

⁴³⁶ Данная формулировка, очевидно, выглядит как завуалированное наставление русского государя равным христианским правителям или во всяком случае как попытка выставить себя в лучшем свете после завершения Опричнины: Там же. О поучительных мотивах в корреспонденции Ивана IV см.: Бачинский А. А., Ерусалимский К. Ю., Кочекская Н. А., Моисеев М. В. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 116.

пропустить на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское для их соединеня з бесерменским господарем⁴³⁷ на крестьян»⁴³⁸.

Затем, в послании Фредерику II от 31 июля 1573 г., отправленном вместе с гонцом Константином Скобельцыным, Иван IV, сославшись на полученные от Магнуса Паулюса сведения, просил не пропускать Генриха де Валуа через Эресуннский пролив, в очередной раз отметив, что избрание французского принца на польско-литовский престол было осуществлено при поддержке султана Селима II и, следовательно, грозит войной между христианскими державами: «Присылали к нам Коруну Полские и Великого княжства Литовского до рады присяглово писаря Михаила Галабурду, просячи нас, чтоб нам пожаловати их, быти у них на господарстве. И мы Михаила Галабурду на том и отпустили. И панове рада Коруну Полские и Великого княжства Литовского нестоятельным обычем в тот час скоро обрали себѣ на господарство на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское французского королевича по ссылке турецкого салтана, забыв свою присылку и прошене, и послов своих по французского королевича по Андрыха послали. А итти, деи, королевичю французскому через твою землю Зунтом на Гданеск. А брат наш дражайший Максимилиан цысар писал к нам о французском королевиче то ж, что его емлют себѣ на господарство Коруну Полские и Великого княжства Литовского панове по турецкого салтана присылке. И нам, крестьянским господарем, видя такое соединене Коруну Полские и Великого княжства Литовского со францовским, сложася з бесерменским господарем с турецким салтаном, хотя на крестьян кроворозлите наводити, того береч и не опустит, чтоб такое дѣло их не могло сстатися. А Тебѣ, приятелю нашему, накрѣпко стояти и промышляти пригоже с нами и з братом нашим дражайшим с Максимилианом цысарем с одново, чтоб французской через Твою землю Зунтом силно не прошел и прошенем не проѣхал. И нашему бы еси царьскому величеству и брату нашему Максимилиану цысарю любителное приятелство тѣм показал, чтоб французской мимо твое господарство

⁴³⁷ Селим II.

⁴³⁸ ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 206–215.

не прошел, и с нами и з братом нашим любителным с Максимилианом цысарем стоял о всем заодин и с нами соузу своего любителного прибавления учинил. А то, приятел наш, можеш розсудити, толко французской, проѣхав, будет на Коруне Полской и на Великом княжстве Литовском, сложас з бесерменским господарем, с турским салтаном с одного. И каково будет то нашему царьскому величеству и брату нашему, Максимилиану цысарю, и всѣм крестьянским господарем к убытку и х кроворозлитою всего хрестьянства. А каковы у Тебя, приятеля нашего, вѣсти будут про французского королевича поход на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское, и Ты б нас без вести не задержал, обослал нас своим гонцом»⁴³⁹.

Просьба русского государя нашла сочувственный отклик при дворе Фредерика II. После событий Варфоломеевской ночи датско-французские отношения претерпевали серьезный кризис, готовый перерасти в военное противостояние. Начиная с осени-зимы 1572 г. Ольденбург в письмах к немецким князьям-протестантам начал проявлять немалый интерес к положению гугенотов во время Четвертой Религиозной войны (1572–1573) и действиям нидерландских повстанцев против испанской короны. Победы герцога Альбы во Фландрии, осада Ла Рошели Генрихом Анжуйским и поддержка домом Валуа прокатолической партии в Шотландии представлялись монарху частями одной стратегии наступления «папистов» на бастионы Реформации. Ближайший советник Фредерика II граф Генрих Ранцау в переписке с королем напрямую обвинял Карла IX и Екатерину Медичи в сговоре с Филиппом II, утверждая, что после парижской резни объединенные франко-испанские силы нанесут удар по голландским мятежникам⁴⁴⁰.

⁴³⁹ РИБ. Т. 16. Русские акты Копенгагенского государственного архива / под ред. Ю. Н. Щербачева. СПб., 1897. С. 103–106. Результаты посольства Скобельцына, надо полагать, лишь подтвердили опасения царского двора: русский дипломат сообщил, что Карл IX состоит в большой дружбе с османским султаном. Кроме того, Скобельцын поведал своему государю о Религиозных войнах во Франции, ставших причиной истощения королевской казны: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков... С. 180–181.

⁴⁴⁰ Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause... P. 109–116.

Кроме того, датского государя беспокоило усиление Речи Посполитой посредством союза с Французским королевством. Ольденбургу, имевшему сеть агентов-информаторов в Европе, было известно, что, согласно «Генриховым артикулам» новый польско-литовский правитель обязался тратить четверть личных средств на оборону страны, а в случае войны оплачивать панам участие в ней. Валуа клялись предоставить отряд из четырех тысяч человек, направив его в Ливонию, и аннуально выплачивать польской короне сто тысяч золотых четыре раза в год, а также делиться с Польшей доходами, получаемыми с подконтрольных им земель. Вместе с тем в одном из бретонских или нормандских городов должен был открыться склад для польских купцов, которым даровались многочисленные привилегии и льготы, а торговля на Балтике переходила в совместное ведение двух держав⁴⁴¹. Для Фредерика II, боровшегося со второй половины 1560-х гг. за контроль над «северной коммерцией» и заинтересованного в ослаблении польско-литовского присутствия в Ливонии, укрепление позиций Речи Посполитой на севере и северо-востоке Европы являлось серьезной опасностью⁴⁴².

Получив в середине июня 1573 г. послания от Карла IX, Екатерины Медичи и Генриха Анжуйского, в которых говорилось об итогах элекционного сейма и содержалась просьба о пропуске нового польско-литовского государя, сопровождаемого отрядом из четырех тысяч гасконских пехотинцев, через Эресуннский пролив⁴⁴³, датский король приступил к усилению приморской

⁴⁴¹ Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 186–188.

⁴⁴² Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause... P. 115–116.

⁴⁴³ Король и королева-мать, продолжив после событий Варфоломеевской ночи политику противодействия Габсбургам, попытались убедить Фредерика II предоставить свободный проход Генриху де Валуа, пообещав создать антииспанскую коалицию, в которую, помимо Франции и Дании, предполагалось включить Англию и Речь Посполитую. Главный удар альянса, где главную роль должен был играть новый польско-литовский государь, планировалось направить на Нидерланды, и, тем самым, помочь мятежникам во главе с Вильгельмом Оранским. Как известно, идея была отвергнута Ольденбургом: фигура Генриха Анжуйского в данном проекте, человека, победившего гугенотов при Жарнаке и Монконтуре в 1569 г., принимавшего участие в парижской резне в 1572 г. и осаде Ла Рошели в 1573 г., представлялась датскому монарху верхом лицемерия дома Валуа: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 198; Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause... P. 114–115. Интересно, что одновременно с этим, следивший за проектами французского двора и реакцией на события

обороны, приказав нескольким капитанам отправиться вместе со своими отрядами в зelandский Хельсингёр и увеличив численность береговой охраны⁴⁴⁴.

Конфликт между французской и датской монархиями оказался на грани войны в июле 1573 г., когда агент Екатерины Медичи в Кракове Ги де Сен-Желе, сеньор де Лансак, и представитель Коронного сената Станислав Гротский на пятидесятипушечном военном судне «Concordia» решили пройти через Эресуннский пролив, чтобы затем отправиться к Ла Рошели для официального извещения Генриха де Валуа о результатах польско-литовских выборов. Корабль вместе с пассажирами, среди которых было несколько польских каперов, ранее грабивших датских негоциантов на Балтике, был арестован. Флибустьеры, чье присутствие больше всего возмутило Фредерика II, были закованы в кандалы и вскоре, представ перед морским судом, приговорены к смертной казни через повешение. Лансака и Гротского задержали в Копенгагене более чем на месяц, отпустив лишь после заступничества Данзе, который добился от гонцов обещания, что французские и польские военные корабли отныне не будут пытаться пройти через владения датского монарха без письменного разрешения. Фактически, это был прямой запрет на путешествие Генриха Анжуйского по Балтийскому морю: дождавшись отплытия двух дипломатических представителей, Ольденбург 25 августа отправил послание своему тестю Ульриху III Мекленбургскому, в котором заявил, что, если Генрих де Валуа решится перейти Эресуннский пролив, он немедленно объявит войну французской короне⁴⁴⁵.

Варфоломеевской ночи в протестантских державах Филипп II, не был столь обеспокоен избранием Генриха де Валуа на престол Речи Посполитой. Надо полагать, испанского монарха отчасти обнадежил его ближайший советник, неаполитанский вице-король Антуан Перрено де Гранвель, пророчески отметивший в письме королю от 5 июня 1573 г., что «монсеньор Анжуйский и королева-мать, не пройдет и двух лет, будут сожалеть о своей победе, поскольку [Польское] королевство столь отлично от Французского в людских обычаях и нравах, что они не смогут приобрести там никаких выгод для [реализации] своих замыслов, и, следовательно, не нанесут нам никакого вреда во Фландрии»: EFE. T. XXI. Documenta polonica ex Archivo generali Hispaniae in Simancas / coll. V. Meysztowicz. Romae, 1970. № 11.

⁴⁴⁴ Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause... P. 116–117.

⁴⁴⁵ Ibid. P. 119–123.

Информация о копенгагенском инциденте дошла до Ивана IV вскоре после отплытия Лансака и Гротского. В послании Фредерику II от 5 сентября 1573 г. русский государь поблагодарил датского монарха за арест французского и польского гонцов и вновь попросил не пропускать Генриха Анжуйского: «А что нам от тебя говорил гонец Твой Мартын⁴⁴⁶, что еси для нашего царьского величества имени францовьского короля пословъ у себя задержал и отпустить их не хочеш и брата францовского короля через свою землю на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское пропустить не хочеш, и то еси учинил любително нашему царьскому величеству. А и вамъ то к прибытку, чтоб на Корунъ Полской и на Великом княжствѣ Литовском францовской королевич не был. А толко бы по присылке турского салтана и по договору с францовским королемъ сѣл францовской королевич на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское, и господарем бы хрестьянским всѣм было то к убытку на розлите кровей хрестьянских, как нашему царьскому величеству, такъже и брату нашему дражайшему Максимилиану цысарю, и Твоему королевству, и всѣм поморским господарем. И Ты б, сусѣд нашъ любителной, Фредерик корол, и вперед нашему царьскому величеству любителное сусѣдство держал крѣпко и для любительства с нами королевича францовского Зунтом на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское не пропускал; такъже и послов полских и литовских ко францовскому королю и францовского короля послов х Коруне Полской и к Великому княжеству Литовскому не пропускал и с нашим царским величеством свое сусѣдственное любителное dokonчанье во всѣм крѣпко держал, что нашему царьскому величеству и Тебѣ, нашему любителному сусѣду, и нашим господарствам к прибытку належит»⁴⁴⁷.

⁴⁴⁶ Гонец Фредерика II, привезший царю королевскую грамоту от 2 июля 1573 г.: Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. № 217. Показательно, что Иван IV интересовался судьбой Лансака и Гротского ранее. В послании Магнусу Голштинскому от 10 августа 1573 г. русский государь писал: «И ты б, провѣдав о вестех о полских и о литовских, посслы их, которые посланы х королю францувскому, проѣхали на которое мѣсто, а провѣдав о тѣх о всѣх дѣлех и о всяких вѣстех, что провѣдаеш, отписал бы если к нам не издержав, чтоб нам было вѣдамо»: ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 218–219.

⁴⁴⁷ РИБ. Т. 16. С. 105–110.

Закрытие Эресуннского пролива Фредериком II, резкое охлаждение отношений с Датским королевством и явное сопротивление кандидатуре Генриха Анжуйского в Священной Римской империи поставили дом Валуа в трудное положение. Единственным возможным вариантом путешествия французского принца в Польшу представлялась договоренность с османским султаном, через владения которого шла южная дорога в Речь Посполитую. Вероятно, летом 1573 г. Карл IX отправил послание, переданное Селиму II послом в Константинополе Франсуа де Ноаем. Владыка мусульманской империи довольно скоро ответил «наихристианнейшему» королю, предложив маршрут, пролежавший через Рагузу, Герцеговину, Сербию, Темешвар и Трансильванию. Более того, султан отметил, что уже написал письма румельскому бейлербею, санджакбею и трансильванскому князю⁴⁴⁸, распорядившись о почетной встрече нового польского-литовского государя⁴⁴⁹.

Как известно, помощь Селима II не понадобилась: Максимилиан II, опасаясь погружения империи в конфликт с Францией, Речью Посполитой и Османской империей, вынужден был пропустить Генриха де Валуа через немецкие земли: двинувшись со своей свитой через Висамбур, Ландау, Гейдельберг, Вормс, Майнц, Франкфурт-на-Майне, Штейнау, Фаху, Айзенах, Галле, Делич, Торгау, Херцберг, Суленцин, Мендзыжеч и Познань французский принц, не скомпрометировав себя тесными связями с константинопольским двором, прибыл в Польское королевство в конце января 1574 г.⁴⁵⁰

Иван IV узнал об успешном путешествии Генриха Анжуйского из нескольких источников: известно, что о вояже французского принца в Польское королевство ему написали Фредерик II в своем послании от 11 января 1574 г.⁴⁵¹

⁴⁴⁸ Примечательно, что правителем Трансильвании в это время был Стефан Баторий, будущий король Речи Посполитой.

⁴⁴⁹ EFE. Т. XXI. № 11.

⁴⁵⁰ Champion P. Henri III, roi de Pologne... P. 7–42. Церемония въезда Генриха де Валуа в Краков состоялась 18 февраля 1574 г. Примечательно, что на ней, судя по всему, присутствовал Андрей Курбский: Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 895.

⁴⁵¹ Интересно, что датский король в данном послании, исходя из полученных им известий, подтвердил сообщение царя об участии турецкого султана в избрании Генриха де Валуа на польско-литовский престол: Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. №

и Магнус Голштинский в письме от 4 февраля того же года⁴⁵². Царю пришлось выстраивать отношения с новым правителем Речи Посполитой, который, как показало время, был не против более тесного сотрудничества с русским государем.

§ 2. Русское государство как оппонент политике Франции

Стремительный рост авторитета французской короны на севере и северо-востоке Европы, предшествовавший событиям Варфоломеевской ночи, приковал внимание к династии Валуа нескольких влиятельных политических групп, искавших избавления от внутренних и международных проблем своих государств путем приглашения на трон иностранного принца. Если сюжет о польских планах, связанных с предложением Генриху де Валуа занять краковский трон, рассматривался исследователями⁴⁵³, то проект занятия Франсуа Алансонским шведского престола до сих пор не получил должного внимания историков.

Известно, что заговор, предполагавший свержение Юхана III с последующим воцарением представителя династии Валуа, возник летом 1572 г. в среде французских дворян-кальвинистов, находившихся на шведской службе и приближенных ко двору в годы правления Эрика XIV. Главным инициатором смещения с трона династии Васа выступил Шарль де Морне, сеньор де Варенн, занимавший в годы правления предыдущего монарха должность камергера и

226. Вероятно, Фредерику II удалось узнать о переписке между Карлом IX и Селимом II, в которой обсуждался вариант отправки французского принца через османские владения.

⁴⁵² ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 223–225.

⁴⁵³ Serwański M. Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta. S. 251–266; Dubas-Urwanowicz E. Henri de Valois dans l'opinion de la noblesse polonaise // Henri III et son temps / sous la dir. de R. Sauzet. P., 1992. P. 87–92; Kociszewska E. La Pologne, un don maternel de Catherine de Médicis? La cérémonie de la remise du Decretum electionis à Henri de Valois // Le Moyen Age. 2011. № 3. P. 561–575; Debbagi-Baranova T. À coups de libelles. Une culture politique au temps des guerres de Religion (1562–1598). Genève, 2012. P. 337–398; Lapointe M. Stratégies diplomatiques dans la correspondance du Duc d'Anjou, futur Henri III, de la fuite de Pologne au couronnement en France (1574–1575) // «Des bruits courent»: rumeurs et propagande au temps des Valois. P., 2017. P. 221–233.

выполнявший ряд дипломатических поручений во Франции, Англии, Шотландии и Дании. Командуя королевской армией в годы Северной семилетней войны, Морне в результате поражения, нанесенного его войскам в Вестра-Гёталанде в 1566 г., попал в плен к Фредерику II. Будучи заключенным в зеландском Калуннборге, Морне, пользуясь благосклонностью датского монарха, сблизился с Шарлем де Данзе, сыгравшим в дальнейшем одну из главных ролей в заговоре против Юхана III в 1572–1573 гг.⁴⁵⁴ Пространные письма-доклады этого французского дипломата выступают главным источником, благодаря которому можно проследить рождение и эволюцию планов заговорщиков.

В письме королю от 31 августа 1572 г. Данзе писал, что в Данию к нему приехали два знатных шведских дворянина, рассказавших ему о тяжелом положении, в котором находилась их страна. Особо они выделили плохое управление государством Юханом III, нараставший конфликт с русским царем, постоянно повышавшиеся налоги, а также высказали опасение по поводу грядущего гражданского противостояния между новым королем и его младшим братом Карлом Сёдерманландским. Решением данных проблем, по их мнению, могло стать отрешение династии Васа от шведского престола с дальнейшей передачей власти Риксроду с правом выбора нового монарха⁴⁵⁵. Таким новым государем, согласно высказанной шведскими дворянами мысли, должен был стать один из принцев Валуа, которого Карл IX решил бы отправить в Швецию⁴⁵⁶.

В ответ на высказанное предложение Данзе возразил, что шведские сословия самостоятельно и без какого-либо давления признали Юхана III своим

⁴⁵⁴ Odelberg W. Charles de Mornay et la cour de Suède... P. 21–31.

⁴⁵⁵ Надо полагать, планы заговорщиков-реформатов основывались, помимо прочего, на религиозно-политическом учении Жана Кальвина, в котором подчеркивалась особая роль христианского правителя, главным качеством которого являлось милосердие, в деле защиты страны от агрессора, а народа – от ограбления: Ревуненкова Н. В. Жан Кальвин. Теология и религиозно-общественная мысль XVI века. СПб., 2012. С. 182–183. Юхан III, заточивший брата в темницу, повысивший налоги и вступивший в конфронтацию с царем, по мнению мятежников, очевидно, не отвечал образу идеального государя.

⁴⁵⁶ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 160–166.

королем, а также заявил, что французский монарх не сможет одобрить мятежные действия против своего «брата и кузена». Выслушав мнение посла, оба шведских дворянина попытались уверить дипломата в благости своих намерений, сказав, что никто из рода Васа не будет заключен под стражу или убит: все его члены получат от Риксрода земельные владения, где будут жить «в безопасности и спокойствии». Затем они пригрозили Данзе, что в случае отказа французской стороны, они будут вынуждены искать поддержку их планам «в другом месте», очевидно, имея в виду дворы Габсбургов, Тюдоров и Рюриковичей. Известно, что интересы как императорской, так и английской корон на севере Европы и Балтийском море выходили далеко за пределы коммерческих связей, представляя из себя сложную дипломатическую игру⁴⁵⁷. Московский государь, в свою очередь, уже пытался поучаствовать во внутривосточных событиях в Шведском королевстве, предприняв попытку освободить из заключения Эрика XIV и вновь посадить его на трон с помощью русских войск⁴⁵⁸. Оценив опасность подобного исхода, посол обещал передать слова шведов Карлу IX, особо отметив, что в случае своего согласия французский монарх сумеет спасти Шведское королевство от «московитской агрессии», добавив, что завоевание этой страны царем стало бы «невосполнимой потерей для всего христианства»⁴⁵⁹.

Надо полагать, планы шведских заговорщиков были благосклонно восприняты при дворе Валуа: ранней зимой 1573 г. Данзе удалось наладить связь

⁴⁵⁷ Kirchner W. *England and Denmark...* P. 1–15; Lavery J. *Germany's Northern Challenge...* P. 1–18; Karlsson M. *Three Letters of Proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England...* P. 81–101.

⁴⁵⁸ Весной 1571 г. в Москву с тайным посланием от заключенного в Абоском замке Эрика XIV прибыл толмач Йонс Ульссон. Свергнутый монарх просил Ивана IV послать войска для его освобождения. Царь в ответном послании от апреля 1571 г. сообщал, что готов «на всю Свѣскую землю меч свой послати», а самого Эрика XIV «жаловати как будет по-пригожу». Царская грамота была передана с тем же Григорием Янсом, который был схвачен стражниками. Вскоре Эрик XIV был переведен из Абоского замка в Кастельхольм на Аландских островах, а пойманного толмача предали суду за измену: Ödberg F. *Om stämplingarna mot konung Johan III...* P. 7–8; Демкова Н. С. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III... С. 495–496.

⁴⁵⁹ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 145–146.

с Шарлем де Морне и встретиться с ним на датско-шведской границе. В послании от 27 февраля 1573 г. дипломат просил Карла IX написать сеньору де Варенну, чтобы «известить его о своей доброй воле». Это, по мнению посла, позволило бы Морне «проявить настойчивость» и «приложить все усилия, дабы продемонстрировать свою покорнейшую службу [французскому королю] каким-нибудь добрым делом, когда возникнет такая возможность»⁴⁶⁰. До согласования всех планов с Карлом IX Данзе просил Морне не предпринимать никаких действий. Свое письмо монарху дипломат закончил следующими словами: «Если бы Вы сегодня привели к преданности Шведское королевство, то стали бы владыкой большей части Севера меньше, чем через год»⁴⁶¹.

Весной 1573 г. французский король и королева-мать Екатерина Медичи одобрили планы заговорщиков и Данзе, дав поручение своему послу отправиться в Швецию для проведения тайных переговоров. В ответном письме своему резиденту в Копенгагене от 15 апреля 1573 г. Карл IX писал: «<...> Прошу Вас позаботиться о том, чтобы это путешествие не было напрасным, но стало возможностью выяснить и разузнать, насколько это возможно, о том деле, которое касается моего брата герцога Алансонского⁴⁶², и о котором говорилось в Ваших последних депешах, а также в Ваших последних письмах, написанных шифром. Заверьте, насколько сможете, двух шведов, которые говорили с Вами об этом [деле], в их добром расположении относительно него. Следуя Вашему совету, я повелел дать им в подарок тысячу экю, то есть по двести пятьдесят экю

⁴⁶⁰ Ibid. S. 172–179.

⁴⁶¹ Ibid. S. 179.

⁴⁶² Приводимое письмо Карла IX показывает, что на шведский престол в случае успеха предприятия заговорщиков планировался младший сын Екатерины Медичи Франсуа де Валуа, что опровергает предположения, выдвинутые Ф. Эдбергом и А. Ришаром, вкратце упоминавшими о проекте Морне и Данзе, что трон должен был занять Генрих Анжуйский: Ödberg F. Om stämplingarna mot konung Johan III... P. 42; Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 98–103. Более того, данный проект, выдвинутый дворянами-кальвинистами и обретавший черты летом-осенью 1572 г., надо полагать, заведомо не предполагал контактов с Генрихом де Валуа, одним из участников Варфоломеевской ночи. Франсуа Алансонский, выступавший с позиций веротерпимости, осудивший парижскую резню и последовавшие убийства гугенотов, напротив, мог рассматриваться как идеальная кандидатура, способная, к тому же, повернуть вспять прокатолическую политику Юхана III и заключить союз с Елизаветой I Английской, создав альянс протестантских держав.

каждому <...>⁴⁶³. Вы также должны в меру своих сил укрепить сеньора де Варенна в его доброй воле, направленной к моему благу, и убедить его в том, чтобы он никогда не направлял своих усилий на благо другого государя, ибо никто не благодарен ему более, чем я, о чем я написал ему в письме, которое посылаю Вам и в котором Вы найдете указания [для сеньора де Варенна]: когда и где он должен будет сделать все возможное для успеха дела. Тем не менее, во всем старайтесь вести себя в этом деле так ловко, чтобы ничего не открылось, а также не торопите события. Постарайтесь щадить сердца шведов, насколько можете, объявив им, что я желаю сохранения и процветания моих собственных подданных не меньше, чем их, и что если в моем королевстве есть что-то, что принадлежит мне, я с радостью уступлю это им и всегда буду угождать им самыми дружескими словами из тех, которые Вы можете придумать, чтобы сказать им о своей доброй воле в этом деле, о переговорах вокруг которого, как Вы мне обещаете в своих письмах, не должен узнать никто»⁴⁶⁴. Отправляя заговорщикам столь внушительную сумму денег в виде поощрительного аванса, а также подробные инструкции, монарх, надо полагать, рассчитывал на продолжение мятежных действий, желая их успешного завершения.

Екатерина Медичи, написавшая письмо тогда же, 15 апреля 1573 г., связала воедино два проекта французской дипломатии – шведский и польский, отметив следующее: «Относительно дела, касающегося моего сына герцога Алансонского, я прошу Вас в ходе своей поездки в Швецию, которую мы находим очень своевременной, продолжить сотрудничество с сеньором де Варенном и двумя другими дворянами, которые сделали Вам предложение, таким образом, чтобы со временем, и не обижая никого, оно могло увенчаться успехом, как мы надеемся, направляемое Вашими обычными благоразумием и ловкостью. Также посмотрите, не можете ли вы, находясь в Швеции и Дании, помочь и содействовать переговорам, которые мы ведем в Польше, чтобы мой

⁴⁶³ Очевидно, оставшиеся пятьсот экю должны были быть переданы Морне.

⁴⁶⁴ BnF. Ms. Français 3324. Fol. 60–60r.

сын герцог Анжуйский был избран королем, в соответствии с возлагаемыми на это нашими надеждами»⁴⁶⁵.

Дальнейшее развитие событий описано Данзе в его отчете королю от 2 июня 1573 г. Французский дипломат согласовал с Морне, как главой заговора, план свержения Юхана III. Следуя ему, Варенн должен был убедить шведского монарха в необходимости нанять две или три тысячи французских наемников для укрепления боевых позиций в Ливонии. После одобрения найма Юханом III, Морне с позволения Карла IX, но без его официального разрешения должен был привезти французских солдат и расположить их вблизи монарших резиденций. В заранее оговоренный час по приказу заговорщиков наемники обязались приступить к аресту шведского короля. Затем, после захвата власти восставшими, планировалось направить гонца ко двору Валуа с посланием, в котором должна была содержаться просьба прислать в Швецию нового правителя⁴⁶⁶.

Однако избрание Генриха Анжуйского королем Польши и великим князем Литовским в мае 1573 г. заставило Карла IX и Екатерину Медичи отказаться от данного предприятия. Помимо того, что провал проекта мог свергнуть Французское королевство, после Варфоломеевской ночи находившееся в конфликте с датской монархией, в войну со Швецией, неудача заговорщиков поставила бы под вопрос коронацию принца Валуа в Кракове: сословия Речи

⁴⁶⁵ BnF. Ms. Français 3324. Fol. 60r–61; *Lettres de Catherine de Médicis*. T. X / éd. par V. de Puchesse. Paris, 1909. P. 313. Стоит отметить, что успех мятежных действий мог оказать серьезное влияние на ход выборов в Речи Посполитой. Известно, что во время первого бескоролья Юхан III выступал в качестве одного из кандидатов на польско-литовский престол, имея сторонников среди прусских сенаторов и части протестантской шляхты. До зимы-весны 1573 г. идея избрания шведского короля рассматривалась ими как возможность объединения сил для нанесения удара по русским позициям в Ливонии. Однако царский поход, совершенный зимой 1573 г., в ходе которого были опустошены окрестности Пярну и Ревеля, взяты Вайсенштейн и Каркус, уничтожил создаваемый шведскими дипломатами Хогенскильдом Биельке и Густавом Банером образ Юхана III как успешного борца с «московитской агрессией». Одновременное выступление Яна Ходкевича перед шляхтой с критикой в адрес монарха окончательно разрушило планы династии Васа воцариться в Кракове и Вильно: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы... С. 84–92.

⁴⁶⁶ *Indberetninger fra Charles de Dançay*... S. 182–188.

Посполитой в условиях противоборства с Русским государством явно не были заинтересованы в боевых действиях против Юхана III, женатого к тому же на Екатерине Ягеллонке, сестре умершего летом 1572 г. Сигизмунда II. К тому же французскому двору могла понадобиться помощь шведского короля, потерявшего шансы стать польско-литовским государем, в случае необходимости отправления Генриха Анжуйского в Польшу морем, минуя земли Габсбургов. В своем письме Юхану III от 16 октября 1573 г. третий сын Екатерины Медичи благодарил его за предоставления гарантий безопасного морского прохода, заверив также в искренней и крепкой дружбе⁴⁶⁷.

В связи с резким изменением планов французской короны относительно шведского престола Шарль де Данзе оказался в явном замешательстве. В письме Екатерине Медичи от 5 июня 1573 г. посол отмечал: «Я буду тщательно вести дела в Швеции до получения дальнейших указаний от Вашего Величества, ибо я не знаю, следует ли вносить изменения в план, а также Ваших мыслей по поводу его осуществления, ведь Монсеньор⁴⁶⁸ был избран королем Польши. Кроме того, Ваше Величество не может допустить, чтобы [упомянутые в предыдущих письмах] шведы пострадали за то, что хотели оказать Вам услугу»⁴⁶⁹.

Тем не менее, шведские заговорщики были брошены французским двором на произвол судьбы. Действуя в новых условиях, и, очевидно, после получения необходимых инструкций от короля и королевы-матери, касавшихся сохранения добрых отношений с Юханом III, Данзе в письме от 6 июля 1573 г. предложил Карлу IX проект создания наступательного и оборонительного альянса между Францией, Швецией и Речью Посполитой. Согласно мысли дипломата, такой союз позволил бы усилить противодействие «московитской угрозе», а также предостерег бы датского монарха от «совершения опрометчивых шагов»:

⁴⁶⁷ BnF. Ms. Français 5145. Fol. 213; Lettres de Henri III, roi de France. T. I / rec. par P. Champion; pub. par M. François. Paris, 1959. P. 311.

⁴⁶⁸ Генрих Анжуйский.

⁴⁶⁹ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 192–195.

запрета проезда Генриха Анжуйского в Польшу через Зундский пролив и союза с русским государем⁴⁷⁰.

Ответ на предложение Данзе был предоставлен французским двором осенью 1573 г. В своем послании дипломату от 16 октября Карл IX счел нужным уведомить его, что Генрих Анжуйский отправился в Краков через земли Священной Римской империи. Благодаря этому необходимость давления на Фредерика II посредством франко-шведско-польских переговоров пропала. Король также написал о продлении перемирия между Речью Посполитой и Русским государством⁴⁷¹, в связи с чем принял решение не посылать вместе со своим братом в Польшу вооруженный отряд солдат. Тем не менее, монарх просил Данзе подробнейшим образом описать план альянса Генриху де Валуа, который после своей коронации обязался обсудить вопрос о заключении союза со Шведским королевством⁴⁷².

Известно, что первоначально Генрих Анжуйский был готов вступить в переговоры с Юханом III по поводу заключения польско-шведского союза против Русского государства⁴⁷³. Об этом, в частности, говорится в письме Данзе государственному секретарю Клоду Пинару от 12 апреля 1575 г. Французский посол писал: «Я хорошо помню, что Король сказал мне, находясь в то время в Польше, что он дал ясное поручение тем, кого он послал к Московиту⁴⁷⁴, не продолжать перемирия с ним, пока король Швеции не будет включен в мирный

⁴⁷⁰ Ibid. S. 211–214.

⁴⁷¹ Надо полагать, король имел в виду продление перемирия между Русским государством и Речью Посполитой от лета 1573 г. до лета следующего года, о котором шла речь в посланиях Ивана IV коронным сенаторам и панам-раде от 15 июля 1573 г.: Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой... С. 3–21.

⁴⁷² BnF. Ms. Français 3224. Fol. 69–70; Lettres de Catherine de Médicis. T. IV / éd. par H. de La Ferrière. Paris, 1841. P. 262

⁴⁷³ Ödberg F. Om stämplingarna mot konung Johan III... P. 52.

⁴⁷⁴ Речь, очевидно, идет о Бартоломее Завацком и Матвее Протасевиче, отправленных в Русское государство с тремя грамотами от Генриха де Валуа к Ивану IV: Опись архива Посольского приказа 1626 г. / под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. С. 91–92. Показательно, что в указанном письме Данзе именовал Ивана IV не «императором Московии» или «императором России», а «Московитом», очевидно, выстраивая неприятельскую политику по отношению к русскому государю.

договор. Его Величество знает, что произошло после этого, и запрещает мне говорить об этом»⁴⁷⁵.

Надо полагать, запрет Генриха III обсуждать планировавшийся польско-шведский союз связан с тем, что незадолго до отправления посольства к русскому царю в апреле 1574 г. монарх Речи Посполитой изменил свое решение относительно альянса, взяв курс на построение мирных отношений с Русским государством⁴⁷⁶. Очевидно, избранный король пытался избежать втягивания Карла IX, поручившегося предоставить денежную и военную помощь польско-литовской стороне в случае ее войны с Московским царством⁴⁷⁷, в противоборство на востоке Европы. Кроме того, можно предположить, что Генрих де Валуа, будучи прекрасно осведомленным о тяжелом положении Великого княжества Литовского по окончании последней русско-литовской войны и нестабильной ситуации в Шведском королевстве после свержения Эрика XIV и завершения Северной семилетней войны⁴⁷⁸, намеревался выстроить дружеские связи с царем, надеясь на поддержку русского государя в деле разрешения ливонского вопроса мирными средствами⁴⁷⁹. Неслучайно, единственным правителем, которому король Польский и великий князь Литовский написал о своем бегстве из Кракова летом 1574 г., был Иван IV⁴⁸⁰.

⁴⁷⁵ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 65. О первоначальном намерении Генриха Анжуйского заключить военный альянс со Шведским королевством и возобновить войну с Русским государством говорят также меры по усилению блокады Нарвы, предпринятые им сразу по приезде в Польшу: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы... С. 92.

⁴⁷⁶ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 132–133.

⁴⁷⁷ Филлюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 187.

⁴⁷⁸ Информация о событиях Балтийских войн и внутреннем положении государств севера и северо-востока Европы были известны Генриху де Валуа из депеш и отчетов Данзе, регулярно отправляемых принцу дипломатическим представителем с 1570 г.: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 114–116, 119, 129–130, 139–140, 144–145, 147–148, 151–152, 159–160, 167–168, 171, 182, 191, 210–211, 214–217, 221–222, 227–228.

⁴⁷⁹ Вместе с тем Генрих Анжуйский, очевидно, рассчитывал на сохранение, а в дальнейшем – интенсификацию, русско-французской торговли на Балтике.

⁴⁸⁰ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 69; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 132–133. Показательно, что шведского короля Генрих III уведомил о смерти монаршего брата и своем восхождении на французский трон лишь после

Судя по всему, Генрих Анжуйский, зная о притязаниях Рюриковичей на литовский трон⁴⁸¹, рассчитывал, что московский государь не будет претендовать на престол Речи Посполитой во время отсутствия Валуа в Кракове. Наряду с этим, новый французский монарх, очевидно, просил самодержца продлить срок перемирия до согласования новой кандидатуры на роль польско-литовского правителя, желая в дальнейшем продолжить диалог.

Как видно из последующей переписки Ивана IV, просьбы короля были услышаны при московском дворе. В послании Генриху де Валуа от 20 августа 1574 г. царь поздравил его с восшествием на польско-литовский престол, выразил сожаление о его отъезде, а также высказал соболезнования по поводу кончины Карла IX. Гонец Федор Ельчанинов оставлялся в Кракове до разрешения вопроса о вакантном троне. Русский государь согласился продлить перемирие до лета 1576 г. и выразил готовность дожидаться «опасных листов» для проезда послов к королю⁴⁸². Показательно, что в данном послании Иван IV, по всей видимости действительно желавший продолжения мирного диалога с польско-литовской стороной, именовал Генриха де Валуа «братом». В последующем, когда в 1575 г. на краковский трон взойдет Стефан Баторий, русский государь не признает его равным себе и назовет незаконным правителем, который, будучи ставленником Османской империи, не наследовал престол, а был избран, и то в обход законного короля – Максимилиана II.

возвращения во Францию в послании от 15 октября 1574 г., отправленном из Лиона: *VnF. Ms. Français 3224. Fol. 11; Lettres de Henri III, roi de France. T. II / rec. par P. Champion, pub. par M. François. Paris, 1965. P. 45–46.*

⁴⁸¹ О кандидатуре Федора Иоанновича на престол Речи Посполитой Генриху Анжуйскому в письме от 23 января 1573 г. писал агент Карла IX и Екатерины Медичи в Кракове Жан де Монлюк: Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. СПб., 1889. С. 153. Стоит отметить, что Валуа пристально следили за мнением шляхты о русском государе: французские дипломаты, попутно создавая перед коронными сенаторами образ московского государя как лукавого захватчика и волка в овечьей шкуре, регулярно информировали двор о малейших изменениях в настроениях панов относительно царя: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы... С. 88–89; *Kąkolewski I. Melancholia władzy... S. 252–285; Ерусалимский К. Ю. Республика без республиканизма... С. 231.*

⁴⁸² Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Т. I. С. 253–255.

Несомненно, французский принц был «высокороднее» трансильванского князя, однако выдвинутые царем обвинения в адрес Батория были вполне применимы к фигуре герцога Анжуйского. По-видимому, Иван IV, получивший послание от собиравшегося к отъезду Генриха де Валуа, рассчитывал на ненасильственное разрешение ливонской проблемы. Вероятно также, что к августу 1574 г. русскому государю стало известно об официальной версии событий Варфоломеевской ночи, представленной французской короной как мятеж против королевской власти. После получения такого рода информации мнение царя о Генрихе Анжуйском могло резко перемениться: из союзника султана и выборного правителя он превращался в «родственную душу», вершившую праведный суд над изменниками и отступниками. Избрание французского принца, таким образом, могло мыслиться московским правителем как «оздоровление» политической системы Речи Посполитой, пошедшей по невообразимому для царя пути шляхетских вольностей и федеративности⁴⁸³. В тайном письме литовскому шляхтичу Яну Глебовичу от 23 августа 1574 г. Иван IV отказался прислать своих послов в польскую столицу для ведения переговоров об избрании представителя династии Рюриковичей на трон Речи Посполитой, мотивируя свое решение опасением, что дипломаты будут унижены сенаторами также, как было поругано посольство Ивана Воронцова в Швеции в 1568 г.⁴⁸⁴ Лишь через год, после окончания возможного срока возвращения Генриха де Валуа в Польшу (12 мая 1575 г.), царь приступил к обсуждению ситуации, сложившейся во время второго бескорольевья, отправив послание Николаю Радзивиллу Рыжему от 21 августа 1575 г., в котором предложил свою кандидатуру на роль нового польско-литовского государя⁴⁸⁵. Столь длительное ожидание Иваном IV возвращения французского короля или его представителя

⁴⁸³ О месте французской короны в московской посольской иерархии, полемике Ивана IV со Стефаном Баторием и восприятии русским государем польско-литовской политической традиции см.: Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. С. 446; Ерусалимский К. Ю. Республика без республиканизма... С. 205–206, 245.

⁴⁸⁴ Филлюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 730–732.

⁴⁸⁵ ПИВЕ. Т. 7. Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.). М., 2004. С. 53–54.

в Краков, очевидно, было основано на соблюдении русским государем достигнутых ранее договоренностей и желании возобновить переговоры по ливонскому вопросу.

Тем временем планы по свержению Юхана III зашли достаточно далеко, чтобы была возможность от них отказаться: это было высказано Данзе Шарлем де Морне еще во время переговоров в начале зимы 1573 г.⁴⁸⁶ Никакие увещевания французского дипломата, обращенные к главным действующим лицам затевающегося мятежа в июле 1573 г., не возымели воздействия⁴⁸⁷. В срочном порядке заговорщикам пришлось менять проект приглашения французского принца на проект возведения на трон Карла Сёдерманландского. Планировалось заручиться поддержкой Лотарингского дома, родственного Габсбургам и Ольденбургам, женив герцога на Доротее, дочери герцога Франсуа I Лотарингского и сестре герцога Карла III. Затем Варенн рассчитывал нанять шотландских наемников, с помощью которых, во время одного из королевских застолий, убить Юхана III⁴⁸⁸. Однако новый заговор шведского дворянства был раскрыт. После непродолжительного судебного разбирательства 4 сентября 1574 г. Шарль де Морне был казнен отсечением головы на главной площади Стокгольма⁴⁸⁹.

Раскрытие заговора шведских дворян и бегство Генриха Анжуйского из Речи Посполитой летом 1574 г., вкуче с международными последствиями Варфоломеевской ночи, привели к резкому падению влияния французского двора на севере и северо-востоке Европы. Многие члены Риксрода, будучи вовлеченными в мятежные действия Морне, а также польские сенаторы и литовские паны, воспринявшие отъезд Генриха де Валуа как оскорбление, выступили против продолжения диалога с «наихристианнейшим» королем⁴⁹⁰.

⁴⁸⁶ Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 172–179.

⁴⁸⁷ Ibid. S. 211–214.

⁴⁸⁸ Ödberg F. Om stämplingarna mot konung Johan III... P. 42.

⁴⁸⁹ Odelberg W. Charles de Mornay et la cour de Suède... P. 30.

⁴⁹⁰ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 441; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 134.

В этих условиях осенью-зимой 1574 г. при дворе Екатерины Медичи, рассчитывавшей посредством заключения франко-шведского союза оказать давление на шляхту Речи Посполитой с целью сохранения короны за ее сыном, родился план женитьбы Генриха III на сестре Юхана III – принцессе Елизавете Васа⁴⁹¹. С целью получения сведений как о младшей дочери Густава I (1523–1560), так и о родословной дома Васа, королева-мать в письме от 1 декабря 1574 г. приказала Данзе прислать ей необходимую для рассмотрения матримониальных планов информацию⁴⁹².

Выполняя повеление Екатерины Медичи, французский посол в Копенгагене к своей депеше, отправленной ко двору 29 января 1575 г., присовокупил «Краткое изложение того, что известно о родословной королей Швеции, которые правили в течение некоторого времени». В его рамках Данзе обратился к описанию всех членов шведской монаршей семьи, начиная с отца Густава I – Эрика Йоханссона Васа, заканчивая принцессой Елизаветой, относительно которой дипломат написал следующее: «Что касается упомянутой госпожи, то я как можно скорее наведу о ней справки, тем более что меня уверяют в ее невероятной красоте. У нее замечательный ум, великолепная грация, прекрасная фигура, весьма привлекательное сложение, и я не слышал, чтобы у нее был какой-либо изъян или что-то такое, что можно было бы поставить ей в вину. Все, кто с ней встречался, Сир, хвалят ее необыкновенную скромность, любят и высоко ценят за ее добродетели. Ей не может быть меньше двадцати лет. Она с удовольствием играет на спинете, и делает это весьма неплохо. Она также играет на лютне. Она очень добра и милостива, о чем рассказывают немецкие и датские капитаны и господа, которые были пленниками в Швеции во время последней войны и которым она оказала большую поддержку»⁴⁹³.

⁴⁹¹ Шевалье П. Генрих III... С. 422.

⁴⁹² BnF. Ms. Français 3004. Fol. 31; Lettres de Catherine de Médicis. T. V / éd. par H. de La Ferrière. Paris, 1895. P. 107.

⁴⁹³ Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck... P. 13–18.

Одновременно с этим, в январе 1575 г. с поручением вести переговоры о бракосочетании французского короля и шведской принцессы в Стокгольм был отправлен государственный секретарь Клод Пинар в сопровождении художника Николя Белона, который должен был написать портрет Елизаветы Васа⁴⁹⁴. Пинар был снабжен монаршими инструкциями и посланием Генриха III к Юхану III от 4 декабря 1574 г.⁴⁹⁵

Ход миссии государственного секретаря можно проследить по корреспонденции Данзе, который информировал французский двор о каждом этапе переговоров. Так, известно, что Пинар прибыл в Данию во второй половине января 1575 г. и 29 января отправился в Швецию. 9 февраля он был принят братом шведского короля герцогом Сёдерманландским в Нючёпинге, где встретился также с его сестрами: Сесилией Васа, вдовой Кристофа II, маркграфа Баден-Родемахерна, и Елизаветой Васа. Затем, 24 февраля, Пинар в сопровождении герцога и двух принцесс отправился в Стокгольм, где был встречен Юханом III, с которым до 1 марта вел переговоры относительно планировавшегося бракосочетания, продемонстрировав королю и Елизавете Шведской портрет Генриха III и описав его достоинства. Вскоре после этого государственный секретарь вместе с Карлом Сёдерманландским отбыл обратно в Нючёпинг, откуда 9 марта отправился в Копенгаген, где встретился с Данзе 19 марта, после чего выехал ко французскому двору⁴⁹⁶.

По всей видимости, посольству Клода Пинара удалось получить предварительное согласие шведского короля на брак Генриха III и Елизаветы Васа: в корреспонденции французского посла в Дании от марта 1575 г. можно найти просьбы прислать дальнейшие инструкции для продолжения матримониальных планов⁴⁹⁷. Однако, как известно, Генрих III принял решение разорвать готовившуюся помолвку: 15 февраля 1575 г. король, в очередной раз

⁴⁹⁴ De Thou J.-A. Histoire universelle. T. 7. Londres, 1734. P. 158.

⁴⁹⁵ Lettres de Henri III, roi de France. T. II. P. 500.

⁴⁹⁶ Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck... P. 13–23.

⁴⁹⁷ Ibid. P. 31–32.

отказавшись от альянса со Швецией, неожиданно женился на Луизе Лотарингской⁴⁹⁸.

Оглушительное фиаско франко-шведских переговоров по сей день вызывает множество вопросов у исследователей⁴⁹⁹. Возможно, ответ кроется в продолжении Генрихом III политики построения дружественных отношений с Русским государством: матримониальный альянс со Швецией однозначно интерпретировался бы Иваном IV как переход Франции в стан врагов Московского царства, что грозило обернуться для Валуа потерей выгодной торговли в Нарве, а также вторжением русских войск в пределы Речи Посполитой, корону которой Генрих III искренне надеялся сохранить, ведя переговоры с коронными сенаторами и панами-радой о передаче монаршего титула своему младшему брату – герцогу Алансонскому⁵⁰⁰.

Новость о решении французского короля не вступать в брак с Елизаветой Васа, дошедшая до Копенгагена в начале апреля 1575 г.⁵⁰¹, в очередной раз поставила Данзе в трудное положение. Дипломат вынужден был незамедлительно сообщить ее Юхану III, который, восприняв разрыв помолвки как крайнее оскорбление, фактически прекратил отношения с Валуа: с этого времени Юхан III хранил ледяное молчание и не реагировал ни на письма Генриха III, ни Данзе⁵⁰².

Последней попыткой сгладить возникшие франко-шведские противоречия можно считать посвящение шведского монарха в кавалеры французского королевского рыцарского ордена святого Михаила и попытку вручения ему золотой цепи ордена. Знаки отличия, что следует из писем Генриха III Юхану III и Шарлю де Данзе от 20 мая 1574 г., должны были быть доставлены в Стокгольм

⁴⁹⁸ Шевалье П. Генрих III... С. 421–428.

⁴⁹⁹ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 134.

⁵⁰⁰ *Lettres de Henri III, roi de France*. Т. II. Р. 155–156, 186–187.

⁵⁰¹ *La chronique de Nestor*... Р. 367–374.

⁵⁰² Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 134–137.

летом 1575 г. Роже де Сен-Лари де Бельгардом, сеньором де Термом⁵⁰³, во время его остановки в Швеции на пути в Польшу, куда маршал был отправлен с миссией согласования кандидатуры Франсуа Алансонского на роль нового польско-литовского государя⁵⁰⁴. Однако Бельгард, находившийся в конфликтных отношениях с Екатериной Медичи, выехав из Парижа, сразу бежал в свой маркизат Салуццо в Пьемонте⁵⁰⁵. По всей видимости, знаки отличия рыцарского ордена так и не были доставлены Юхану III: Генрих III в объяснительном письме от 13 февраля 1576 г. уведомил его о «болезни», сразившей французского посланника в дороге⁵⁰⁶. Так и не дождавшись золотой цепи, шведский король, пережив еще одно оскорбление от Валуа, окончательно разорвал дипломатические связи с Францией.

Наблюдая за падением авторитета «наихристианнейшего» монарха на севере и северо-востоке Европы, Данзе 12 апреля 1575 г. написал государственному секретарю Клоду Пинару «Рассуждение о датских и шведских делах», в котором представил план сохранения французского влияния в регионе⁵⁰⁷. Дипломат рекомендовал сделать новое матримониальное предложение Юхану III, заключающееся в женитьбе Франсуа де Валуа на Елизавете Васа. В качестве приданного за сестру у шведского монарха стоило

⁵⁰³ Роже де Сен-Лари де Бельгард, сеньор де Терм (ок. 1522–1579) – известный капитан и придворный. Во время осады Ла-Рошели в 1573 г. стал свитским дворянином герцога Анжуйского, которого затем сопровождал в Польшу: Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 544.

⁵⁰⁴ *Lettres de Henri III, roi de France*. Т. II. P. 155–156.

⁵⁰⁵ Pinard M. *Chronologie historique-militaire*. Т. II. Paris, 1760. P. 327–328.

⁵⁰⁶ *Lettres de Henri III, roi de France*. Т. II. P. 378.

⁵⁰⁷ Данный источник был известен исследователям, однако так и не получил должного внимания. Зачастую, историки лишь упоминали о нем, иногда обращаясь к пересказу некоторых его положений: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 621–626; Richard A. *Un diplomate poitevin du XVIe siècle...* P. 118; Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. С. 27–29; Kirchner W. *Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650)*. P. 170–171; Jeannin P. *L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe*. P. 26; Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. 1. С. 4–6; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 441; Daussy H. *Un diplomate huguenot au service de la couronne de France...* С. 213; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 157–163; Шишкин В. В. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 3. С. 944.

запросить его часть Ливонии вместе с Ревелем, из которого впоследствии имело бы смысл сделать главный пункт торговли с Русским государством, что должно было привести к обогащению французской казны. Затем Генриху III как королю Речи Посполитой следовало выступить в роли протектора Ливонии⁵⁰⁸, передав польско-литовскую часть также в руки своего младшего брата, обеспечив его вместе с тем титулом великого герцога. Убедить шведского короля, польских сенаторов и литовских панов надлежало обещанием денежной и военной помощи для борьбы с Московским царством⁵⁰⁹. Интересно, что Данзе с весны 1570 г. пристально следил за русским проектом создания Ливонского королевства во главе с Магнусом Голштинским⁵¹⁰. Черпал ли французский посол свои идеи, исходя из наблюдений за действиями московской дипломатии, остается неизвестным, однако проект создания вассального государства в том и другом случае имел схожую феодальную модель: планировалось собрать несколько лифляндских земель вместе, объединив их под скипетром одного правителя, принесшего ленную присягу своему сюзерену⁵¹¹.

Обрисовав ливонскую часть проекта, Данзе в следующем фрагменте «Рассуждения» вернулся к планам получения домом Валуа шведской и польско-литовской корон. Посол предположил, что в случае укрепления позиций Франсуа де Валуа, как великого герцога Ливонского, его кандидатура на роль короля Речи Посполитой могла бы быть с легкостью принята Коронным Сенатом и Панами-радой. В то же время, если внутренняя нестабильность Шведского королевства обернулась бы свержением Юхана III, то Риксрод предпочел бы избрать на престол мужа Елизаветы Васа, нежели любого другого иностранного принца. Датские сословия, в свою очередь, увидев объединение Швеции, Ливонии и Речи Посполитой под одним скипетром французского принца, также

⁵⁰⁸ Польско-литовские монархи объясняли свои притязания на ливонские земли статусом протекторов: Бессуднов Д. А. *Protectores et conservatores...* С. 7–8. Известно, что Валуа, благодаря письмам Данзе, знали об этом: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 125–129.

⁵⁰⁹ *Correspondance de Charles Dantzaï, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 45–85.

⁵¹⁰ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 88–91.

⁵¹¹ О феодальном характере русского проекта создания Ливонского королевства см.: Филюшкин А. И. *Изобретая первую войну России и Европы...* С. 169.

бы предпочли вступить в столь сильную унию, воспользовавшись всеми благами совместного контроля за балтийской торговлей⁵¹². Свое «Рассуждение» Данзе завершил следующими словами: «Благодаря этому предприятию владыка Ливонии может надеяться стать в один прекрасный день королем Польши, Швеции и Дании по их доброй воле и согласию, если он покажет себя сторонником справедливости и правосудия, а также добьется всеобщего одобрения посредством своих добродетелей, чего и следует ожидать от французского принца. Господь по Своей милости соизволит довести все это к вящей славе Своей, чести Короля, пользе его подданных и успокоению всего христианства. Аминь»⁵¹³.

Следует добавить, что посол в Копенгагене видел в реализации представленного проекта решение не только внешнеполитических проблем, но и возможность уладить противоречия внутри Французского королевства. Так, Данзе призвал прекратить гражданские распри, позволив солдатам и наемникам отправиться в Ливонию для защиты этой земли от русской армии. Согласно мысли автора, они не преминут воспользоваться таким шансом по двум причинам. Во-первых, «нет более такого дела, где бы они могли себя проявить наилучшим образом к вящей славе всего христианства, кроме как выступление против московитов». Во-вторых, когда солдаты завоевали бы всю Ливонию, «они были бы рады остаться здесь», узнав о плодородии этой страны и сколь быстро возможно здесь обогатиться за счет торговли местными товарами⁵¹⁴. Таким образом, дипломат видел в ливонском предприятии способ завершить религиозное противостояние на своей родине, переключив силы противоборствующих сторон на далекие земли, являвшиеся «форпостом» *res publica christiana* на северо-востоке Европы.

Наконец, план Данзе был направлен на разрешение династических проблем внутри дома Валуа. В последней части своего «Рассуждения» он описал

⁵¹² Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck... P. 77–79.

⁵¹³ Ibid. P. 82–83.

⁵¹⁴ Ibid. P. 79–81.

весьма проницательный и дальновидный план, который в дальнейшем во многом воплотился, однако не на землях Ливонии, а в провинциях Нидерландов: «Говорят, что между Королем и его братом Монсеньером⁵¹⁵ существует некая вражда, и те, кто ее породил, усиливают ее своими домыслами, как только могут. Я не сомневаюсь ни в благоразумии и милосердии Короля, ни в повиновении и преданности Монсеньера Его Величеству. Тем не менее было бы правильно старательно избегать любых бед и несчастий, которые могут произойти. Если кто-то опасается или подозревает другого и надеется положить этому конец добрыми и честными средствами, он воспользуется ими, а не насильственными и разрушительными методами. Если этот брак состоится⁵¹⁶, Вы увидите, чего можно ожидать и на что можно надеяться как в Польше, так и в других странах, даже несмотря на то, что поляки настроены против Короля. Потребуется некоторое время, чтобы устроить дела в Ливонии, но у Короля могут появиться дети, что вызовет еще большее раздражение Монсеньера, который с радостью воспользуется возможностью покинуть Францию»⁵¹⁷. Неизвестно, знал ли герцог Алансонский о проекте дипломата, но схожий сценарий в дальнейшем был применен Франсуа де Валуа в Соединенных провинциях во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг. Младший брат короля действительно покинул Францию, чтобы стать сувереном другого государства – герцогом Брабантским, Гельдернским, Лимбургским и графом Фландрским⁵¹⁸.

По всей видимости, ливонский проект Данзе был проигнорирован прагматичным политиком Генрихом III. Все более ухудшавшиеся отношения со Швецией и Данией, окончательная потеря влияния в Речи Посполитой, планы женитьбы Франсуа Алансонского на Елизавете I Английской, а также новый виток гражданской войны во Франции, не позволили «наихристианнейшему»

⁵¹⁵ Франсуа де Валуа.

⁵¹⁶ Брак между Франсуа де Валуа и Елизаветой Васа.

⁵¹⁷ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 83–85.

⁵¹⁸ РГБ. ОР. Ф. 68. № 370.9. Подробнее о нидерландском предприятии Франсуа де Валуа см.: Duquenne F. *L'entreprise du Duc d'Anjou aux Pays-Bas de 1580 à 1584: les responsabilités d'un échec à partager.* Villeneuve-d'Ascq, 1998. 296 p.

монарху строить планы относительно инкорпорации Ливонии и ее спасения от «московитской угрозы». Наоборот, французский король вновь обратился к сбору подробных сведений о международном положении Русского государства, рассчитывая сохранить с ним мирные отношения по причине важности северной торговли для казны⁵¹⁹. Более того, налаживание дружеских связей с Московским царством осталось единственным шансом для французского короля сохранить влияние на северо-востоке Европы⁵²⁰. Короткий период первой половины 1570-х гг., когда держава Ивана IV воспринималась Валуа и их дипломатическими представителями как оппонент во внешней политике, завершился зимой-весной 1575 г., когда Генрих III после своей коронации окончательно принял бразды правления в свои руки.

§ 3. Русско-французская торговля на Балтике в первой половине 1570-х гг.

Завершение Северной семилетней войны, способствовавшее росту авторитета дома Валуа на севере и северо-востоке Европы, не преминуло сказаться на французском торговом трафике на Балтике. Благодарность за посредничество на мирных переговорах с надеждой на создание благоприятных условий развития «северной коммерции» Карлу IX выразили в своих посланиях датский, шведский и польско-литовский монархи⁵²¹. О теплом отношении любекского магистрата свидетельствовал Данзе, ведший в 1567–1572 гг. переговоры о создании ганзейской фактории в одном из бретонских или нормандских городов⁵²². Главным достижением французской дипломатии на Штеттинском конгрессе, очевидно, стали шведско-датско-любекские соглашения, согласно которым Юхан III признал свободу «нарвского плавания»

⁵¹⁹ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 133–142

⁵²⁰ Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 114–118.

⁵²¹ Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 1485–1498; Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 901–917.

⁵²² Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 108–111, 130–136.

при условии отсутствия у плывущих в русскую Ливонию негоциантов контрабандных товаров (главным образом, оружия и боеприпасов)⁵²³.

Интерес французского купечества к возможности закрепиться на московском рынке, основанный на данных договоренностях и донесениях Данзе о датско-шведских планах по ведению совместной антипиратской политики⁵²⁴, значительно возрос. В скором времени это привело к увеличению количества дьеппских, руанских, ларошельских и лилльских торговых судов на Балтике, многие из которых, воспользовавшись ослаблением польского и шведского флотов, плыли в русскую Нарву⁵²⁵.

Решив воспользоваться благоприятными условиями развития «северной коммерции», Карл IX и Екатерина Медичи, желая увеличить денежные поступления в королевскую казну перед началом открытого противостояния с испанской монархией, решили выработать план действий, нацеленный на сохранение, а в дальнейшем – расширение французского торгового присутствия на севере и северо-востоке Европы. Разработка проекта была поручена Данзе, который сформулировал его основные положения в письме королю от 15 июля 1571 г. Посол, заострив внимание на перспективах русско-французской коммерции, предложил создать единую коронную компанию, начать освоение северного торгового маршрута, ведущего в Беломорье, а также отправить посольство к московскому государю для установления дипломатических отношений и получения привилегий для французских негоциантов: «Поскольку Ваше Величество желает сохранить торговлю с Россией из-за поистине больших выгод, которые она приносит как в целом Вашему королевству, так и подданным, я скажу Вам, каким мне видится нынешнее положение. Так как в настоящее время торговля с Россией проходит в двух местах, а именно на востоке и на

⁵²³ Lavery J. *Germany's Northern Challenge...* P. 132.

⁵²⁴ В депеше королю от 2 апреля 1571 г. французский дипломат отмечал: «Представители королей Дании и Швеции, встретившись на границе, предложили, дабы сделать Восточное море безопасным и свободным от пиратов, чтобы оба короля держали на этом море шесть военных судов столь долго, сколько это будет необходимо»: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 120–124; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 351.

⁵²⁵ Jeannin P. *L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe.* P. 26.

севере, мне кажется, Сир, что для лучшего ее обеспечения Вашим подданным нужны две вещи. Во-первых, чтобы Ваше Величество сооблаговолили направить посольство к императору России, дабы приобрести как на востоке, так и на севере те же привилегии, что имеются у англичан, или испросить других, более обширных, таких, какие Ваше Величество сочтет необходимыми <...>. [Кроме того], Ваше Величество может легко достигнуть [единства среди французских купцов], если запретит кому-либо торговать с русскими без Вашего позволения или дозволения особого человека, которого Вы назначите. Предусмотреть все необходимое для безопасной торговли очень легко: главное, чтобы несколько состоятельных людей были избраны общим согласием купцов, и чтобы они постоянно жили [в Нарве и на севере России], заботясь об общей пользе, как это делают купцы из других стран, а также сообщали Вашему Величеству правду обо всех происшествиях, что могут там произойти, помешать или повредить торговле <...>. В противном случае я предвижу, что Ваши подданные будут в скором времени лишены этой торговли, которая, к негодованию всех соседних правителей, столь выгодна»⁵²⁶.

Если закрепление французских негодантов в русской Ливонии и на севере Московского царства вкупе с отправлением посольства ко двору Ивана IV Данзе считал задачами, которые могли быть выполнены в ближайшее время без особых трудностей⁵²⁷, то идея создания единой организации, которая смогла бы объединить французских купцов, его сильно беспокоила. Дипломат отмечал: «Нормандцы завидуют тому, что бретонцы и их соседи торгуют [в России], и все

⁵²⁶ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 130–136; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 176, 359.

⁵²⁷ Послание французского короля русскому царю могло быть отправлено с помощью того или иного купца, плывущего в Нарву. Известно, что подданные Карла IX не раз использовались как им самим, так и монархами Дании, Швеции и Польши в качестве гонцов. Так, послание французского короля Сигизмунду II от весны 1568 г. было доставлено негодантом из Ньора Жаком Гуврие, а послание Эрику XIV – парижским торговцем Франсуа Ле Бре. Более того, французские купцы доставляли послания русскому царю: весной 1571 г. с письмами Фредерика II к Ивану IV и Магнусу Голштинскому в Нарву отправился парижский негодант Жан Моро (Людовиг Морриан): *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 47, 134; Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 1485–1498; Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа... С. 901–917.

они не могут выносить ни парижан, ни жителей других городов, расположенных на Средиземном море. Мне довелось иметь с ними большие трудности из-за подобных разногласий. Когда им предлагают мудрые средства, которыми пользуются в чужеземных странах для безопасности и удобства торговли немцы, англичане, голландцы и другие нации, они их очень хвалят, признавая весьма полезными и необходимыми, но заставить их действовать подобным образом нет надежды, Сир, разве что, если Вы отдадите приказ, воспользовавшись своей властью»⁵²⁸.

Впрочем, несмотря на дезорганизованность французских негоциантов, балтийская торговля с Русским государством в начале 1570-х гг. для них успешно развивалась. Шведское королевство, заметно ослабевшее после Северной семилетней войны и навязанных ему тяжелых штеттинских договоренностей⁵²⁹, не могло активно препятствовать «нарвскому плаванию». Юхан III, заинтересованный к тому же в развитии шведско-французской коммерции⁵³⁰, был вынужден прислушиваться к увещаниям Карла IX, что морская блокада портовых городов русской Ливонии «прямо противоречит всем давним договоренностям» между двумя королевствами⁵³¹. В то же время значительно ослаб польский каперский флот⁵³², что было связано, очевидно, как

⁵²⁸ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 360–361. Как известно, предложения Данзе, будучи услышанными французским двором, так и остались нереализованными вплоть до вступления на трон Генриха III: после событий Варфоломеевской ночи в королевстве началось новое гражданское противостояние, завершившееся летом 1573 г. очередным временным миром, менее чем через год после которого от туберкулеза скончался Карл IX.

⁵²⁹ Юхан III, помимо признания свободы «нарвского плавания», был вынужден заплатить выкуп в размере 150 000 талеров за возвращение Эльвсборга, отказаться от церковной юрисдикции над Емтландом, согласиться на использование Фредериком II герба с тремя коронами, а также уступить свои ливонские владения за исключением Ревеля и окрестностей Вайсенштайна императору Максимилиану II: Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 131.

⁵³⁰ В мае 1572 г. были возобновлены шведско-французские договоренности о свободной торговле, заключенные 1 июля 1542 г., но прекращавшие свое действие во время Северной семилетней войны: Maillefer J. M. Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans... P. 104–105.

⁵³¹ Delavaud L. Les Français dans le Nord... P. 85.

⁵³² Несмотря на это, единичные захваты торговых судов французских негоциантов продолжались. В 1571–1572 гг. Карл IX отправил Сигизмунду II по меньшей мере три послания, в которых просил прекратить нападения и возместить купцам их затраты. Однако

с тяжелыми для Сигизмунда II последствиями русско-литовской войны 1561–1570 гг., обескровившей королевскую и великокняжескую казну⁵³³, так и с действиями капитанов датского флота, захватывавших по поручению Фредерика II флибустьеров Ягеллона⁵³⁴. В результате этого при европейских монарших дворах в 1570–1572 гг. начали возлагать большие надежды на скорое замирение Балтийского моря и его превращение из «*mare clausum*», которым оно было более десяти лет, в «*mare liberum*»⁵³⁵.

Показательно, что события Варфоломеевской ночи, несмотря на негативное отношение к парижской резне датского короля, немецких князей, польских сенаторов, литовских панов и московского государя, не оказали большого влияния на развитие французской торговли в Балтийском регионе: все стороны предпочли сохранить обоюдовыгодные контакты, не смешивая религиозно-политические и коммерческие вопросы. Избрание Генриха Анжуйского монархом Речи Посполитой также не затронуло экономических интересов держав севера и северо-востока Европы: как Фредерик II продолжил пропускать французских негодантов через свои территориальные воды, так и

польско-литовский государь в ответных письмах от 8 июня 1571 г., от 16 и 25 января 1572 г. традиционно ссылаясь на запрет «нарвского плаванья», возлагая всю вину на самих французских торговцев, нарушавших его постановления: *Akta podkanclerskie Franciszka Krasińskiego, 1569–1573 / pod red. W. H. Krasińskiego, W. Chometowskiego. Warszawa, 1871. S. 58–61, 62–63, 63–64, 291–293, 297–298.*

⁵³³ Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. С. 220–289.

⁵³⁴ В депеше королю от 1 сентября 1571 г. Данзе писал: «Флибустьеры, которые имеются на этом Восточном море у короля Польши, продолжая грабить купцов, торгующих с Нарвой, захватили три месяца назад два датских корабля, груженных товарами, с которыми они вернулись из Нарвы. По этой причине король Дании отправил семь или восемь военных кораблей, чтобы найти этих флибустьеров, и три из них были захвачены <...>, спустя несколько дней тридцать три пирата были обезглавлены, а их капитаны четвертованы. Другие, кто находился на этих кораблях, увидев приближение датских судов, частью спаслись вплавь, частью ушли на маленьких кораблях. Как-то раз три небольших флибустьерских корабля решили напасть на группу торговых судов, возвращавшихся из Нарвы, среди которых было четыре или пять французских кораблей, один из которых, из Дьеппа, выступал в роли адмиральского. Они внезапно окружили эти три флибустьерских корабля, потопили их и убили большинство людей, которые на них находились. [Таким образом], <...> у короля Польши нет больших сил на море <...>»: Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 368.

⁵³⁵ Подробнее о борьбе идей «*mare clausum*» и «*mare liberum*», а также о понятиях «морского суверенитета» и «территориализации» морей в раннее Новое время см.: Тешке Б. Миф о 1648 годе... С. 291.

Иван IV, несмотря на опасения, высказанные Данзе в депеше Карлу IX от 5 июня 1573 г, не стал арестовывать французских купцов и конфисковывать их товары в Нарве. В 1574 г., согласно данным датской таможни, Эресуннский пролив пересекло семьдесят четыре французских торговых судна⁵³⁶, часть из которых, надо полагать, держала курс на русскую Ливонию⁵³⁷. Препятствия на пути подданных дома Валуа начали резко возрастать лишь на следующий год, когда Юхан III разорвал дипломатические отношения с «наихристианнейшей» монархией, а она не признала Стефана Батория польско-литовским государем. Немногочисленные в первой половине 1570-х гг. захваты французских торговых судов шведскими и польскими военными кораблями стали учащаться после 1575 г. Вместе с потерей дипломатических и династических контактов, обеспечивавших рост, а затем сохранение влияния Валуа на севере и северо-востоке Европы в 1558–1574 гг., французская корона постепенно утрачивала коммерческий потенциал в регионе, превращаясь в аутсайдера «балтийского мира».

⁵³⁶ Показательно, что это самый высокий показатель французского торгового трафика на Балтике за период 1560–1587 гг.: Jeannin P. L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe. P. 26. Известно, что осенью 1574 г. на море разыгралась буря, значительно ослабившая шведский военный флот: надо полагать, многие европейские негоданты, воспользовавшись этим, все-таки сумели достигнуть Нарвы и отправиться обратно с приобретенными в русский Ливонии товарами: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 646

⁵³⁷ Рябов С. М. Русско-французская торговля на Балтике в условиях шведской блокады «нарвского плавания» в 1570-е годы // *RussianStudiesHu*. 2024. Vol. 6. № 1. P. 47–67.

Глава III. Русско-французские контакты в годы Московской войны

Начало второй половины 1570-х гг. стало своеобразным рубежом, ознаменовавшим существенные перемены, происходившие на севере и северо-востоке Европы с середины XVI в. Балтийские войны, продолжавшиеся уже двадцать лет⁵³⁸, значительно изменили геополитическую обстановку в регионе, что не преминуло сказаться на позициях как главных игроков борьбы за «ливонское наследство», так и опосредованных ее участников. Если Русское государство, невзирая на опричную политику и разрушительные последствия крымских набегов первой половины 1570-х гг.⁵³⁹, сохраняло сильные позиции в прибалтийских землях, то его основные оппоненты – Речь Посполитая и Шведское королевство – пребывали в состоянии затяжного кризиса, рискуя стать жертвами очередной «московитской агрессии» и потерять свои владения в Лифляндии и Эстляндии. Датская корона, несмотря на благоприятные для нее итоги Северной семилетней войны, так и не смогла добиться от шведской стороны выполнения условий Штеттинского мира, фактически очутившись на задворках ливонского противостояния⁵⁴⁰. На неудачу оказались обречены попытки Священной Римской империи возродить влияние в «балтийском мире»: основные участники конфликта на севере и северо-востоке Европы не были заинтересованы в посредничестве германских Габсбургов⁵⁴¹, а дипломатические проекты венского двора, направленные на раздел Речи Посполитой в ходе второго «бескоролья»⁵⁴² и создание антиосманской коалиции с привлечением

⁵³⁸ Исходной точкой Балтийских войн можно считать начало первой русско-шведской войны 1555–1557 гг.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 9; Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны... С. 14.

⁵³⁹ Подробнее о военно-политической конфронтации Русского государства и Крымского ханства в первой половине 1570-х гг. см.: Виноградов А. В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х гг. XVI века. Ч. II. М., 2007. С. 112–277.

⁵⁴⁰ Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 141; Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause... P. 137–138.

⁵⁴¹ Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 124–144.

⁵⁴² Бачинский А. А. Ерусалимский К. Ю. Козляков В. Н., Шварц И. Проект раздела Речи Посполитой между Россией и Священной Римской империей: Краковский столбец начала 1576 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 135–166.

Московского царства⁵⁴³, потерпели фиаско. Пожалуй, наиболее существенно изменилось положение Французского королевства, которое, предприняв в первой половине 1570-х гг. ряд безуспешных попыток стать частью «балтийского мира», окончательно утратило завоеванные ранее позиции, превратившись по большей части в пассивного наблюдателя, созерцавшего стремительно изменяющуюся геополитическую обстановку.

Тем не менее, интерес к событиям на севере и северо-востоке Европы, сохранявшийся при дворе Валуа, обусловил повышенное внимание французских дипломатических представителей к действиям Русского государства после завершения второго «бескоролья» в Речи Посполитой и новому витку ливонского противостояния, выразившемуся в Московской войне 1577–1581 гг.⁵⁴⁴ и русско-шведском конфликте 1578–1583 гг.⁵⁴⁵ Настоящая глава, затрагивая проблемы развития французского торгового трафика на Балтике и анализируя посольские донесения второй половины 1570-х – начала 1580-х гг., особое внимание уделяет свидетельствам о царских миссиях в Рим 1581–1582 гг. Полученные различными религиозно-политическими партиями⁵⁴⁶ известия условно разбиваются на три составляющих. К первой относится дипломатическая корреспонденция французских послов, в Венеции – Арно Дю Феррье, в Риме – архиепископа Тулузского Поля де Фуа и в Копенгагене – Шарля де Данзе, в которой отражены позиции дипломатических резидентов, а также их

⁵⁴³ Магилина И. В. Антитурецкая коалиция как инструмент восточной политики Московского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 72–73.

⁵⁴⁴ О датировке «Баториевой» или Московской войны см.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 9; Виноградов А. В. Внутриполитическое и внешнеполитическое положение Речи Посполитой в статейных списках русских посольств в последние годы ливонской войны // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 34.

⁵⁴⁵ Вторая русско-шведская война.

⁵⁴⁶ Несмотря на то, что реакция гугенотов и умеренных католиков на русско-папские переговоры 1581–1582 гг. остается неизвестной, Генрих Наваррский и Франсуа де Валуа, очевидно, знали о них, получая сведения от Данзе, состоявшего с ними в активной переписке: *Mémoires et correspondance de Duplessis-Mornay*. Т. II / publ. par A.-D. de La Fontenelle de Vaudoré, P.-R. Auguis. Paris, 1824. P. 100–109, 110–118, 148–151; Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I. С. 20, 29.

взгляды на переговоры русской и папской сторон. Вторая состоит из одного сочинения – печатного «летучего листка», изданного в Лионе приверженцем Католической Лиги Жаном Патрассоном и специально посвященного русскому посольству в Рим 1581 г. Третья представляет собой первое французское официальное периодическое печатное издание «Французский Меркурий», выпущенное Жаном Рише в 1611 г. и поведавшее своим читателям о посольствах московского государя в рамках обобщающего нарратива, посвященного истории Русского государства и его отношениям с европейскими странами. Официальные дипломатические донесения сравниваются с весьма колоритным взглядом на державу Ивана IV представителей Католической Лиги, ставшей к концу 1570-х гг. самостоятельным субъектом политической полемики под предводительством властного клана Гизов⁵⁴⁷, а также с ретроспективным рассмотрением событий 1581 г. противниками усиления контрреформационных позиций в Европе накануне Тридцатилетней войны⁵⁴⁸.

§ 1. Французские известия о Русском государстве и польско-шведском реванше в Ливонии

К середине 1570-х гг. влияние французского королевского двора на севере и северо-востоке Европы было окончательно подорвано: последствия конфликта с Фредериком II не позволяли рассчитывать на поддержание давних союзных контактов с Данией⁵⁴⁹, разрыв дипломатических отношений Юханом III

⁵⁴⁷ Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке... С. 270.

⁵⁴⁸ Стоит отметить, что русская сторона также внимательно следила за событиями, разворачивавшимися во Французском королевстве и его действиями на международной арене. Донесения московских дипломатов начала 1580-х гг., касавшиеся политики династии Валуа, не раз рассматривались исследователями: Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I. С. 201–203; Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков... С. 182–186. Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 137–138

⁵⁴⁹ В начале 1576 г. Фредерик II одобрительно отнесся к вторжению Иоганна-Казимира Баварского, женатого на его племяннице Елизавете Саксонской, в Бургундию во время Пятой Религиозной войны (1574–1576), когда наемное войско в количестве двадцати пяти тысяч человек в декабре 1575 г. было отправлено на помощь восставшим гугенотам. В одном из

уничтожил шансы на сохранение мирного сотрудничества со Швецией⁵⁵⁰, а избрание Стефана Батория польско-литовским государем, не признанное Генрихом III⁵⁵¹, разрушило последние надежды на продолжение активной политики в «балтийском мире»⁵⁵². Единственной возможностью дома Валуа

писем датский король даже пригласил немецкого князя в Копенгаген для обсуждения возможной поддержки: Lockhart P. D. *Frederik II and the Protestant Cause...* P. 132–133; Holt M. P. *The Duke of Anjou and the Politique Struggle during the Wars of Religion...* P. 60–69; Давила Э. К. *История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 309.* Неприязнь Ольденбурга к дому Валуа усилилась после того, как в декабре 1576 г. французский монарх, желавший лишить клан Гизов растущего влияния, объявил себя главой Католической Лиги: Шевалье П. *Генрих III...* С. 505. Кроме того, надо полагать, выстроенный Генрихом III во второй половине 1570-х гг. образ жизни, в котором большое место занимали посещения проповедей и процессий, общение с капуцинами и иезуитами, ношение власяниц и исполнение епитимий, еще больше отторгнул Фредерика II, считавшего, что после Варфоломеевской ночи французский двор стал ключевой частью «панъевропейского заговора папистов»: Давила Э. К. *История Гражданских войн во Франции. Т. I. С. 411–412; Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause...* P. 109–116.

⁵⁵⁰ Кардинальное изменение политики шведского двора стало в полной мере очевидно для дома Валуа в 1576 г., когда Юхан III инициировал начало переговоров с Филиппом II, предложив помощь своего флота для подавления восстания в Нидерландах. Взамен монарх запросил у «католического короля» денежной поддержки для оплаты гарнизонов ливонских крепостей. Несмотря на то, что предложение шведского государя было отклонено Габсбургом, опасавшимся начала конфликта с Фредериком II и нарушения Штеттинского мирного договора, по которому ряд прибалтийских замков, захваченных в ходе Северной семилетней войны Эриком XIV, отошел датской короне, трансформация международного положения державы Юхана III в европейском пространстве наглядно продемонстрировала фактическую невозможность бесконфликтного существования шведско-французских отношений: Hildebrand K. *Johan III och Europas katolska makter 1568–1580.* Uppsala, 1898. S. 284–286; Kirby D. *Northern Europe in the Early Modern Period...* P. 115; Lockhart P. D. *Frederik II and the Protestant Cause...* P. 128.

⁵⁵¹ Известно, что Генрих III до конца своих дней не отрекался от титула польско-литовского государя. Во французской дипломатической корреспонденции Стефан Баторий именовался не иначе как «Трансильванец» или «тем, кого называют королем Польши»: Champion P. *Henri III, roi de Pologne...* P. 293.

⁵⁵² Показательно, что начиная со второй половины 1570-х гг. финансовое положение Шарля де Данзе как главного представителя французской короны на севере и северо-востоке Европы начало быстро ухудшаться: почти в каждом письме посол просил короля и королеву-мать оказать ему денежную поддержку. В отчете Генриху III от 20 апреля 1575 г. он писал: «В настоящее время я стал еще беднее, чем в первый день моего прибытия [в Данию], и поэтому, Сир, я покорно прошу Ваше Величество оказать мне милость и приказать выплатить то, что мне полагается и что столь часто обещалось, ибо без этих средств, уверяю Вас, Сир, я даже не могу покинуть [своей резиденции] без постоянного унижения. Я занял и задолжал необходимую сумму, чтобы выполнять обязанности моей службы, и убежден, что Ваше Величество не допустит, чтобы в качестве вознаграждения за мои труды я был бы лишен того, что мне причитается, и чтобы за то, что всегда добросовестно исполнял, я получил столь великий позор и бесчестие»: *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 89. Королевский двор, однако, все более погружаясь в пучину гражданских противостояний, раз за разом отделялся обещаниями и заверениями в скорых выплатах. Перестав получать и без того скудное по сравнению с другими дипломатическими

сохранить позиции в регионе являлось налаживание более тесных связей с Московским царством, международное положение которого стало главным сюжетом дипломатической корреспонденции французского короля с его резидентом в датской столице в 1575–1581 гг.

В депеше монарху от 1 июля 1575 г. Данзе сообщил об отправке из Копенгагена в Великий Новгород посольства во главе с Элиасом Айзенбергом⁵⁵³, которое должно было добиться от Ивана IV согласия на передачу датской короне ряда шведских крепостей в Ливонии⁵⁵⁴, отметив также, что посланник Ольденбурга обязался уладить противоречия с русским государем, возникшие после Штеттинского мирного конгресса и ареста датских негодантов в Нарве⁵⁵⁵. Кроме того, в том же письме Данзе уведомил Генриха III о захвате кораблями шведского флота торгового судна «Licorne», принадлежавшего дьеппцу Жаку Граву. Дипломат просил короля поспособствовать освобождению купца и

резидентами годовое жалование в размере пяти тысяч ливров (так, например, жалование французского посла в Мадриде в 1578–1582 гг. Жана де Вивонна, маркиза де Пизани, составляло восемнадцать тысяч ливров), Данзе вынужден был брать деньги в долг у негодантов и различных знакомых. В дальнейшем, в 1580-е гг., его имущество будет не раз арестовываться, и лишь дружеское посредничество Фредерика II позволит ему вплоть до своей смерти в 1589 г. избегать более серьезных финансовых проблем: Desan Ph. *Montaigne. A Life*. Princeton, 2017. P. 334–339; Richard A. *Un diplomate poitevin du XVIe siècle...* P. 176–179.

⁵⁵³ Айзенберг прибыл в Великий Новгород в мае 1575 г. Помимо основной миссии, посол должен был предложить Ивану IV посредничество датского короля для заключения русско-шведского мира, переговоры о котором велись в первой половине года: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 648–652; Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. № 243, 244, 247.

⁵⁵⁴ Согласно Штеттинскому мирному договору 1570 г. и соглашениям между Фредериком II и Юханом III, заключенным в 1575 г., ливонские вицские крепости, в частности Гапсаль, Леаль и Лоде, перешли в непосредственное подчинение датской короны: Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. № 228; Lavery J. *Germany's Northern Challenge...* P. 139–143.

⁵⁵⁵ Разногласия между Иваном IV и Фредериком II возникли сразу после завершения Северной семилетней войны, обострившись в 1574–1575 гг. Русский государь был недоволен тем, что на Штеттинском мирном конгрессе Ливонию без его ведома разделили между собой Дания, Швеция и Речь Посполитая. В своих посланиях к Ольденбургу царь раз за разом обвинял его в оказании помощи Юхану III и нарушении договора 1562 г., отказываясь одобрить передачу вицских крепостей: РИБ. Т. 16. С. 97–98, 113–118; Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. № 211, 233, 238, 245, 248, 260, 263, 264; Виноградов А. В. Русское государство в системе межгосударственных договоров в 70-х – начале 80-х гг. XVI в. // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / под ред. И. С. Рыбаченка. М.; СПб., 2015. С. 16.

добиться возвращения его товаров⁵⁵⁶. Известно, что по трагической случайности, по причине закрытия пути через Ригу, на французский корабль в Нарве, о чем также не преминул сообщить Данзе, село посольство Ивана IV к Максимилиану II в составе сына боярского Никона Ушакова и толмача Федора Филиппова⁵⁵⁷, переодетых в «немецкое платье»⁵⁵⁸. Их сопровождали отпущенные из Москвы дипломатические представители Габсбурга: Григорий Вестфалус и сын Магнуса Паулюса – Лукас⁵⁵⁹. Если подданных французского короля и императора, вероятно благодаря ходатайству того же Данзе, шведы довольно быстро освободили⁵⁶⁰, то судьба Никона Ушакова и Федора Филиппова оставляла желать лучшего. Просидев в заключении в Финляндии, а затем в Вестеросском замке более года, толмач, после получения в Стокгольме прошений из Вены и протестного послания из Москвы, летом 1576 г. вернулся в Русское государство, но Никон Ушаков, по-видимому, скончался: после 1576 г. сведения о нем исчезают⁵⁶¹.

В последующих письмах, отправленных королю и королеве-матери летом-осенью 1575 г., Данзе подтвердил рост напряжения между датским монархом и московским государем из-за разногласий, касавшихся ливонских земель, уведомив их также о заключении двухлетнего русско-шведского перемирия,

⁵⁵⁶ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 100–104; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 164, 375.

⁵⁵⁷ Стоит отметить, что в наказе Ушакову, помимо прочего, присутствовало царское повеление разузнать о военной мощи и финансовых возможностях дома Валуа. Кроме того, дипломат должен был разведать, продолжается ли во Французском королевстве гражданское противостояние, и в каких отношениях пребывают Генрих III и Максимилиан II: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков... С. 178.

⁵⁵⁸ Очевидно, данное обстоятельство указывает на секретность миссии Ивана IV: Ушаков вез царское послание от 10 января 1575 г., в котором обговаривалась координация действий в случае избрания польско-литовским государем Федора Иоанновича или эрцгерцога Эрнеста Габсбурга с целью не допустить на престол Речи Посполитой Стефана Батория: ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 250–259.

⁵⁵⁹ Сам Магнус Паулюс предпочел отправиться домой по суше: Там же. С. 259.

⁵⁶⁰ Французский корабль был освобожден вместе с командой тогда же, в июле 1575 г., как и дипломатические представители императора: Ерусалимский К. Ю., Шварц И. Миссия Ждана Квашнина в Священной Римской империи: к истории российско-имперских отношений XVI века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 1. С. 78.

⁵⁶¹ ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 259.

касавшегося прекращения боевых действий в Финляндии⁵⁶². В посланиях, написанных в 1576–1579 гг., дипломат поведал Генриху III и Екатерине Медичи об избрании Стефана Батория польско-литовским государем и политическом кризисе в Речи Посполитой, вызванном поддержкой прусскими сенаторами и частью шляхты кандидатуры Максимилиана II⁵⁶³: посол, изложив ход данцигского восстания⁵⁶⁴, выразил опасения насчет возможной датско-польской войны⁵⁶⁵. Кроме того, дипломат подробно описал царский поход в прибалтийские земли 1577 г.⁵⁶⁶, отметив, что в результате него «Московит подчинил себе большую часть Ливонии»⁵⁶⁷.

В 1580–1581 гг. Данзе продолжил внимательно следить за геополитическими изменениями в Балтийском регионе, связанными в первую

⁵⁶² *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 105–116; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 377–379. Вероятно, французский посол имел в виду русско-шведские переговоры, проходившие на границе двух держав в первой половине 1575 г., которые, как известно, несмотря на предварительные договоренности о заключении перемирия до лета 1577 г., ни к чему не привели: СИРИО. Т. 129. С. 122–123, 299–300, 304–306, 318–319, 346–347, 348–349; Виноградов А. В. Русское государство в системе межгосударственных договоров... С. 22–23.

⁵⁶³ BnF. Ms. Français 3304. Fol. 16v; *Lettres de Henri III, roi de France*. Т. III / rec. par P. Champion; pub. par M. François. Paris, 1972. P. 218.

⁵⁶⁴ Данциг, поддержавший кандидатуру императора, восстал против Стефана Батория в 1575 г. Несмотря на смерть Максимилиана II в октябре 1576 г. противостояние города с новым польско-литовским государем продлилось до декабря 1577 г.: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 628–645.

⁵⁶⁵ Известно, что Фредерик II оказывал денежную и военную поддержку данцигскому восстанию, игнорируя просьбы Стефана Батория прекратить вмешательство датской короны во внутренние дела Речи Посполитой: EFE. Т. XX. *Res Polonicae ex Archivo regni Daniae* / coll. S. Lanckorońska, G. S. Jensen. Romae, 1969. № 1, 2; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 635–641.

⁵⁶⁶ Подробнее о ливонском походе царской армии 1577 г. и его последствиях см.: Филюшкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) // *История военного дела: исследования и источники*. 2015. № 2. С. 297–304.

⁵⁶⁷ BnF. Ms. Français 2812. Fol. 44; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 380. Под контролем Ивана IV оказалась почти вся Лифляндия севернее Западной Двины и большая часть Эстляндии, за исключением датских владений, Риги, шведского Ревеля и земель, прилежащих к нему: Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 354–355; Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 207–213. Царский поход поставил Юхана III, не обладавшего достаточными средствами для ведения активных боевых действий, в еще более затруднительное положение. В 1577 г. он фактически отстранился от выполнения условий Штеттинского мира, окончательно отказавшись продолжать выплату контрибуции датской короне и поддерживать свободную и безопасную торговлю на Балтике, направив все силы на борьбу с Русским государством и «нарвским плаванием»: Kirby D. G. *Northern Europe in the Early Modern Period...* P. 114–117.

очередь с Московской войной и походами Стефана Батория⁵⁶⁸. В депешах от 2 сентября и 22 октября 1580 г.⁵⁶⁹ он упомянул о взятии польско-литовскими войсками Велижа⁵⁷⁰ и Великих Лук⁵⁷¹, а также сообщил о выдвижении шведских сил во главе с Понтюсом де Ла Гарди в сторону Корельской крепости⁵⁷². В письмах королю и королеве-матери от 25 марта 1581 г. вместе с сообщениями об одобрении варшавским сеймом продолжения войны против русского государя⁵⁷³ и посольствах Стефана Батория к Фредерику II, курфюрстам Августу I Саксонскому, Иоганну Георгу Бранденбургскому и Георгу Фридриху I Бранденбург-Ансбахскому, регенту при прусском герцоге Альбрехте Фридрихе, отправленных с целью заручиться финансовой поддержкой для продолжения боевых действий⁵⁷⁴, дипломат написал о просьбе немецкого капитана на польской службе Юргена фон Фаренсбаха⁵⁷⁵. Наемник просил Генриха III отправить в Ригу отряд из трех тысяч аркебузиром для участия в походе против русских войск⁵⁷⁶.

⁵⁶⁸ Варшавский сейм, открывшийся 20 января 1578 г., постановил возобновить масштабную войну с Русским государством. В течение весны-осени средства Речи Посполитой были брошены на создание сильной и боеспособной армии. В январе 1579 г. Стефан Баторий отдал распоряжение о сборе войск, после чего, 30 июня, принял решение об атаке на Полоцк, который был захвачен 31 августа: Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы... С. 213–225.

⁵⁶⁹ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 120–124; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 382.

⁵⁷⁰ 6 августа 1580 г.

⁵⁷¹ 16 августа 1580 г.

⁵⁷² Поход де Ла Гарди завершился взятием Корелы в ноябре 1580 г.

⁵⁷³ Варшавский сейм, созданный 22 января 1581 г.: Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой... С. 202.

⁵⁷⁴ Там же. 201.

⁵⁷⁵ Подробнее об этом прославленном наемнике и военачальнике, служившем в том числе в Русском государстве и Французском королевстве, см.: Опарина Т. А. Фаренсбах Юрген // Немцы России. Т. 3 / под ред. О. Кубицкой. М., 2006. С. 629; Parve A. Jürgen Farensbach (1551/52–1602). Ühe Eestima päritolu väepealiku sõjateest // *Kaitseväe Ühendatud Õppeasutuste toimetised*. 2007. № 8. Lk. 127–165.

⁵⁷⁶ Надо полагать, монарх переадресовал запрос Фаренсбаха своему младшему брату – Франсуа де Валуа, избранному герцогом Брабантским и графом Фландрским летом 1578 г. и собиравшему в 1580–1581 гг. армию для ведения боевых действий против испанской короны. В письме от 8 июля 1581 г. Данзе написал Генриху III, что в Нидерланды с целью нанять французских аркебузиром был отправлен один из агентов Стефана Батория, который, однако, сумел нанять лишь небольшое количество солдат: *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 135–141; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в

В посольском отчете от 8 июля 1581 г. Данзе уведомил своего государя о желании Стефана Батория осадить Псков⁵⁷⁷, а также описал состав и численность его армии, отметив, что «в последние два года в лагере [Трансильванца] было около пятнадцати тысяч валахов, которых они называют гайдуками, пехотинцев отважных, храбрых и надежных. Кроме того, [в его распоряжении находится] около трех тысяч венгерских конников, которые составляют основу его сил и которым он больше всего доверяет, хотя у него еще множество поляков и литвинов и небольшое число ландскнехтов»⁵⁷⁸. Вместе с тем дипломат искренне описал свое удивление от того, как быстро и внезапно растаяла мощь царского воинства, которое ранее считалось им почти непобедимым: «Удивительно, что Московит, которого, как знает Ваше Величество, столь боялись и страшились все его соседи, и который мог весьма быстро снарядить четыреста-пятьсот тысяч солдат, в настоящее время разбит и до того слаб, а его народ столь напуган и утрашен, что не осмелился ничего противопоставить трем-четырем тысячам солдат, которые прошлой зимой были посланы королем Швеции, а ныне осадили и взяли несколько крепостей на границе с Московией, не встретив никакого сопротивления»⁵⁷⁹.

В депешах от 7 сентября и 25 октября 1581 г. Данзе подвел черту под историей русско-французских контактов на Балтике, написав о взятии шведскими войсками Гапсаля, Лоде, Леаля, Нарвы и Ивангорода⁵⁸⁰, в очередной

Московию в 1586 г. С. 385–387; Holt M. P. The Duke of Anjou and the Politique Struggle during the Wars of Religion... P. 60–69; Duquenne F. L'entreprise du Duc d'Anjou aux Pays-Bas de 1580 à 1584... P. 23; Рябов С. М. Бумаги и итинерарии Франсуа де Валуа: на пути к изучению истории мифа [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 3 (125). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840024976-2-1/>.

⁵⁷⁷ Окончательное решение о псковском походе было принято польско-литовским государем на военном совете в августе 1581 г.: Филюшкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг. С. 354.

⁵⁷⁸ Примечательно, что Данзе передал довольно точную информацию. Ср.: Там же. С. 316.

⁵⁷⁹ Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck... P. 146–150; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 388.

⁵⁸⁰ Шведские войска заняли большую часть русской Ливонии в ходе осеннего наступления 1581 г. Во многом им помогло то, что значительная часть московских гарнизонов была отозвана для ведения боевых действий против армии Стефана Батория: Филюшкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг. С. 360. Как известно, информация об успешном натиске Понтюса де Ла Гарди оказала серьезное влияние на царскую политику: 22 октября 1581 г. в

раз отметив всеобщее изумление от столь стремительного угасания царских сил, оставив, тем не менее, надежду на возможный реванш русской армии: «Многие удивляются, как за столь малый промежуток времени получилось, что войска императора Московии, которых боялись не только соседние с ним христианские государи, но и Турок⁵⁸¹ и Перс⁵⁸², оказались таким образом разгромлены, что он даже не может сопротивляться [шведской] армии в семь-восемь тысяч человек. Впрочем, может быть, презрев короля Швеции, он желает сохранить свои силы для борьбы с поляками и татарами⁵⁸³, которые куда более сильны и грозны, чем король Швеции»⁵⁸⁴. Затем посол подробно описал ход осады Стефаном Баторием Пскова, подчеркнув, что сомневается в распространяемых слухах о взятии этого города польско-литовскими войсками: «Оказавшись перед Псковом, [Трансильванец] расположил поляков, венгров и немцев отдельно друг от друга. Ударив по городу и пробив брешь в его стенах, он приказал Георгу Фаренсбаху, командиру немецких пехотинцев, послать часть своих войск изучить брешь и выяснить, достаточно ли она велика, а также понаблюдать за тем, что защитники крепости приготовили, чтобы защитить и спасти себя. Фаренсбах выбрал для этой цели сто солдат, но когда они отправились к бреши, венгерские пехотинцы, которых называют гайдуками, решили, что немцы идут на приступ города, и, желая, чтобы им выпала честь оказаться там первыми, сразу же отправились туда сами, в суматохе и беспорядке. Поляки решили выполнить свой долг и последовали за ними. Тогда Фаренсбах решил показать свою готовность и повел к бреши весь свой полк. Но осажденные встретили нападавших столь уверенно и отважно, что нападавшие после долгого и упорного боя были вынуждены отступить, потеряв много хороших солдат. Незадолго до этого в бою между

Старице было принято окончательное решение о скорейшем достижении мира с Речью Посполитой для сосредоточения сил против шведов: Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 393.

⁵⁸¹ Османский султан.

⁵⁸² Персидский шах.

⁵⁸³ Надо полагать, Данзе было известно, что в 1580–1581 гг. резко усилились набеги крымских татар и ногайцев, еще больше усложнив и без того непростое положение, в котором пребывало Русское государство: Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 384–385.

⁵⁸⁴ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 163–168; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 391.

поляками и москвитами поляки были разгромлены и уничтожены. <...> правда, здесь рассказывают, что поляки с тех пор ходили и на второй приступ города, и их нападение было храбро отбито, причем многие нападавшие полегли, но третьим приступом нападавшие взяли город. Тем не менее, я еще сомневаюсь в этом, потому что я не получил никаких сообщений от моих друзей⁵⁸⁵, находящихся в лагере»⁵⁸⁶.

Между тем, интерес Генриха III и Екатерины Медичи к Русскому государству, находящемуся в тяжелом кризисе в годы Московской войны, не ограничивался получением сведений о его затруднительном положении и состоянии царских войск на фронтах Балтийских войн: дом Валуа столь же пристально следил за попытками Ивана IV добиться мирного соглашения со Стефаном Баторием путем инициации в начале 1580-х гг. переговоров при посредничестве Святого Престола⁵⁸⁷.

Во французской дипломатической корреспонденции 1581–1582 гг. информация, посвященная поездкам в Италию двух царских гонцов – Истома Шевригина и Якова Молвянинова, занимает значительное место. Резиденты, главным образом из Венеции и Рима, сообщали королю и королеве-матери всевозможные сведения о миссиях русских посланцев, уделяя особое внимание

⁵⁸⁵ Данзе мог получать сведения от различных информаторов: помимо Фаренсбаха, с которым дипломата связывало давнее знакомство, в лагере Стефана Батория находилось несколько французских офицеров-наемников, завербованных, вероятно, во Фландрии: Филюшкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг. С. 358, 365.

⁵⁸⁶ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 163–168; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 391.

⁵⁸⁷ Посольства русского государя в Рим в 1581 и 1582 гг не раз становились темой для исторического исследования: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 700–705; Pierling P. *Papes et tsars (1547–1597)*. Paris, 1890. 514 p.; Лихачев Н. П. Антоний Поссевин и Истома Шевригин. СПб., 1900. 22 с.; Русаковский О. В. Русские послы перед купидонами и венерами: фрагменты «Московии» А. Поссевино в контексте полемики об искусстве эпохи Контрреформации // *Европейское Возрождение и русская культура...* С. 199–216; Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 380–383; Дубровский И. В. Материалы о приезде в Италию царских гонцов Истома Шевригина и Якова Молвянинова в 1581 и 1582 годах // *Русский сборник: Исследования по истории России*. Т. XXX. М., 2021. С. 150; Рябов С. М. Французские известия о приезде в Италию гонцов Ивана IV Истома Шевригина и Якова Молвянинова в 1581 и 1582 годах // *Средние века*. 2023. Т. 84. № 1. С. 101–124.

проекту создания антиосманской лиги⁵⁸⁸ и стремлению Римской курии привести державу Ивана IV к католическому вероисповеданию⁵⁸⁹.

Так, посол Генриха III в Венеции сеньор Арно Дю Феррье в письме королю от 2 февраля 1581 г. писал: «Слышно множество разговоров о тяжелой болезни императора и о большом желании курфюрстов, в случае его смерти, лишить представителей его династии возможности наследовать ему⁵⁹⁰. Эта болезнь оказалась несвоевременна для Московита, который отправил посла⁵⁹¹ к императору и упомянутым господам⁵⁹², недавно приехавшего в этот город⁵⁹³

⁵⁸⁸ Альянс против османского султана, судя по предложению Шевригина, высказанному на аудиенции у дожа Николо да Понте в феврале 1581 г., должны были составить Московское царство, Папское государство, Священная Римская империя и Венецианская республика. Согласно донесениям венецианского посла в Праге Альберто Бадоеера, предполагалось также участие Филиппа II: Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 175; Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. I. Вып. 1. Л., 1925. С. 183. О проектах создания антитурецкой коалиции с включением в нее Русского государства во второй половине XVI в. см.: Магилина И. В. Антитурецкая коалиция как инструмент восточной политики Московского государства... С. 71–74.

⁵⁸⁹ Как известно, данное желание, возникшее в последней четверти XV в., стало вновь актуальным в 1581 г. Несмотря на то, что предложения Ивана IV, в основном касавшиеся организации совместной борьбы с Османской империей, содержали лишь туманные намеки на более тесное сближение со Святым Престолом, они были восприняты при папском дворе как намерение московского государя обратиться в католицизм и привести Русскую церковь к унии: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 547–548.

⁵⁹⁰ Император Рудольф II отличался частыми болезнями, которые в течение 1580-х гг. начали перерастать в депрессию, мысли о самоубийстве, тягу к одиночеству, оккультным наукам и мистике. Положение усугублялось тем, что монарх не был женат и не имел законнорожденных детей, что грозило династическим кризисом: Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008. С. 322–324.

⁵⁹¹ Здесь и далее французские источники именуют Шевригина и Молвянинова «послами», тогда как формально они являлись лишь царскими гонцами – дипломатическими представителями самого низкого уровня: Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013. С. 66.

⁵⁹² Курфюрстам Священной Римской империи. В частности, в руках Шевригина находилась проезжая грамота к Августу I Саксонскому: Там же. С. 68.

⁵⁹³ Венецию.

инкогнито⁵⁹⁴, чтобы разыскать Папу⁵⁹⁵ для переговоров о лиге против Великого Господина⁵⁹⁶. А поскольку [эта лига] невозможна без участия [Стефана] Батория, который на сегодняшний день правит поляками, и без окончания войны между ним и упомянутым Московитом, вышеназванный посол был уполномочен просить упомянутых государей обратиться к Баторию, чтобы уладить их противоречия и объединиться с ним. К этому упомянутые господа охотно прислушиваются, [думая] не только о пользе для всего христианства, но и о частной выгоде, так как не имеют более такого врага, который их столь беспокоит, как Великий Господин, который на сегодняшний день пребывает в таких крайних нуждах⁵⁹⁷, о которых только можно подумать»⁵⁹⁸.

В письме французского посла в Риме архиепископа Тулузского Поля де Фуа, отправленном 20 марта 1581 г. Екатерине Медичи, также затрагивалась тематика назревавшего антиосманского союза и вопрос о переходе Русского государства в лоно Католической церкви: «Завтра должен уехать посол из Московии, чтобы возвратиться к своему владыке. Папа отправляет вместе с ним иезуита по имени Поссевино, одного из первых и самых опытных служителей

⁵⁹⁴ По-видимому, Дю Феррье основывался на замешательстве венецианцев в связи с приездом Шевригина, а также на городских слухах. Дело в том, что русский гонец не собиравшись заезжать в Венецию, и, узнав только в Праге, что это придется сделать, сфабриковал проезжую грамоту и вынужден был импровизировать во время переговоров с венецианцами, не обладая ни полномочиями, ни достаточной информацией для их ведения: ДПИГ. Т. I. Кн. 1. С. 470–473; Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном. С. 68. Слухи о приезде русского гонца в Венецию передает в своем путевом дневнике Мишель де Монтень: Монтень М. Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию / пер. с фр. Л. Ефимова. СПб., 2021. С. 234–235.

⁵⁹⁵ Григория XIII. Частично загадку с поисками русским гонцом римского папы в Венеции разрешает в своем путевом дневнике Мишель де Монтень, написавший о Шевригине следующие строки: «Его народ настолько несведущ в здешних делах, что он привез в Венецию письма своего государя, адресованные великому наместнику Венецианской области. Спрошенный о смысле этого обращения [он ответил]: они, дескать, полагали, что Венеция находится во владениях папы, который посылает туда своих наместников, как в Болонью и иные места»: Монтень М. Путевой дневник... С. 234. Московский гонец, видимо, вновь был вынужден импровизировать. В русском дипломатическом ведомстве знали о действительном политическом положении Венеции еще с конца XV в.: Матасова Т. А. Итальянские политические реалии в русских источниках конца XV – начала XVI в. // Европейское Возрождение и русская культура... С. 83–86.

⁵⁹⁶ Султан Мурад III.

⁵⁹⁷ В 1581 г. в самом разгаре была осmano-сефевидская война 1578–1590 гг.

⁵⁹⁸ Charrière E. *Négociations de la France dans le Levant*. Т. IV. Paris, 1860. P. 27–31.

этого ордена. Ранее он был дважды направлен Его Святейшеством в Германию и Швецию⁵⁹⁹. Ему было поручено переговорить с императором, с тем, кто правит в Польше и с королем Швеции, чья религиозность хорошо известна⁶⁰⁰, а затем с Московитом, чтобы узнать у каждого из них, какими средствами можно достичь мира между Московитом и тем, кто именует себя королем Польши, а также разведать, какую помощь они могли бы оказать и какими средствами и возможностями они располагают для войны с Турком, в случае создания всеобщей христианской лиги против него. Кроме того, упомянутому служителю веры Поссевино было приказано выяснить, какими методами можно добиться воссоединения Московита с Римско-Католической Церковью. Но поскольку этот последний вопрос требует более длительных переговоров, и так как Папа желает быть как можно скорее проинформированным об упомянутых первых вопросах, Его Святейшество наказал, чтобы упомянутый Поссевино вернулся как можно скорее и представил свой отчет об упомянутых первых вопросах, и о том, что в ходе переговоров он смог разузнать о последнем. С этой целью упомянутый

⁵⁹⁹ Дипломатическая деятельность Антонио Поссевино началась в 1578 г., когда Григорий XIII отправил его в Стокгольм с поручением склонить Юхана III к принятию контрреформационных идей. Миссия, несмотря на сближение шведского государя с папским двором с середины 1570-х гг., окончилась провалом: понтифик отказался одобрить предложенные главой дома Васа догматические нововведения, а король, опасаясь растущего влияния своего брата Карла Сёдерманландского и его возможного мятежа во главе лютеранских сил, так и не решился перейти в католицизм и разорвал дипломатические отношения с Римом: Lockhart P. D. *Frederik II and the Protestant Cause...* P. 132–133; Поссевино А. Исторические сочинения о России («Московия», «Ливония» и др.) / пер. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 8–9. Примечательно, что наиболее ярко Карл Сёдерманландский проявит себя как один из главных оппонентов «папистской угрозе» после своей коронации, став Карлом IX Васа (1604–1611). Так, в частности, в годы Смуты в рамках пропагандистского дискурса он выступит в качестве защитника православных, готовый оказать поддержку для борьбы с «католической экспансией»: Селин А. А. Антикатолическая риторика в диалоге Москвы и Стокгольма накануне Выборгского договора 1609 г. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы XVII ежегодной научной конференции / отв. ред. Я. А. Васильев. Великий Новгород, 2018. С. 3–9.

⁶⁰⁰ Надо думать, де Фуа имел в виду лояльное отношение шведского короля к католицизму, которое, в частности, проявилось в нескольких нововведениях в сфере церковной жизни: публикации в 1577 г. «Красной книги» – нового служебника, по которому в литургическую практику возвращались некоторые элементы мессы, и восстановлении системы епархиального управления: Lockhart P. D. *Frederik II and the Protestant Cause...* P. 132–133; Kirby D. G. *Northern Europe in the Early Modern Period...* P. 91; Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 / пер. с финского Л. Э. Николаева. СПб., 2000. С. 14–17.

Поссевино оставит в Московии трех других священнослужителей из своего ордена, которых папа посылает вместе с ним, и которые будут трудиться над этим вопросом, а также выскажут мнение, возможно ли учреждение коллегии их ордена [в Московии], чтобы определить способы для приведения упомянутой страны в послушание нашему Святому Престолу»⁶⁰¹.

Очевидно, столь скрупулезно собиравшаяся французскими дипломатами информация о планах создания антиосманского союза и скором переходе русского государя в католическое вероисповедание сильно беспокоила дом Валуа. Успешная реализация обоих проектов грозила множеством трудностей, с которыми пришлось бы столкнуться Генриху III и его ближайшим советникам: заключение альянса против султана грозило новым крестовым походом, в котором королевскому двору пришлось бы принять посильное участие, оказав содействие «священному воинству». Для ослабленной гражданскими противостояниями страны, которая в начале 1580-х гг. наслаждалась плодами долгожданного мира, это грозило очередным напряжением всех ресурсов и окончательным разорением⁶⁰².

Свои опасения Генрих III высказал в послании венецианскому послу от 25 февраля 1581 г.: «Меня уже известили о недомогании императора, но с ним, кажется, не все так плохо, как Вы считаете. Что же до Лиги против Великого Господина, которую Московит затевает с нашим святым отцом папой, императором и Синьорией Венеции, то я думаю, что это как раз то, что может быть легко осуществимо на сегодняшний день [из-за] столь плохого положения дел [у Великого Господина] после поражения, нанесенного Персом⁶⁰³, но если они заключат перемирие, как я того желал бы, на [приемлемых] условиях, то все может сложиться не так успешно для тех, кто вступит в упомянутую Лигу»⁶⁰⁴.

⁶⁰¹ Дубровский И. В. Материалы о приезде в Италию царских гонцов Истома Шевригина и Якова Молвянинова в 1581 и 1582 годах. С. 200–201.

⁶⁰² Вьенно Э. Маргарита де Валуа: история женщины, история мифа / пер. с фр. М. Ю. Некрасова, В. В. Шишкина. СПб., 2012. С. 151.

⁶⁰³ Шах Персии из династии Сефевидов Мухаммад Худабенде (1578–1587).

⁶⁰⁴ *Négociations de la France dans le Levant*. Т. IV. Р. 31; *Lettres de Henri III, roi de France*. Т. V / rec. par P. Champion; pub. par M. François. Paris, 2000. Р. 156.

Кроме того, король, рассматривая возможность крестового похода, надо полагать, был обеспокоен увеличением рычагов влияния клана Гизов, которые, активизировав свою политику на международной арене с конца 1570-х гг., могли обратиться за финансовой поддержкой к Филиппу II, чтобы, воспользовавшись общим подъемом католических сил, направить «гнев Господень» на «еретиков» – гугенотов. Это, несомненно, не только подорвало бы авторитет дома Валуа и усилило клан Гизов, но укрепило бы влияние испанских Габсбургов внутри Французского королевства. Наконец, новый европейско-османский конфликт мог больно ударить по средиземноморской торговле подданных Генриха III, что существенно отразилось бы на денежных поступлениях в и без того скудную королевскую казну⁶⁰⁵.

Впрочем, всевозможные опасения монаршего двора развеивались тонким политическим чутьем его дипломатических представителей. В письме королю от 17 февраля 1581 г. Дю Феррье отметил: «Сир, со времени последнего моего пребывания в этом городе⁶⁰⁶ сюда прибыл главный посол Московита, который торжественно был принят господами⁶⁰⁷, однако многие считают, что он мало чего добьется своей миссией, поскольку намерение вышеназванного Московита скорее связано с намерением остановить войну между ним и Баторием, чем с каким-то религиозным рвением, а также с особой неприязнью к Великому Господину, дела которого идут все хуже и хуже»⁶⁰⁸.

Тем не менее, после отъезда Шевригина и во время приезда второго гонца от московского государя – Якова Молвянинова, французский двор продолжил внимательно следить за русско-папскими переговорами⁶⁰⁹. В депеше монарху,

⁶⁰⁵ Lesure M. *Les Relations franco-ottomanes à l'épreuve des guerres de Religion (1560–1594) // L'Empire ottoman, la république de Turquie et la France / éd. par H. Batu, J.-L. Vacqué-Grammont. Paris, 1986. P. 37–57.*

⁶⁰⁶ Венеции.

⁶⁰⁷ Аудиенция Шевригина у дожа Венеции Никола да Понте состоялась 15 февраля 1581 г.: Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. I. Вып. 1. С. 183.

⁶⁰⁸ *Négociations de la France dans le Levant. T. IV. P. 31–32.*

⁶⁰⁹ Последним из французов, кто встретился с возвращавшимся в Русское государство Шевригиным, судя по всему, был Данзе, который в письме от 8 июля 1581 г. рапортовал королю: «Посол, которого Московит послал к Папе, возвращаясь от него [через Копенгаген],

отправленной из Венеции 30 августа 1582 г., сообщалось: «Сир, посол, которого Московит отправил к этим господам, прибыл в этот город, где пробыл около десяти дней⁶¹⁰, был хорошо принят, с большими почестями, и затем отправился в Рим в сопровождении человека по имени Поссевино, иезуита, посланного некоторое время назад Папой к Московиту. Поговаривают об обращении Московита в римско-католическую веру и о некоем союзе между этими тремя государями против Великого Господина, [заклучить который] будет непросто, учитывая то, как сейчас обстоят дела между Великим Господином и государем Персии. Но эти господа говорят, что условия для союза сейчас более благоприятны, чем раньше»⁶¹¹.

Еще более пристально за русским гонцом и его действиями в Риме следил Поль де Фуа, который в своем послании королю от 17 сентября 1582 г. писал: «В четверг тринадцатого числа сюда прибыл посол Московита, которого в Папских владениях встречали с большим почетом, чем недавно прибывшего испанского посла⁶¹². Вчера он не стал целовать ноги Папе, и Его Святейшество решил принять его в сопровождении пятнадцати кардиналов не в обычной комнате для аудиенций, а в огромной зале. Похоже, Его Святейшество хотел тем самым сгладить прием, оказанный испанскому послу, по поводу которого я ему жаловался⁶¹³. Упомянутый московитский посол принял участие в церемонии по примеру других послов, сделав три реверанса и поцеловав ноги в установленном порядке, хотя они и не разделяют с нами представлений об авторитете Святого Престола. Его короткая речь была представлена на языке его страны и

сказал мне, что Папа отправил к Московиту господина Антонио Поссевино с великими дарами, и что тот поехал через Польшу»: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 149–150.

⁶¹⁰ Молвянинов прибыл в Венецию 1 августа 1582 г.

⁶¹¹ *Négociations de la France dans le Levant*. T. IV. P. 133.

⁶¹² Энрике де Гусман и Рибера, граф Оливарес (1540–1607) был назначен послом в Риме Филиппом II в июне 1582 г.: *Marañón G. El conde-duque de Olivares. La pasión de Mandar*. Madrid, 1992. P. 14.

⁶¹³ Судя по всему, де Фуа неясно понял действия Папской курии. Надо полагать, торжественный прием русского гонца был направлен на преувеличение успеха миссии Поссевино: Святой Престол стремился показать, что если принятие католицизма Иваном IV еще не свершилось, то вот-вот состоится: Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном. С. 39–40.

переводилась при помощи толмача, который также переводил для него то, что отвечал Его Святейшество. Я найду способ разузнать о его поручении и сообщить о нем Вашему Величеству. <...> Этим утром в Консистории Папа объявил кардиналам, что вышеназванный посол и отец Поссевино, вернувшийся вместе с ним, привезли известие, что Московит созвал епископов своей страны, чтобы подумать о том, как объединиться с Католической Церковью⁶¹⁴, а также предложил всем христианским государям от имени Его Святейшества дружбу и согласие, отправив всем христианам, которые пожелали бы приехать или посетить его страны и регионы, грамоты, снабженные паспортами и заверениями [в безопасности]. Также я только что узнал, что Вице-король, который пребывает в Неаполе⁶¹⁵, и посол, который находится здесь, должны встретиться в Пьомбино⁶¹⁶, когда Вице-король прибудет туда, и что там будет Великий герцог Тосканский⁶¹⁷, а также, возможно, кардинал Медичи, его брат⁶¹⁸, который завтра уезжает во Флоренцию»⁶¹⁹.

Показательно, что архиепископ Тулузский наблюдал за миссией русского гонца вплоть до ее завершения, написав Генриху III за несколько дней до отъезда Якова Молвянинова из Рима, 1 октября 1582 г., следующие строки: «Посол Московита, который не имел другого поручения, кроме того, о котором я писал в прошлый раз Вашему Величеству, сегодня или завтра уезжает. Наш Святой Отец в ответ на подарок из прекрасных соболей, которых он ему преподнес, одарил его несколькими одеяниями из парчи и малинового бархата, и красивой

⁶¹⁴ «Собор епископов», созванный Иваном IV, для обсуждения церковной унии – миф, придуманный Поссевино для сокрытия неудачи своей миссионерской миссии в Русском государстве и взятый на вооружение папским двором. В действительности же, как отметил А. И. Филюшкин, «никакого сочувствия просветительским потугам итальянского мессии не наблюдалось». Более того, в беседе с Поссевино, Иван IV назвал римского папу «волком»: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 549.

⁶¹⁵ Хуан де Суньига и Рекесенс (1536–1586) – испанский вице-король и генерал-капитан Неаполитанского королевства в 1579–1582 гг.

⁶¹⁶ Город в Тоскане, расположенный на побережье Тирренского моря.

⁶¹⁷ Франческо I Медичи (1574–1587).

⁶¹⁸ Фердинандо Медичи (1549–1609), в будущем – великий герцог Тосканский Фердинандо I (1587–1609).

⁶¹⁹ Les lettres de Messire de Paul de Foix, archevesque de Tolose et ambassadeur pour le Roy auprès du Pape Gregoire XIII, escrites au Roy Henry III. Paris, 1628. P. 600–602.

золотой цепью, а также главных членов его свиты, каждого в соответствии с его достоинством. Его Святейшество отправляет отца Поссевино с названным послом, но не к Московиту, а к императору и Баторию, чтобы попытаться разрешить спор между ними по поводу некоторых городов, которые, как утверждает Баторий, удерживаются императором в Венгрии⁶²⁰»⁶²¹.

Нетрудно заметить, что корреспонденция французских дипломатических представителей в Италии 1581–1582 гг. была направлена на наиболее полное информирование своего государя о внешнеполитических шагах русского правителя. Вместе с тем стоит отметить, что тщательно собирая сведения о миссиях царских гонцов, амбассадоры упустили из виду действительные итоги миссии Антонио Поссевино в Москву: миф о скором переходе Ивана IV в католицизм, активно поддерживаемый как посланником-иезуитом, так и Святым Престолом, не был ими опровергнут. Тем не менее, надо полагать, при королевском дворе были услышаны слова Дю Феррье о миссии Шевригина из письма Генриху III от 17 февраля 1581 г., в котором выдвигалось предположение об истинных целях русского государя, заключающихся скорее в желании добиться скорого мира с Речью Посполитой, нежели в достижении христианского единства и заключении антиосманского союза⁶²².

Вместе с тем за внешнеполитическими акциями царского двора периода завершения Московской войны с интересом наблюдали не только официальные представители французской короны, но и лица, сочувствовавшие Католической Лиге, зачастую выполнявшие заказы ее лидеров, в первую очередь Генриха де Гиза. Весьма показательной реакцией на посольство Шевригина в Рим можно считать «летучий листок», изданный в 1581 г. лионским книгопечатником Жаном Патрассоном: прокламационная публикация отличалась ярким

⁶²⁰ В 1582 г. между польско-литовским государем и Рудольфом II разгорелся спор из-за двух венгерских замков, который грозил обернуться войной. Антонио Поссевино отправился к монархам двух держав с посреднической миссией примирения: Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном. С. 45.

⁶²¹ Les lettres de Messire de Paul de Foix... P. 610.

⁶²² Nevejans P. Le prince et le diplomate... P. 21.

эмоциональным религиозным окрасом и была наполнена переживаниями и пафосом по отношению к будущему Русского государства в деле защиты христианского мира⁶²³.

Автор, явно духовное лицо, возможно, иезуит, начинает описание Московского государства с изложения сведений о его землях, религии и нравов, заимствуя информацию из сочинений Матвея Меховского, Иоганна Боэмия, Иоганна Фабри, Себастьяна Мюнстера, Сигизмунда Герберштейна, Павла Иовия и Альберта Кампенского. Затем в тексте подчеркивается величина территории страны, ее срединное положение между Европой и Азией, воинственность и доблесть ее народа, который, как отмечается, даже смог покорить «жестоких и коварных скифов». Также говорится о приверженности русских греческому православному обряду. Главное же для «летучего листка» – новость о скором переходе Русского государства в «послушание» Святому Престолу, обличенная в идею христианства как самовосполняемой системы: автор писал, что если Бог «отвергается одним народом или нацией, то принимается другими», равно как если христианская вера «будет изгнана из Европы, то будет принята в Азии». Возможно, в этом фрагменте публицист опирался на слова Христа, приведенные в Евангелии от Матфея: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф 13:12). Так, имеющие веру католики, согласно мысли создателя произведения, умножают число земель, на которых царствует «истинная вера»; «еретиков» – протестантов, как и «неверных» ждет лишь бесславный конец и гибель. Московское царство, таким образом, предстает в «летучем листке» как сильнейшее приобретение католической веры, которое знаменует собой ее торжество над ее врагами. Планы о создании антиосманского союза, также присутствующие в тексте, лишь

⁶²³ Известно, что «московитская проблематика», в особенности после Варфоломеевской ночи 1572 г., занимала довольно существенное место в межконфессиональной полемике католиков и гугенотов: Эльфонд И. Я. Русская тема во французской политической литературе эпохи Гражданских войн XVI в. // Европейское Возрождение и русская культура... С. 252–264; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 130

дополняют общую картину: *res publica christiana*, усиленная русским государем, сокрушит всех своих противников, защитив всех верующих от «яростных и неистовых нападков сатаны до скончания мира»⁶²⁴. Так, «летучий листок», неся явную пропагандистскую окраску и деморализуя противников Лиги, стремился не только возвеличить католическую веру, но и продемонстрировать, что Бог не оказывает поддержку реформатам и «схизматикам»⁶²⁵.

Неожиданный отклик на посольство Истома Шевригина появился в 1611 г., когда в Париже был напечатан «Французский Меркурий, или продолжение Истории мирного времени, начиная с 1605 года и до миропомазания Людовика XIII, великого короля Франции и Наварры». Часть его страниц полностью посвящена русской истории и истории взаимоотношений Московского царства с европейскими державами. Очевидно, автор текста не смог обойти вниманием столь интересную и важную часть в русско-европейских отношениях, как посольство Истома Шевригина в Рим, прибывшее в Вечный город тридцать лет назад, тем более что в 1607 г. уже вышла книга Жака Маржерета «Состояние Российской державы», которая подогрела интерес французского читателя к далекой восточной стране⁶²⁶.

Инициатор издания «Французского Меркурия», парижский типограф Жан Рише, своим трудом продолжил дело Пьера-Виктора Пальма-Кайе, французского историка и богослова, осуждавшего «лигеров», опасавшегося усиления ультракатолических позиций в Европе и написавшего роялистскую «Хронологию истории», охватывающую события последних лет Религиозных войн (1589–1598)⁶²⁷. Можно с уверенностью сказать, что сведения о посольстве

⁶²⁴ Bref discours de l'admirable réduction de la Grande duché de Moschovye en l'obéissance de sainte Eglise chrestienne, Apostolicque et Romaine, et autres choses dignes de mémoire advenues à Rome en l'année présente. Lyon, 1581. 12 fol.

⁶²⁵ Нетрудно заметить, что суждения и оценки французских дипломатов о русских гонцах и Московском царстве, которые во многом разделал Генрих III, кардинально отличались от взглядов сторонников Католической лиги.

⁶²⁶ Margeret J. Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie. Paris, 1607; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях / под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. 552 с.

⁶²⁷ Cayet P.-V. Chronologie septennaire, ou histoire de la paix de l'histoire de la paix entre les roys de France et d'Espagne. Paris, 1605. 453 p.; Cayet P.-V. Chronologie novenaire, contenant l'histoire

Шевригина в Рим 1581 г. Рише позаимствовал из книги Антонио Поссевино, написанной под псевдонимом Бареццо Барецци⁶²⁸. Примечательно, что в отличие от подавляющего большинства документов и сочинений, которые оставили современники посольства, во «Французском Меркурии» мы видим точное имя царского гонца, поскольку Поссевино был лично с ним знаком. Жан Рише точь-в-точь повторил написание русской фамилии за Поссевино, изменив лишь последнюю букву на французский лад – *Severigene*, в отличие от *Severigeno* – у иезуита⁶²⁹. Интересно также, что «Французский Меркурий» полностью обошел стороной как тему перехода Русского государства в «послушание» Святому Престолу, так и тему участия державы Ивана IV в антиосманской лиге. Надо полагать, в условиях нараставшего нового масштабного религиозного конфликта в Европе⁶³⁰ авторы французского печатного издания не захотели включать Русское государство в рамках своего нарратива в сферу интересов ультракатоликов⁶³¹.

Миссия Шевригина 1581 г. была представлена французской публике следующим образом: «Стефан Баторий, король Польский, за два последующих года далеко продвинулся, вплоть до пределов Смоленска. Видя, что Поляк ждет лишь начала третьего года, чтобы продолжить свои завоевания, он [Иван IV] был вынужден отправить к Папе Григорию XIII посла, снабженного письмами от императора Рудольфа, которого звали Шевригин, с просьбой к Его Святейшеству отправить к Поляку достойного человека, чтобы отвратить его от войны с ним.

de la guerre sous le règne du très chrestien Roy de France et de Navarre Henry III. Paris, 1608. 808 p.

⁶²⁸ Алтухова Н. И., Уваров П. Ю. Русская смута и рождение французской периодики // Три даты трагического пятидесятилетия Европы 1598–1618–1648: Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны / отв. ред. В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. М., 2018. С. 377.

⁶²⁹ Barezzi B. Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del paterno imperio, conseguita dal serenissimo giovine Demetrio, Gran Duca di Moscovia, in quest'anno 1605. Colla sua coronatione, et con quel che ha fatto dopo che fu coronato l'ullimo del mese di luglio sino a questo giorno, raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi. Venezia, 1605. Fol. 3.

⁶³⁰ Тридцатилетняя война 1618–1648.

⁶³¹ Вместе с тем, очевидно из-за отсутствия необходимой для написания полноценного очерка информации, повествование «Французского Меркурия» о русском посольстве в Рим 1581 г. получило весьма односторонний характер.

В сущности, в его письмах говорилось, что Папа должен убедить его [Стефана Батория] направить свои войска против общего врага вместо того, чтобы проливать кровь христиан, и что он [Иван IV] с готовностью присоединится к войне с Турком, если он [Стефан Баторий] не будет предпринимать что-либо против него. Папа, благосклонно приняв посла Московита, до которого в Риме уже пятьдесят лет не было ни одного посла⁶³², решил отправить одного церковника [Поссевино] для посредничества в заключении доброго мира, что он и сделал. Церковник был хорошо осведомлен в делах Германии, Польши и Швеции и вел себя в этих переговорах так ловко, что, пробыв целый год у короля Швеции и предварительно переговорив с императором и королем Польши, тайно уладил все их разногласия, так хорошо, что спустя семь месяцев его пребывания в Московии, а именно два месяца в армии короля Польши при осаде Пскова и пять месяцев с Иваном Васильевичем, был заключен мир, и Ливония была возвращена Польскому королевству с тридцатью тремя крепостями»⁶³³.

Таким образом, во Французском королевстве представители разных политических партий пристально следили за положением Русского государства во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг., особое внимание обращая на военно-политическую ситуацию, в которой оказалась держава Ивана IV в годы Московской войны, и дипломатические миссии 1581–1582 гг. Если монарший двор видел опасность для внутреннего благополучия страны в случае успешного заключения антиосманского союза и вхождения в него Русского государства, то представители Католической лиги, напротив, усматривали в переходе московского правителя в католицизм и альянсе против султана торжество Римской Церкви, скорую победу над «еретиками» и «неверными». Примечательно, что спустя тридцать лет после царских посольств во Франции не забыли о них, напротив, публицисты считали эту информацию важной и интересной для французского читателя, рассматривая современное им Русское

⁶³² До приезда Истома Шевригина последним русским посольством в Рим была миссия Дмитрия Герасимова 1525 г.: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков... С. 142–143.

⁶³³ *Le Mercure françois, ou, la suite de l'histoire de la paix.* Paris, 1611. Fol. 44–44v.

государство, погрузившееся в Смутное время, как новую площадку для религиозно-политических столкновений.

§ 2. Русско-французская коммерция в 1575–1581 гг.

Стремительное ухудшение отношений между «наихристианнейшей» монархией и скандинавскими странами вкупе с прекращением официальных контактов с польско-литовской короной не преминуло сказаться на развитии французского трафика на севере и северо-востоке Европы. С середины 1570-х гг. экономическое пространство «балтийского мира» все более закрывалось для подданных Валуа: если торговля в русской Ливонии становилась фактически невозможной по причине усилившейся блокады «нарвского плавания», то коммерция в Данциге или Ревеле была затруднена военными операциями польского и царского дворов 1576–1577 гг. Вместе с тем по разобщенным французским негодьям больно ударило повышение таможенных пошлин в условиях новой конфронтации Речи Посполитой и Шведского королевства с Московской державой⁶³⁴: так и не объединившись в одну компанию, они оказались неспособны снаряжать торговые суда в прежних количествах и содержать своих агентов в портовых городах.

На первый план среди вопросов, поднимавшихся во французской дипломатической корреспонденции, вышли сюжеты, касавшиеся экономических проблем и поисков их решения. В депеше королю от 27 сентября 1575 г. Данзе, поблагодарив Генриха III за письмо Юхану III в защиту арестованного дьеппского купца Жака Ле Приера⁶³⁵, писал, что на обратном пути из Нарвы было остановлено судно «Lévrier» другого нормандского негодья – Андре

⁶³⁴ Baranowski I. Przemysł polski w XVI wieku. Warszawa, 1919. S. 100; Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой... С. 202.

⁶³⁵ Судя по всему, Приер был одним из основателей русско-французской коммерции на Балтике: известно, что еще в 1573 г. он занял Данзе, вовлеченному в заговор против Юхана III, немалую сумму, чем помог дипломату, оказавшемуся на грани разорения, выйти из непростой финансовой ситуации: Indberetninger fra Charles de Dancay... S. 205–210.

Ваккера: корабль был захвачен шведскими шкиперами и отправлен в Ревель, а товары, находившиеся на нем, распроданы. Самому купцу благодаря заступничеству дипломата удалось вернуться во Францию невредимым и рассказать о своих происшествиях монарху⁶³⁶.

В том же письме королю посол, не оставляя попыток добиться приемлемых для французских купцов условий ведения коммерции в русской Ливонии, рапортовал: «Я немедленно написал королю Швеции и обсудил с господином Эриком [Спарре]⁶³⁷ можно ли найти какое-либо средство, чтобы Ваши подданные могли отныне свободно торговать в Нарве с согласия короля Швеции, соблюдая какое-нибудь справедливое условие, прежде чем можно будет найти более удобное решение этого вопроса. Дело в том, Сир, что эта торговля чрезвычайно важна и очень выгодна Вашим подданным, но на пути в Нарву или из Нарвы им постоянно чинят обиды и грабеж шведы». Затем Данзе, в очередной раз повторив свои рассуждения о высокой доходности русско-французской торговли, с сожалением отметил: «Соль никогда не стоила в этих краях дороже, нежели сейчас, особенно бруажская. Многие охотно послали бы за ней корабли в этом году, но они боятся, что в этом году ее удастся доставить не в большем количестве, чем год назад, а также что если они пошлют за ней, их корабли будут захвачены или задержаны <...>. Я предвижу, Сир, что в этом году будет практически невозможно добраться до Нарвы»⁶³⁸.

В ответ на получение сведений о злоключениях своих подданных-негоциантов и агрессивных действиях шведских капитанов Генрих III и Екатерина Медичи, не имея возможности противодействовать блокаде «нарвского плавания» военными методами, стремились возродить мирные отношения со стокгольмским двором. После заключения мира в Этиньи 6 мая

⁶³⁶ Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck... P. 108–112; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 164, 378.

⁶³⁷ Эрик Ларссон Спарре (1550–1600) – один из ближайших советников Юхана III, канцлер королевства, дипломат, губернатор Вестманланда, Бергслагена и Даларны: Eriksson B. Erik Sparre [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexicon. Режим доступа: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=6186&forceOrdinarySite=true>.

⁶³⁸ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 165.

1576 г. и последовавшего за ним обнародования эдикта Больё, завершившего Пятую Религиозную войну (1574–1576)⁶³⁹ французский государь уведомил Юхана III о завершении гражданских распрей в своем королевстве, объявив, что шведские купцы вновь могут беспрепятственно и свободно вести торговлю во французских городах. В ответ монарх просил прислать условия, необходимые для осуществления безопасной коммерции в русской Ливонии⁶⁴⁰.

Столкнувшись с ледяным молчанием шведского короля, Генрих III менее чем через год, 16 апреля 1577 г., отправил в Стокгольм очередное послание, повторно призвав Юхана III обеспечить французским негоциантам «свободный проход и плавание в Нарву», пообещав предоставить шведским купцам всевозможные льготы и привилегии⁶⁴¹. Как известно, данное письмо также было проигнорировано⁶⁴².

С течением времени ситуация лишь ухудшалась. В депеше, отправленной королю 28 февраля 1578 г., Данзе, акцентируя внимание на игнорировании шведским двором просьб французской короны, писал: «Сир, я нисколько не сомневаюсь, что Ваше Величество в настоящее время уже знает о дьеппских купцах, а точнее об ответе, который дал король Швеции на письмо, отправленное ему Вашим Величеством в поддержку Жана Кокереля⁶⁴³ и его компаньонов [с просьбой] вернуть товары и добро, захваченные у них в прошлом году на обратном пути из Нарвы. Сир, я действительно надеюсь, что корабль будет возвращен им без каких-либо сложностей, как король Швеции им уже неоднократно обещал. <...> С тех пор я отправил королю Швеции письмо, которое Вы написали в поддержку Мишеля Даблона⁶⁴⁴ из Дьеппа и его

⁶³⁹ Ливе Ж. Религиозные войны / пер. с фр. Г. Мирошниченко. М., 2004. С. 26–27.

⁶⁴⁰ *Lettres de Henri III, roi de France*. Т. III. Р. 13–14

⁶⁴¹ *VnF. Ms. Français 3304. Fol. 17; Lettres de Henri III, roi de France*. Т. III. Р. 217–128.

⁶⁴² Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 135.

⁶⁴³ Б. Виане ошибочно транскрибировал фамилию этого французского негоцианта как Кокере, неверно прочитав начертание буквы «l» в послании Данзе: Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 380.

⁶⁴⁴ Подробнее о злочлочениях Кокереля и Даблона см.: Hauser H. *Un français dans la Baltique au XVIe siècle: Charles de Danzay // La Pologne et la Baltique. Conférences données à la Bibliothèque polonaise de Paris*. Paris, 1931. Р. 27.

компаньонов. Я прошу тех, кто ведет его дела, как я уже часто делал прежде, сделать так, чтобы французские купцы вновь могли по приемлемой цене в каком-нибудь надежном месте получать паспорта, чтобы свободно торговать с Нарвой, каждый день пребывая в ожидании ответа»⁶⁴⁵.

Непростое положение французских негодантов на Балтике становилось критическим по мере развития конфликта между Московским царством и Датским королевством, оказавшихся к началу 1580-х гг. на грани открытого противостояния⁶⁴⁶. Не имея достаточных сил для продолжения борьбы за «ливонское наследство»⁶⁴⁷ и разочаровавшись в альянсе с русским государем, открыто игнорировавшим датские интересы в прибалтийских землях⁶⁴⁸, Фредерик II летом 1579 г. отказался от заключения нового союзного договора с Иваном IV⁶⁴⁹. Затем зимой того же года Ольденбург обратился к европейским монархам с просьбой запретить «нарвское плавание»⁶⁵⁰. В ответ Генрих III в послании от 2 марта 1580 г. призвал датского короля не препятствовать свободному трафику, особо подчеркнув значимость русской коммерции для французских купцов и выгоды, получаемые ими от торговли солью и вином⁶⁵¹.

Вместе с просьбой, адресованной Фредерику II, французский король отправил послание Ивану IV⁶⁵². В письме своему резиденту в Копенгагене, составленном также 2 марта 1580 г., Генрих III отмечал: «Я пишу Императору Московии, чтобы он освободил моих подданных, удерживаемых им в плену, как

⁶⁴⁵ BnF. Ms. Français 2812. Fol. 44; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 380.

⁶⁴⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 673; Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. М., 2019. С. 309.

⁶⁴⁷ Интерес датской короны к прибалтийским землям начал постепенно иссякать с 1578 г. Инициировав переговоры с Юханом III в 1580 г., Фредерик II взял курс на заключение соглашения, по которому ливонские владения Ольденбургов, кроме Эзеля, отходили шведскому государю: Lavery J. Germany's Northern Challenge... P. 141.

⁶⁴⁸ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 648–652.

⁶⁴⁹ Датский архив. Материалы по истории древней России... № 419 (375).

⁶⁵⁰ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 673.

⁶⁵¹ BnF. Ms. Français 3304. Fol. 21; Lettres de Henri III, roi de France. T. IV / rec. par P. Champion; pub. par M. François. Paris, 1984. P. 353–354; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 380.

⁶⁵² Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 135–137.

Вы мне сообщили, и вернул им их товары⁶⁵³. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее и окажете им содействие, насколько это возможно, а к доводам, изложенным в моих письмах, копии которых я Вам посылаю, Вы добавите те, которые сочтете целесообразными и подходящими, с тем чтобы не только быстро освободить моих подданных и вернуть им их товары, но также чтобы подобные ситуации более не повторялись. Надо в полной мере донести до названного Императора Московии, что такими действиями он не только вызовет у меня крайнее сожаление, но и помешает свободе торговле. А в этом вопросе, если хорошо поразмыслить, он заинтересован больше меня, тем более что я прочел письма, отправленные мне королем Дании, в которых он мне сообщает о своем намерении в этом году воспрепятствовать торговле с Нарвой»⁶⁵⁴.

Ожидая ответа Фредерика II на свою просьбу, Генрих III, опасаясь недружественных действий датских судов, запретил французским купцам совершать плаванья в русскую Ливонию⁶⁵⁵. В течение весны-осени 1580 г. Данзе, выполняя поручение своего государя, вел переговоры в Копенгагене, пытаясь

⁶⁵³ Информация о злключениях французских купцов и их дальнейшей судьбе содержится в письме Данзе Екатерине Медичи от 8 июля 1581 г. Согласно сведениям дипломата, подданные Генриха III, отплыв в Нарву летом-осенью 1579 г., были захвачены и насильно рекрутированы в шведскую армию. В результате военных действий они были взяты в плен русскими солдатами и сопровождены в московскую тюрьму, где находились в течение пятнадцати месяцев. Лишь в результате получения выкупа и ходатайства французского короля негоцианты были освобождены Иваном IV, отправившись в Нарву. Оттуда, загрузив купленные товары на корабль, они отплыли во Францию. На обратном пути судно вновь было захвачено шведами: по прибытию в Стокгольм содержимое его трюмов было конфисковано, а команда помещена под арест: *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 150–155; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 136–137. Если экипаж, вероятно по просьбе французского дипломата, был довольно скоро освобожден, то товары так и не были возвращены. В письме Генриху III от 25 октября 1581 г. Данзе, состоявший в активной переписке по вопросам балтийской торговли с губернатором Дьеппа Рене де Босонклем, сеньором де Сигонем, отметил: «Что касается жалоб и сетований, которые ко мне поступают каждый день от французских купцов по поводу шведских грабежей, я написал сеньору де Сигоню, губернатору Дьеппа, купцам этого города и остальным, чтобы они не ждали возврата того, что у них захватил король Швеции, если Ваше Величество не предпримет иных действий, чем те, что предпринимались вплоть до настоящего времени»: *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 163–168; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 391.

⁶⁵⁴ *BnF. Ms. Français 3304. Fol. 20; Lettres de Henri III, roi de France. T. IV. P. 354; Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 135.*

⁶⁵⁵ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 127–131; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 170, 383.

прийти к соглашению об открытии Эресуннского пролива для продолжения «нарвского плавания»⁶⁵⁶, однако Ольденбург был непреклонен: сославшись на сведения о «жестокости и бесчеловечности московитов», а также просьбы Стефана Батория и Юхана III, зимой 1580 г. он продлил закрытие Зунда для негоциантов, желавших торговать в московских прибалтийских владениях, еще на год⁶⁵⁷.

Решение датского монарха по сути дела поставило точку в истории русско-французского взаимодействия на Балтике. Дальнейшие сообщения Данзе о поражениях царской армии и переходе большей части лифляндских и эстляндских земель в подчинение польско-литовской и шведской корон лишь подтвердили, что «ливонский узел», связывавший Рюриковичей и Валуа более двух десятилетий, оказался разрублен. Данзе, будучи главным вдохновителем «северной коммерции», в посольском отчете от 7 сентября 1581 г., написанном во время осады Нарвы Понтюсом де Ла Гарди, возродил впервые высказанную им в 1571 г. идею беломорской торговли, изложив свои мысли следующим образом: «Многие французские купцы рассказывали мне, что нарвская или русская торговля приносит им большую выгоду, благодаря количества воска, кож, жира, льна, пеньки и многих других товаров, которые они приобретают по разумным ценам. В связи с этим, если они больше не смогут продолжать торговлю через Немецкое море, которое они называют Восточным, они смогут легко осуществлять ее на севере близ [монастыря] Святого Николая⁶⁵⁸, как это обычно делают англичане и некоторые другие народы, не платя ни налогов, ни пошлин, поскольку король Дании не препятствует этой торговле и не запрещает ее. А чтобы наилучшим образом гарантировать безопасность Ваших подданных,

⁶⁵⁶ Стоит отметить, что Данзе с начала 1580-х гг. по просьбе Франсуа де Валуа, ставшего герцогом Брабантским, вынужден был также заступаться за фландрских купцов и отстаивать их интересы перед датской короной: Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I. С. 20, 29.

⁶⁵⁷ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck...* P. 127–131.

⁶⁵⁸ Очевидно, Данзе подразумевал Николо-Корельский монастырь, расположенный на берегу Северной Двины, близ которого с середины XVI в. располагались торговые склады английской «Московской компании».

Сир, и не позволить англичанам и другим народам чинить им какие-либо неудобства, Вашему Величеству было бы целесообразно написать Императору России, чтобы склонить его в пользу Ваших подданных и добиться от него тех же привилегий и льгот, какие он предоставил англичанам в своих землях. Он предоставит их, как я полагаю, тем более охотно, что у него [имеются] довольно сильные и могущественные противники, которые активно теснят его со всех сторон. Кроме того, ему могут понадобиться многие французские товары⁶⁵⁹, которые французы могут с легкостью ему предоставить»⁶⁶⁰.

Письмо резидента в Копенгагене, написанное осенью 1581 г., стало первой страницей нового периода русско-французских контактов, предопределив их перемещение с обгаренных кровью пространств «балтийского мира» на холодные берега Белого моря. В скором времени, в 1583–1584 гг., французским негодантам удастся закрепитьс в Кольской гавани, а Рюриковичам и Валуа завязать официальные дипломатические отношения⁶⁶¹. Интерес двух держав друг к другу будет укрепляться вплоть до трагической гибели Генриха III и смерти Шарля де Данзе в 1589 г. Через пять лет, в 1594 г., на престоле Французского королевства окончательно воцарится новая династия – Бурбонов, которой, после смерти Федора I в 1598 г. и событий Смутного времени, предстоит налаживать связи с домом Романовых, взошедшим на престол Русского государства в 1613 г.

⁶⁵⁹ Связывая начало русско-французской торговли на севере с поражениями московской армии, дипломат, помимо прочих товаров, надо полагать, имел в виду контрабандные вооружение и боеприпасы: посол, несомненно, был в курсе, что именно нелегальная коммерция была основой обогащения французских негодантов на Балтике: Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»... С. 171.

⁶⁶⁰ *Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck*... Р. 158–163; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 г. С. 174, 178, 390.

⁶⁶¹ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 138–152.

Заключение

Проведенное в рамках данной работы исследование призвано продемонстрировать продуктивность преодоления ортодоксальных концепций истории дипломатии, внешней политики и теории международных отношений, ориентированных на государствоцентричную модель описания глобальных связей. Новая интерпретация русско-французских отношений 1558–1581 гг. была основана на детальном анализе дипломатических, династических и экономических контактов, помещенных в контекст Балтийских войн второй половины XVI в. Она показывает, что комплексное изучение генезиса и эволюции русско-французского взаимодействия эпохи позднего Ренессанса возможно при сопутствующем рассмотрении масштабной сети коммуникаций, присущей пространству севера и северо-востока Европы в период борьбы за «ливонское наследство». Как доказывает проведенное исследование, вопреки устоявшемуся в исторической литературе восприятию Французского королевства как исключительно средиземноморской державы, международные устремления которой территориально ограничивались южноевропейскими, североафриканскими и американскими землями, одним из главных дипломатических направлений дома Валуа являлось усиление своих позиций в «Балтийском мире», особо выразившееся в желании стать его частью посредством реализации ряда проектов глобального геополитического переустройства. Осуществляя критику устоявшихся историографических положений, традиционно основанных на суждениях об отсутствии русско-французских контактов в обозначенный период, равнодушном или негативном отношении французской короны к царскому двору, незаинтересованности ее негодников в освоении русского рынка и развитии «северной коммерции», настоящая диссертация демонстрирует, что со второй половины XV в. и особенно в 1558–1581 гг. Рюриковичами и Валуа предпринимались значительные усилия по интенсификации дипломатических, династических и

экономических связей со странами Балтийского региона, сопряженные с активным налаживанием отношений друг с другом.

Первые русско-французские контакты, осуществлявшиеся главным образом при посредничестве ганзейских купцов и двора Ольденбургов, прослеживаются с конца 1480-х – начала 1490-х гг. и тесно связаны с желанием Великого княжества Московского войти в круг европейских держав, а также началом Итальянских войн, когда Валуа приступили к созданию союзной коалиции, куда должны были войти державы севера и востока Европы. Первая половина XVI в. ознаменовалась поисками взаимного сближения, которые, с наступлением череды балтийских противостояний переросли в обоюдный интерес двух дворов. Завоевание русским воинством Нарвы в 1558 г. позволило французским негодантам, пользовавшимся благодаря коммерческим соглашениям с Датским и Шведским королевствами широкими привилегиями в регионе, реализовать идею прямого товарооборота с Московским царством.

Несмотря на то, что внешнеполитические действия французской короны в 1560-е гг. не представляли собой комплексной стратегии, являясь скорее чередой ситуативных реакций на стремительные изменения, ей удалось упрочить свое влияние в «Балтийском мире», во многом благодаря успешной посреднической миссии в ходе Северной семилетней войны. Значительные усилия Шарля де Данзе, приложенные для окончания этого многолетнего кровопролитного конфликта, позволили дому Валуа выстроить сеть неформальных связей со многими влиятельными политическими деятелями Дании, Швеции, Любека и Польши. С начала 1570-х гг. она стала основанием для реализации нескольких геополитических проектов, устремленных к воцарению представителей династии Валуа в странах Балтийского региона и нацеленных на возвращение Французского королевства к традиционной роли антипода габсбургской гегемонии.

Преддверием краха французского влияния на севере и северо-востоке Европы стали события Варфоломеевской ночи, известия о которых довольно быстро достигли резиденций скандинавских государей и стремительно

распространились среди польской и литовской шляхты, вызвав резко негативную реакцию. Новость о кровавых расправах над гугенотами, дошедшая до царского двора, очевидно, осенью того же года, вкупе с информацией о кандидатуре Генриха Анжуйского, одного из зачинщиков парижской резни, на трон Речи Посполитой имела отрицательное воздействие на развитие русско-французских контактов. На короткий период 1572–1574 гг. держава Ивана IV стала оппонентом политике Валуа в Балтийском регионе и начала восприниматься французскими дипломатическими представителями как главная угроза безопасности *res publica christiana*. Именно в данный период рождается и получает развитие проект создания шведско-польско-французской союзной коалиции, направленный на устранение «московитской угрозы».

Отказ Генриха де Валуа, желавшего разрешить балтийские противоречия мирными средствами, от конфронтации с Русским государством стал почвой для преодоления русско-французских разногласий и позволил продолжить взаимовыгодные контакты между двумя монархиями. Бегство французского принца из Польши, отказ от матримониальных планов по отношению к династии Васа и все более ухудшавшиеся отношения с датской короной привели к окончательной утрате домом Валуа завоеванных ранее позиций: французская дипломатия, несмотря на разработку амбициозного проекта по созданию Великого герцогства Ливонского, превратилась по большей части в пассивного наблюдателя, созерцавшего стремительно изменявшуюся в 1575–1581 гг. геополитическую обстановку.

Тем не менее, интерес к событиям на севере и северо-востоке Европы, сохранявшийся при французском дворе, обусловил повышенное внимание его дипломатических представителей к действиям Русского государства после завершения второго «бескоролья» в Речи Посполитой и новому витку ливонского противостояния, выразившемуся в Московской войне 1577–1581 гг. и русско-шведском конфликте 1578–1583 гг. Особого внимания различных религиозно-политических партий удостоились царские посольства в Италию 1581 и 1582 гг., вызванные стремлением Ивана IV добиться мирного соглашения

со Стефаном Баторием путем инициации переговоров при посредничестве Святого Престола.

Наиболее интенсивное развитие в 1558–1581 гг. получили русско-французские экономические контакты. Обе стороны, получая немалую выгоду, прилагали всевозможные усилия для их сохранения и интенсификации. Вместе с тем погружение дома Валуа в пучину гражданских противостояний не способствовало отстаиванию интересов французских негодантов на Балтике военными средствами: польская и шведская политика противодействия русско-европейской коммерции, выраженная в блокаде «нарвского плавания», не позволила французскому купечеству, так и не объединившемуся в единую компанию и не обладавшему большими капиталами, стать серьезным конкурентом для нидерландских и английских торговцев, зачастую сопровождавшихся боевыми конвоями и имевших агентов в Московском царстве. Это, вкупе с падением французского влияния на Балтике, предопределило необходимость освоения пути, ведущего в Беломорье, где подданным Валуа удастся закрепиться в 1583–1584 гг.

Сегодня, когда пространства «великих морей» в очередной раз становятся ареной военных конфликтов, комплексный ретроспективный анализ двусторонних контактов, генезис и эволюция которых происходили в эпоху глобальных геополитических трансформаций, приобретает все большую значимость. В условиях изменений, происходящих в структуре международной системы, вновь оказываются актуальными дискуссии, нацеленные на осмысление архитектоники и природы взаимодействий, осуществлявшихся поверх политических и культурных границ. Предпринятое в настоящей диссертации исследование русско-французских дипломатических, династических и экономических контактов периода Балтийских войн второй половины XVI в. во многом является ответом на современные размышления и призвано стать еще одним шагом на пути историзации международных отношений.

Перспективы дальнейшей разработки темы заключаются в выделении иных аспектов русско-французского взаимодействия на севере и северо-востоке Европы, а также расширении хронологических рамок исследования до середины XVII в.

Список сокращений

Акты, относящиеся к истории Западной России – АЗР

Дипломатическая переписка Ивана Грозного – ДПИГ

Памятники истории Восточной Европы – ПИВЕ

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей – РГБ. ОР.

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей – РНБ. ОР.

Российский государственный архив древних актов – РГАДА

Русская историческая библиотека – РИБ

Сборник Императорского Русского Исторического Общества – СИРИО

Archives du ministère des Affaires étrangères. Correspondance politique – ААЕ. СР.

Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits – BnF. Ms.

Elementa ad fontium editions – EFE

Riksarkivet. Riksregistraturet – RA. RR.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек / под ред. А. И. Тургенева. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1841. – Т. I. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 год. – 401 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1848. – Т. 3. – 350 с.
3. Давила Э. К. История Гражданских войн во Франции / Э. К. Давила; пер. с ит. Р. Л. Шмаракова; статья В. В. Шишкина; комм. В. В. Шишкина, С. М. Рябова, Д. Ю. Кирсанова. – СПб. : Наука, 2023. – Т. I. – 567 с.
4. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326–1690 / под ред. Ю. Н. Щербачева. – М. : Университетская типография, 1893. – 354 с.
5. Дипломатическая переписка Ивана Грозного / под общ. ред. К. Ю. Ерусалимского. – СПб. : Наука, 2023. – Т. I. – Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы / отв. ред. С. В. Полехов, В. В. Рыбаков, А. В. Толстиков, С. Г. Яковенко. – 647 с.
6. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории / под ред. Ю. Н. Щербачева. – М. : Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1915. – 2 вып.
7. Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / сост., пер., прим., публ. В. В. Шишкина; при участии Э. Вьенно, Л. Ангара; отв. ред. Д. Э. Харитонович. – СПб. : Евразия, 2019. – 344 с.
8. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях / Ж. Маржерет; под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 552 с.

9. Монтень М. Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию / М. де Монтень; пер. с фр. Л. Ефимова. – СПб. : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2021. – 464 с.
10. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851. – Т. I. Памятники дипломатических сношений с империей Римской. – 1620 стб.
11. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. – М. : Древлехранилище, 2004. – Т. 7. Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.) / сост. Л. В. Соболев. – 268 с.
12. Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией / под ред. Е. Ф. Шмурло. – Л. : Соцэкгиз, 1925. – Т. I. – Вып. 1. – 450 с.
13. Поссевино А. Исторические сочинения о России («Московия», «Ливония» и др.) / А. Поссевино; пер. Л. Н. Годовиковой. – М. : Издательство Московского университета, 1983. – 276 с.
14. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. – СПб. : Наука, 2008. – 487 с.
15. Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей. Ф. 68. Собрание рукописей Генерального штаба. № 370.1, 370.9.
16. Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, 36/1, 62, 90/2.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 166. Дела и сочинения о титулах (титулярники) – (коллекция) из фондов Посольского приказа, Посольской канцелярии и Московского архива Коллегии иностранных дел. Оп. 1. Кн. 14.
18. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. – СПб. : Императорская Академия наук, 1913. – Т. 2. – Вып. 2. – 685 с.

19. Русская Историческая Библиотека. – СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1897. – Т. XVI. Русские акты Копенгагенского государственного архива / под ред. Ю. Н. Щербачева. – 951 с.
20. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1910. – Т. 129. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством / отв. ред. В. В. Майков, Н. Д. Чечулин. – 585 с.
21. Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1889. – Вып. 1. – 341 с.
22. Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 / П. Юстен; пер. с финского Л. Э. Николаева. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр, 2000. – 216 с.
23. Archives du ministère des Affaires étrangères (AAE). CP (Correspondance politique). Danemark, Suède.
24. Barezzi B. Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del paterno imperio, conseguita dal serenissimo giovine Demetrio, Gran Duca di Moscovia, in quest'anno 1605. Colla sua coronatione, et con quel che ha fatto dopo che fu coronato l'ullimo del mese di luglio sino a questo giorno, raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi / B. Barezzi. – Venezia, 1605. – 16 fol.
25. Bibliothèque nationale de France (BnF). Département des Manuscrits (Ms). Français. 2812, 3004, 3178, 3224, 3304, 3324, 5145, 15966, 17832; Clairambault 324, 355.
26. Bref discours de l'admirable réduction de la Grande duché de Moschovye en l'obéyssance de sainte Eglise chrestienne, Apostolicque et Romaine, et autres choses dignes de mémoire advenues à Rome en l'année présente. – Lyon : Jehan Patrasson, 1581. – 12 fol.
27. Cayet P.-V. Chronologie novenaire, contenant l'histoire de la guerre sous le règne du très chrestien Roy de France et de Navarre Henry III / P.-V. Cayet. – Paris : Jean Richer, 1608. – 808 p.

28. Cayet P.-V. Chronologie septennaire, ou histoire de la paix de l'histoire de la paix entre les roys de France et d'Espagne / P.-V. Cayet. – Paris : Jean Richer, 1605. – 453 p.
29. Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France à la Cour de Danemarck // Handlingar rörande Skandinaviens Historia. – Stockholm : Elmén et Granberg, 1824. – Vol. XI. – P. 3–345.
30. De rebus inter Ioannem et Christianum II, Daniae Reges, ac Ludovicum XII et Iacobum V, Galliae Scotiaeque Reges / scrip. P. W. Becker. – Hafniae : Typis excudebant Bianco Luno et Schneider, 1835. – 104 s.
31. De Thou J.-A. Histoire universelle / J.-A. de Thou. – Londres, 1734. – T. 7. – 758 p.
32. Die Korrespondenz Ferdinands I / bearb. W. Bauer. – Wien : A. Holzhausen, 1912. – Bd. I. – 558 s.
33. Diplomatarium Christierni Primi / udg. af C. F. Wegener. – Kjøbenhavn : J. D. Qvist & Comp., 1856. – 404 s.
34. Elementa ad fontium editiones. – Romae : Institutum historicum Polonicum Romae, 1969. – T. XX. Res Polonicae ex Archivo regni Daniae / coll. C. Lanckorońska, G. S. Jensen. – 324 s.
35. Elementa ad fontium editiones. – Romae : Institutum historicum Polonicum Romae, 1970. – T. XXI. Documenta polonica ex Archivo generali Hispaniae in Simancas / coll. V. Meysztowicz. – 262 s.
36. Elementa ad fontium editiones. Romae : Institutum historicum Polonicum Romae, 1964. – T. IX. Res polonicae ex Archivo regni daniae / coll. L. Koczy. – 183 s.
37. In perfidiam et crudelitatem, quam Carolus Nonus, Galliae rex in Christianos exercuit. – Vilnae, 1573. 48 fol.
38. Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573 / udg. af C.-F. Bricka. – Kjøbenhavn : I kommission hos C. A. Reitzel, 1901. – 239 s.

39. *Instructio agendorum inter Sigismundum, Polonie Regem, et Franciscum, Regem Galliarum // Acta Tomiciana.* – Poznań : Sumptibus Bibliothecae Kornicensis, 1856. – T. VI. – S. 210–212.
40. Kromer M. *Historia prawdziwa o przygodzie żalösnej książęcia finlandzkiego Jana i królewny polskiej Katarzyny / M. Kromer; pod red. J. Małłeka.* – Olsztyn : Poyezierze, 1974. – 139 s.
41. *Le Mercure françois, ou, la suite de l’histoire de la paix.* – Paris : Jean Richer, 1611. – 545 fol.
42. *Les lettres de Messire de Paul de Foix, archevesque de Tolose et ambassadeur pour le Roy auprès du Pape Gregoire XIII, escrites au Roy Henry III.* – Paris : Charles Chappellain, 1628. – 652 p.
43. *Lettres de Catherine de Médicis / éd. par H. de la Ferrière-Percy, G. Baguenault de Puchesse, A. Lesort.* – Paris : Imprimerie Nationale, 1880–1943. – 11 vol.
44. *Lettres de Henri III, roi de France / rec. par P. Champion et M. François; publ. par M. François, B. Barbiche. H. Zuber, J. Boucher.* – Paris, 1959–2012. – T. I–VII.
45. *Margeret J. Estat de l’Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie.* – Paris : L. Potier, 1607. – 113 fol.
46. *Mémoires et correspondance de Duplessis-Mornay / publ. par A.-D. de La Fontenelle de Vaudoré, P.-R. Auguis.* – Paris : Treuttel et Würtz, 1824. – T. II. – 699 p.
47. *Négociations de la France dans le Levant / publ. par E. Charrière.* – Paris : Imprimerie nationale, 1848–1860. – T. I–IV.
48. *Négociations diplomatiques entre la France et l’Autriche durant les trente premières années du XVIe siècle / publ. par M. Le Glay.* – Paris : Imprimerie royale, 1845. – T. I. – 608 p.
49. RA (Riksarkivet). RR (Riksregistraturet). 1563. Jan. – Aug. supplement.
50. RA. RR. 1565. Jan. – April.
51. *Relations politiques de la France et de l’Espagne avec l’Écosse au XVIe siècle / sous la dir. de A. Teulet.* – Paris : Libraire de la Société de l’histoire de France, 1862. – T. I. Correspondance française (1515–1569). – 459 p.

52. Responsum a Francisco, Rege Galliarum, datum domino Hieronymo Laski, Oratori // Acta Tomiciana. – Poznań : Sumptibus Bibliothecae Kornicensis, 1856. – T. VI. – S. 212–214.
53. Sveriges traktater med främmande magter / udg. af O. S. Rydberg. – Stockholm : Boktryckeriet P. A. Norstedt & Soner, 1888. – Vol. 4. – 604 s.
54. Vigenère de B. La description du Royaume de Poloigne et pays adiacens avec les statuts, constitutions, mœurs et façons de faire d'iceux / B. de Vigenère. – Paris : Jean Richer, 1573. – 95 fol.
55. Zbiór pamiętników do dziejów polskich / wyd. W. S. Broel-Plater. – Warszawa : Drukarnia Gazety Codziennej, 1858. – T. 3. – 232 s.
56. Aarsberetninger fra det kongelige geheimearchiv. Indeholdende Bidrag til Dansk Historie af Utrykte Kilder / udg. af C. F. Wegener. – København : Bianco Lunos bogtrykkeri ved F. S. Muhle, 1865. – Vol. 3. – 510 s.

Литература

57. Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение / М. П. Алексеев. – Л. : Наука, 1983. – 450 с.
58. Алтухова Н. И. Русская смута и рождение французской периодики / Н. И. Алтухова, П. Ю. Уваров // Три даты трагического пятидесятилетия Европы 1598–1618–1648: Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны / отв. ред. В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. – М. : ИВИ РАН, 2018. – С. 371–381.
59. Арутюнова Ж. М. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. / Ж. М. Арутюнова, Е. В. Линькова // Вестник РУДН. История России. – 2016. – № 1. – С. 108–116.
60. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) / Н. Н. Бантыш-Каменский. – М. : Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел, 1902. – Ч. IV: Пруссия, Франция, Швеция. – 463 с.

61. Бачинский А. А. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования / А. А. Бачинский, К. Ю. Ерусалимский, Н. А. Кочековская, М. В. Моисеев // Российская история. – 2018. – № 2. – С. 111–129.
62. Бачинский А. А. Проект раздела Речи Посполитой между Россией и Священной Римской империей: Краковский столбец начала 1576 года / А. А. Бачинский, К. Ю. Ерусалимский, В. Н. Козляков, И. Шварц // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2019. – № 2. – С. 135–166.
63. Безобразов П. В. О сношениях России с Францией / П. В. Безобразов. – М. : Университетская типография, 1892. – 469 с.
64. Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. / А. В. Беляков. – СПб. : Нестор-История, 2022. – 408 с.
65. Бессуднов Д. А. *Protectores et conservatores*: ливонская политика Ягеллонов в XVI в. / Д. А. Бессуднов. – СПб. : Евразия, 2023. – 320 с.
66. Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта / М. Б. Бессуднова. – М. : Квадрига, 2015. – 448 с.
67. Бессуднова М. Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века / М. Б. Бессуднова. – СПб. : Евразия, 2021. – 480 с.
68. Бессуднова М. Б. Таллин и Нарва в контексте русско-ганзейской торговли / М. Б. Бессуднова, В. А. Якунина // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 2 (27). – С. 1–5.
69. Бисько И. А., Бисько К. Т. Французы на Русском севере / И. А. Бисько, К. Т. Бисько // Россия и Франция: 125 лет дружбы и сотрудничества. Материалы международной научной конференции. – СПб. : Российский государственный гидрометеорологический университет, 2019. – С. 186–190.
70. Боггис-Рольф К. История Балтики. От Ганзейского союза до монархий Нового времени / К. Боггис-Рольф; пер. С. И. Жабиной. – М. : КоЛибри, 2022. – 528 с.
71. Бойцов М. А. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? / М. А. Бойцов // От текста к реальности:

- (не)возможности исторических реконструкций / под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2012. – С. 162–193.
72. Боровков Д. А. Карл V Габсбург: последний император Средневековья / Д. А. Боровков. – М. : Русская панорама, 2021. – 576 с.
73. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Ф. Бродель; пер. с фр. М. А. Юсима. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – Ч. II: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – 808 с.
74. Буцан А. С. К истории русско-французского культурного диалога / А. С. Буцан // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 6 (50). – С. 90–93.
75. Валлерстайн И. Мир-система Модерна / И. Валлерстайн. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / предисл. Г. М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редакц., комм. Н. Проценко, А. Черняева. – 552 с.
76. Вебер Д. И. Предыстория герцогства Курляндского и Семигальского: возвышение Готтхарда Кеттлера во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XVI века / Д. И. Вебер // Средние века. – 2017. – Т. 78. – № 3. – С. 130–142.
77. Вебер Д. И. Эпизод из истории Балтийской торговли: импорт бумаги в Московское государство / Д. И. Вебер, Е. И. Носова // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2021. – № 1. – С. 63–76.
78. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики Французами в XVI веке / Б. Виане. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 528 с.
79. Виноградов А. В. Внутриполитическое и внешнеполитическое положение Речи Посполитой в статейных списках русских посольств в последние годы ливонской войны / А. В. Виноградов // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 10. – С. 34–41.
80. Виноградов А. В. Русское государство в системе межгосударственных договоров в 70-х – начале 80-х гг. XVI в. / А. В. Виноградов // От царства к

империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / под ред. И. С. Рыбаченка. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 11–68.

81. Виноградов А. В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века / А. В. Виноградов. – М. : Институт российской истории РАН, 2007. – 344 с.
82. Всемирная история. – М. : Наука, 2013. – Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. – 854 с.
83. Вьенно Э. Маргарита де Валуа: история женщины, история мифа / Э. Вьенно; пер. с фр. М. Ю. Некрасова, В. В. Шишкина. – СПб. : Евразия, 2012. – 528 с.
84. Граля Х. «in der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в.: планы и результаты / Х. Граля // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2014. – № 2 (16). – С. 175–193.
85. Гусарова Т. П. Трудности диалога: центральная власть и сословия на венгерский государственных собраниях в эпоху турецких войн в XVI–XVII веках / Т. П. Гусарова // *Средние века*. – 2013. – Т. 74. – № 1–2. – С. 30–65.
86. Демкова Н. С. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (по рукописям Шведского государственного архива) / Н. С. Демкова // *Труды Отдела древнерусской литературы*. – 1996. – Т. 50. – С. 488–500.
87. Дмитриева О. В. Варфоломеевская ночь и перспективы англо-французского союза / О. В. Дмитриева // *Варфоломеевская ночь: событие и споры* / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – С. 49–71.
88. Дубровский И. В. Материалы о приезде в Италию царских гонцов Истома Шевригина и Якова Молвянинова в 1581 и 1582 годах / И. В. Дубровский // *Русский сборник: Исследования по истории России*. – М. : Модест Колеров, 2021. – Т. XXX. – С. 150–443.

89. Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном / И. В. Дубровский // Русский сборник: Исследования по истории России. – М. : Модест Колеров, 2013. – Т. XIV. – С. 7–72.
90. Дюро Э. В поисках союзников: послание Генриха II Валуа Ивану IV Васильевичу / Э. Дюро, И. Шварц, В. В. Шишкин // *Quaestio Rossica*. – 2019. – Т. 7. – № 3. – С. 871–900.
91. Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М. : Политическая энциклопедия, 2013. – 335 с.
92. Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. / К. Ю. Ерусалимский. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2005. – 55 с.
93. Ерусалимский К. Ю. Миссия Ждана Квашнина в Священной Римской империи: к истории российско-имперских отношений XVI века / К. Ю. Ерусалимский, И. Шварц // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2018. – № 1. – С. 71–104.
94. Ерусалимский К. Ю. Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение Опричнины: проблемы демографии и земельной политики / К. Ю. Ерусалимский // *Российская история*. – 2017. – № 1. – С. 3–31.
95. Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой / К. Ю. Ерусалимский. – М.; СПб. : Нестор-История, 2018. – 1012 с.
96. Ерусалимский К. Ю. Республика без республиканизма: дискурсы «общего дела» в Московской Руси / К. Ю. Ерусалимский // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века* / под ред. К. А. Соловьева. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 153–265.
97. Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. / Г. Жордания. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1959. – Ч. I. – 382 с.

98. Зимин А. А. В канун грозных потрясений / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1986. – 334 с.
99. Иконников В. С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.): исторический очерк / В. С. Иконников. – М. : Типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1893. – 62 с.
100. Исаев С. А. Реформация в Европе: разновидности реформационных движений / С. А. Исаев // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 2 (18). – С. 97–122.
101. Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений / отв. ред. О. В. Волосюк. – М. : Индрик, 2018. – 928 с.
102. История Венгрии. – М. : Наука, 1971. – Т. I / отв. ред. В. П. Пушарин. – 644 с.
103. Итинерарий Карла IX Валуа (1560–1574) [Электронный ресурс] / под ред. В. В. Шишкина, С. М. Рябова. – Режим доступа: <https://charlesix.spbiiran.ru>.
104. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб. : Типография Н. Греча, 1824. – Т. X. – 457 с.
105. Керов В. Л. Две статьи о русско-французских отношениях XVI–XVII вв. / В. Л. Керов // Вопросы истории. – 1956. – № 2. – С. 183–184.
106. Керт Д. Б. Ганза в Англии. Западный вектор развития Ганзейского Союза / Д. Б. Керт. – СПб. : Евразия, 2022. – 160 с.
107. Киселев А. А. Король Густав I Ваза и Тюдоры: зарождение англо-шведских отношений [Электронный ресурс] / А. А. Киселев // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – № 1 (99). – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840013514-4-1/>.
108. Клибанов А. И. У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е гг. XV–XVI вв.) / А. И. Клибанов // Вопросы истории. – 1987. – № 3. – С. 45–59.
109. Князь Михаил Юрьев сын Лыков-Оболенский [Электронный ресурс] // Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного / под ред. А. Л. Корзинина, А. А. Селина, Н. В. Штыкова. – Режим доступа: <https://russian-court.spbu.ru/component/fabrik/details/1/6755>.

110. Коваленко Г. М. Шведское посольство в Московию 1569–1572 гг. / Г. М. Коваленко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 32–35.
111. Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) / В. Н. Козулин // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 2 (90). – С. 78–86;
112. Колпаков М. Ю. Английские и французские источники XVI–XVII вв. о Псковской земле / М. Ю. Колпаков, Д. В. Михеев // Метаморфозы истории. – 2019. – № 13. – С. 81–106.
113. Колпаков М. Ю. Псковская земля и Ливонская война в описаниях французских авторов второй половины XVI в. / М. Ю. Колпаков // Псковский военно-исторический вестник. – 2017. – № 3. – С. 30–35.
114. Колпаков М. Ю. Экономика Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени / М. Ю. Колпаков, Д. В. Михеев // Манускрипт. – 2019. – № 2. – С. 27–31.
115. Коноплянко К. С. Генезис анабаптизма в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском в 1550–1560 годах / К. С. Коноплянко // Славяноведение. – 2021. – № 2. – С. 8–25.
116. Конрад С. Что такое глобальная история? / С. Конрад; пер. с англ. А. Степанова. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 312 с.
117. Корзинин А. Л. Государев двор России и королевский двор Франции в XIV–XVI вв.: сравнение несравнимого? / А. Л. Корзинин, В. В. Шишкин // Canadian-American Slavic Studies. – 2016. – Vol. 50. – № 4. – P. 399–438.
118. Костомаров Н. И. Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. – Смоленск : Русич, 2011. – 512 с.
119. Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла: сообщение о Варфоломеевской резне / Д. Крузе // Варфоломеевская ночь: событие и споры / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – С. 102–137.

120. Кудрявцев О. Ф. «Kayser vnnd herscher aller Rewssen»: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах первой трети XVI в. / О. Ф. Кудрявцев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 1 (63). – С. 41–55.
121. Лахман Р. Государства и власть / Р. Лахман; пер. с англ. М. Дондуковского; под научн. ред. И. Чубарова. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 352 с.
122. Лемонье А. Борьба между Франциском I и Карлом V (1519–1547) / А. Лемонье; пер. с фр. М. Ю. Некрасова; под ред. В. В. Шишкина. – СПб. : Евразия, 2023. – 256 с.
123. Ливе Ж. Религиозные войны / Ж. Ливе; пер. с фр. Г. Мирошниченко. – М. : АСТ, 2004. – 160 с.
124. Лихачев Н. П. Антоний Поссевин и Истома Шевригин / Н. П. Лихачев. – СПб. : Типография А. Проховщикова, 1900. – 22 с.
125. Лобин А. Н. Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста / А. Н. Лобин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2013. – № 1. – С. 130–141.
126. Лобин А. Н. Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. из собрания исторического Кенигсбергского секретного архива / А. Н. Лобин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2012. – № 1. – С. 141–152.
127. Лобин А. Н. Смоленская война 1512–1522 гг. / А. Н. Лобин. – М. : Фонд «Русские витязи», 2022. – 224 с.
128. Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских посольских делах XVI в. / Я. С. Лурье // Вопросы истории, религии и атеизма. – 1958. – № 6. – С. 216–230.
129. Любович Н. Н. История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарианцы (по неизданным источникам) / Н. Н. Любович. – Варшава : Типография Земкевича и Ноаковского, 1883. – 348 с.
130. Магилина И. В. Антитурецкая коалиция как инструмент восточной политики Московского государства / И. В. Магилина // Вестник

- Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 69–77.
131. Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития / Д. В. Мазарчук // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2021. – Т. 66. – № 3. – С. 283–292.
132. Малов В. Н. Франция в России. Судьбы старых документов XVI–XVIII веков / В. Н. Малов. – М. : Издательство «Весь мир», 2019. – 304 с.
133. Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф. Ф. Мартенс. – СПб. : Типография Министерства Путей Сообщения, 1902. – Т. XIII. – 441 с.
134. Матасова Т. А. Кречеты для Московского герцога, или что дарили русские князья итальянским правителям в XV веке? / Т. А. Матасова // Родина. – 2011. – № 12. – С. 64–66.
135. Матасова Т. А. Софья Палеолог / Т. А. Матасова. – М. : Молодая гвардия, 2017. – 301 с.
136. Моисеев М. В. Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного / М. В. Моисеев, К. Ю. Ерусалимский // Адам&Ева. Альманах гендерной истории. – М. : ИВИ РАН, 2017. – Вып. 25. С. 120–141.
137. Невилл К. Искусство и культура Скандинавской Центральной Европы. 1550–1720 / К. Невилл; пер. с англ. О. Ермаковой. – СПб. : Библиороссика, 2023. – 388 с.
138. Никитин А. Россия и Сорбонна / А. Никитин // Христианское чтение. – 2010. – № 3. – С. 46–72.
139. Новицкий Г. А. Вопросы торговли в русско-шведских отношениях XVI в. / Г. А. Новицкий // Скандинавский сборник. – 1957. – № 2. – С. 38–46.
140. Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582). Историко-критическое исследование / В. Новодворский. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904. – 360 с.

141. Опарина Т. А. Фаренсбах Юрген // Немцы России / под ред. О. Кубицкой. – М. : Общественная Академия наук российских немцев, 2006. – Т. 3. – С. 629.
142. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. – М. : Издательство восточной литературы, 1960. – 195 с.
143. Опись архива Посольского приказа 1626 г. / под ред. С. О. Шмидта. – М. : Центральный архив древних актов, 1977. – 528 с.
144. Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. / В. В. Пенской. – М. : Центрполиграф, 2022. – 255 с.
145. Петтигри Э. Изобретение новостей. Как мир узнал о самом себе / Э. Петтигри; пер. с англ. А. Громченко, Е. Ивановой. – М. : АСТ, 2021. – 496 с.
146. Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках / С. Ф. Платонов. – Л. : Сеятель, 1925. – 150 с.
147. Попович А. И. «Изображая жертву»: пафос обличения и мученичества в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского / А. И. Попович // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 67–98.
148. Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию / В. Д. Преображенский // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. – 1945. – Вып. VII. История. 1945. – С. 1–61.
149. Прескотт У. История правления Филиппа II, короля Испании: в 6 ч. / У. Прескотт; пер. с англ. Н. И. Тимошенко. – М. : Принципиум, 2023–2024.
150. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648 / А. Ю. Прокопьев. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – 483 с.
151. Ревуненкова Н. В. Жан Кальвин. Теология и религиозно-общественная мысль XVI века / Н. В. Ревуненкова. – СПб. : ИПЦ СПбГУТД, 2012. – 264 с.

152. Рогожин Н. М. Посольские книги XVI–XVII вв. (состав и содержание, историография и публикации) / Н. М. Рогожин // Российская история. – 2018. – № 3. – С. 87–102.
153. Рябов С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов / С. М. Рябов // Средние века. – 2022. – Т. 83. – № 1. – С. 164–181.
154. Рябов С. М. Бумаги и итинерарии Франсуа де Валуа: на пути к изучению истории мифа [Электронный ресурс] / С. М. Рябов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Вып. 3 (125). – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840024976-2-1/>.
155. Рябов С. М. Варфоломеевская ночь 1572 г. глазами Ивана Грозного: в поисках идеала христианского правления / С. М. Рябов, А. И. Попович // Герменевтика древнерусской литературы. М. : ИМЛИ РАН, 2023. – Сб. 22. – С. 492–514.
156. Рябов С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике при Иване Грозном / С. М. Рябов // *Quaestio Rossica*. – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 1485–1498.
157. Рябов С. М. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа: новый источник по истории Балтийских войн / С. М. Рябов // *Quaestio Rossica*. – 2023. – Т. 11. – № 3. – С. 901–917.
158. Рябов С. М. Русско-французская торговля на Балтике в условиях шведской блокады «нарвского плавания» в 1570-е годы // *RussianStudiesHu*. – 2024. – Vol. 6. – № 1. – P. 47–67.
159. Рябов С. М. Французские известия о приезде в Италию гонцов Ивана IV Истомы Шевригина и Якова Молвянинова в 1581 и 1582 годах / С. М. Рябов // Средние века. – 2023. – Т. 84. – № 1. – С. 101–124.
160. Самотовинский Д. В. «Другой» между варварством и цивилизацией: москвиты во «Всеобщей истории мира» Франсуа де Бельфорэ (1570) / Д. В.

- Самотовинский // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – Вып. 4. – № 2. – С. 154–160.
161. Самотовинский Д. В. «Тирания» или «законная монархия»? Политические порядки Московии во французской этнографической, политической и исторической литературе эпохи Религиозных войн / Д. В. Самотовинский // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Т. 5. – Вып. 2. – С. 142–150.
162. Самотовинский Д. В. Благочестивые варвары под властью тиранов: москвиты во «Всеобщей космографии» Андрэ Тевэ (1575 год) / Д. В. Самотовинский // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2014. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 25–32.
163. Селарт А. Иван Грозный, кайзер ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии / А. Селарт // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2013. – № 2 (14). – С. 180–197.
164. Селин А. А. Антикатолическая риторика в диалоге Москвы и Стокгольма накануне Выборгского договора 1609 г. / А. А. Селин // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы XVII ежегодной научной конференции / отв. ред. Я. А. Васильев. – Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. – С. 3–9.
165. Серегина А. Ю. Британия или Испанская империя: наследование английского престола в XVI веке / А. Ю. Серегина // *Средине века*. – 2012. – № 1–2. – С. 92–112.
166. Симонетта М. Екатерина Медичи. История семейной мести. Ренессанс в Италии / М. Симонетта; пер. с ит. И. А. Зверевой. – М. : СЛОВО, 2022. – 272 с.
167. Смирнова В. Е. Что интересного увидел в России XVI в. французский путешественник Жан Соваж? / В. Е. Смирнова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 73–79.

168. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – СПб. : Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. – Кн. 2. – Т. VI–X. – 1726 стб.
169. Тернбулл С. Искусство войны эпохи Ренессанса. От падения Константинополя до Тридцатилетней войны / С. Тернбулл. – М. : Клио, 2021. – 344 с.
170. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М. : Издательство Государственного университета «Высшая школа экономики» (ГУ ВШЭ), 2011. – 416 с.
171. Толстиков А. В. «Холоп государю не брат»: шведско-русский дипломатический спор XVI века / А. В. Толстиков // Чело. – 2000. – № 2 (18). – С. 36–40.
172. Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593 / Ю. В. Толстой. – СПб. : Типография А. Траншеля, 1875. – 563 с.
173. Тураева-Церетели Е. Французская генеалогия XVI–XVII вв. о русских государях / Е. Тураева-Церетели // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. – СПб. : Типография Главного управления уделов, 1911. – С. 81–95.
174. Уикхем К. Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации / К. Уикхем; пер. с англ. М. Десятовой; науч. ред. С. Мереминский. – М. : Альпина нон-фикшн, 2020. – 536 с.
175. Филюшкин А. И. Василий III / А. И. Филюшкин. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 346 с.
176. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 880 с.
177. Филюшкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) / А. И. Филюшкин // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – № 2. – С. 292–398.

178. Филюшкин А. И. Осады Ревеля 1570–1571 и 1577 гг. [Электронный ресурс] / А. И. Филюшкин // «Балтийский путь» от Александра Невского до Ивана Грозного. Борьба России за Балтику. Виртуальный путеводитель по местам памяти. – Режим доступа: <https://baltic-way.spbu.ru/ru/trips/43-marshruty-livonskoj-vojny/397-osady-revelya-ru.html>.
179. Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 320 с.
180. Филюшкин А. И. Проект «Русская Ливония» / А. И. Филюшкин // *Quaestio Rossica*. – 2014. – Т. 2. – № 2. – С. 94–111.
181. Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 годов / А. И. Филюшкин // *История военного дела: исследования и источники*. – 2014. – № 2. – С. 219–289.
182. Филюшкин А. И. Экономический аспект борьбы за Ливонию в XVI веке: данные источников и стереотипы историографии / А. И. Филюшкин // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. – 2019. – № 5 (23). – С. 1–4.
183. Флоря Б. Н. Иван Грозный – претендент на польскую корону / Б. Н. Флоря // *Исторический архив*. – 1992. – № 1. – С. 173–182.
184. Флоря Б. Н. Иван Грозный / Б. Н. Флоря. – М. : Академический проект, 2019. – 421 с.
185. Флоря Б. Н. Планы созыва в Польше середины XVI века «*consilium nationale*» и французский пример (памяти В. Н. Малова) / Б. Н. Флоря // *Средние века*. – 2020. – Т. 81. – № 1. – С. 116–126.
186. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. / Б. Н. Флоря. – М. : Наука, 1978. – 302 с.
187. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648) / Г. В. Форстен. – СПб. : Типография В. С. Балашева и К°, 1893. – 642 с.

188. Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях / Г. В. Форстен. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1884. – 620 с.
189. Фрида Л. Екатерина Медичи / Л. Фрида. – М. : АСТ, 2012. – 576 с.
190. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1980. – 294 с.
191. Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога / Т. В. Черникова. – М. : Академический проект, 2019. – 438 с.
192. Шаскольский И. П. Политическая борьба во второй половине XVI века / И. П. Шаскольский // История Швеции / отв. ред. А. С. Кан. – М. : Наука, 1974. – С. 163–165.
193. Шевалье П. Генрих III. Шекспировский король / П. Шевалье; пер. с фр. Е. Хохловой. – М. : Терра, 1997. – 848 с.
194. Шишкин В. В. Анна Ярославна во французской литературе эпохи Возрождения (вторая половина XV–XVI в.). Рождение Анны Русской / В. В. Шишкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2021. – № 3 (85). – С. 60–74.
195. Шишкин В. В. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии / В. В. Шишкин // *Quaestio Rossica*. – 2020. – Т. 8. – № 3. – С. 939–962.
196. Шишкин В. В. Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559–1574) (по материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге) / В. В. Шишкин // *Средние века*. – 2015. – Т. 76. – № 1–2. – С. 222–239.
197. Шишкин В. В. Маргарита де Валуа. Путь к кровавой свадьбе / В. В. Шишкин // *Варфоломеевская ночь: событие и споры* / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – С. 31–48.
198. Шишкин В. В. Переписка немецких князей с французским двором во время Религиозных войн XVI века (по материалам из Российской национальной

- библиотеки) / В. В. Шишкин // Средние века. – 2016. – Т. 77. – № 3–4. – С. 378–392.
199. Шишкин В. В. Сравнительные итинерарии Карла IX Валуа и Екатерины Медичи в 1561–1574 гг. / В. В. Шишкин // Средние века. – 2022. – Т. 83. – № 2. – С. 108–126.
200. Шишкин В. В. Средневековая Франция (V–XVI вв.) / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2019. – 96 с.
201. Шишкин В. В. Франко-португальская дипломатическая корреспонденция в 1550-х – 1570-х гг. (на основе автографов из Санкт-Петербурга) / В. В. Шишкин // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2018. – № 11. – С. 177–197.
202. Шишкин В. В. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках / В. В. Шишкин, И. Шварц. – СПб. : Наука, 2021. – 310 с.
203. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории / Е. Ф. Шмурло. – СПб. : Алетея, 1999. – Т. II. Русь и Литва. – 442 с.
204. Щеглов А. Д. Проект договора об унии Швеции, Дании и Норвегии от 1436 года (по рукописи из Российской национальной библиотеки) / А. Д. Щеглов // Средние века. – 2019. – Т. 80. – № 2. – С. 116–137.
205. Эрланже Ф. Резня в ночь на святого Варфоломея / Ф. Эрланже; пер. с фр. Т. В. Усовой; под общ. ред. В. В. Шишкина. – СПб. : Евразия, 2002. – 320 с.
206. Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570 / А. Н. Янушкевич. – М. : Квадрига, 2013. – 384 с.
207. Adams S. Elizabeth I's Former Tutor Reports on the Parliament of 1559: Johannes Spithovius to the Chancellor of Denmark, 27 February 1559 / S. Adams, D. S. Gehring // The English Historical Review. – 2013. – Vol. 128. – № 530. – P. 35–54.
208. Ahnlund N. Hans Larsson (Björnram) / N. Ahnlund // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm : Bonniers, 1924. – Bd. 4. – S. 656–661.
209. Andersson I. Erik XIV / I. Andersson. – Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1963. – 242 s.

210. Anquetil L.-P. Histoire de France / L.-P. Anquetil. – Paris : Madame Veuve Desbleds, 1845. – T. II. – 476 p.
211. Anthiaume A. Cartes marines, constructions navales, voyage de découverte chez les Normands, 1500–1650 / A. Anthiaume. – Paris : Ernest Dumont, 1916. – T. I. – 567 p.
212. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade: 1500–1650 / A. Attman. – Göteborg : Institute of Economic History of Gothenburg University, 1973. – 232 p.
213. Baranowski I. Przemysł polski w XVI wieku / I. Baranowski. – Warszawa : Wydawnictwo M. Arcta, 1919. – 192 s.
214. Baudouin F. Metropolis of the Arts / F. Baudouin // Antwerp's Golden Age: The Metropolis of the West in the 16th and 17th Centuries. – Antwerp : Smithsonian Institution, 1973. – P. 23–33.
215. Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle / L. Bély. – Paris : Presses Universitaires de France, 2007. – 745 p.
216. Benesch O. The Art of the Renaissance in Northern Europe / O. Benesch. – Leicester : Phaidon, 1965. – 216 p.
217. Boczar M. L. Nie znana korespondencja Zygmunta Augusta z dożą Wenecji Pietrem Loredanem w sprawie budowy galeony / M. L. Boczar // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 1970. – T. 15. – № 2. – S. 343–351.
218. Bodniak S. Komisja morska Zygmunta Augusta / S. Bodniak. – Gdańsk : Towarzystwo Przyjaciół Nauki i Sztuki w Gdańsku, 1931. – 25 s.
219. Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona / S. Bodniak. – Kórnik : Fundacja Zakłady Kórnickie, 1946. – 246 s.
220. Bouchard E. Notice biographique sur Blaise de Vigenère / E. Bouchard // Bulletin de la société d'émulation du département de l'Allier. – 1861. – T. VIII. – P. 196–212.
221. Bourrilly V.-L. Antonio Rincon et la politique orientale de François Ier (1522–1541) / V.-L. Bourrilly // Revue Historique. – 1913. – T. 113. – P. 64–83.

222. Boutier J. Un Tour de France royal. Le Voyage de Charles IX (1564–1566) / J. Boutier, A. Dewerpe, D. Nordman. – Paris : Aubier, 1984. – 409 p.
223. Bregnsbo M. Til venstre hånd. Danske kongers elskerinder / M. Bregnsbo. – København : Gyldendal, 2010. – 304 s.
224. Cederström R. De svenska riksregalierna och kungliga värdighetstecknen / R. Cederström. – Stockholm : Kungliga livrustkammaren, 1942. – 351 s.
225. Champion P. Catherine de Médicis présente à Charles IX son royaume, 1564–1566 / P. Champion. – Paris : Grasset, 1937. – 489 p.
226. Champion P. Henri III, roi de Pologne (1573–1574) / P. Champion. – Paris : Grasset, 1943. – 323 p.
227. Chatenet M. La cour de France au XVIe siècle. Vie sociale et architecture / M. Chatenet. – Paris : Picard, 2022. – 387 p.
228. Chichkine V. Mirage d'une alliance. Les relations franco-portugaises dans les collections manuscrites de Saint-Pétersbourg (1557–1572) / V. Chichkine // Histoire, économie et société. – 2021. – № 1. – P. 38–55.
229. Coornaert É. Les échanges de la France avec l'Allemagne et les pays du Nord au XVIe siècle / É. Coornaert // Revue d'histoire économique et sociale. – 1957. – Vol. 35. – № 3. – P. 241–254.
230. Crouzet D. La nuit de la Saint-Barthélemy. Un rêve perdu de la Renaissance / D. Crouzet. – Paris : Fayard, 1994. – 657 p.
231. Czołowski A. Marynarka w Polsce: szkic historyczny / A. Czołowski. – Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1922. – 199 s.
232. Dardel P. Les relations maritimes et commerciales entre la France, notamment les ports de Rouen et du Havre, et les ports de la mer Baltique, de 1497 à 1783 / P. Dardel // Annales de Normandie. – 1969. – № 1. – P. 29–57.
233. Daussy H. Duplessis-Mornay, Languet et Danzay en guerre contre les théologiens / H. Daussy // L'Humaniste, le Protestant et le Clerc. – 2003. – № 18. – P. 93–103.
234. Daussy H. Le partie Huguenot. Chronique d'une désillusion (1557–1572) / H. Daussy. – Genève : Droz, 2014. – 882 p.

235. Daussy H. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) / H. Daussy // Религия. Церковь. Общество. – 2015. – № 4. – С. 198–227.
236. Debbagi-Baranova T. À coups de libelles. Une culture politique au temps des guerres de Religion (1562–1598) / T. Debbagi-Baranova. – Genève : Droz, 2012. – 520 p.
237. Dehn-Nielsen H. Danske kongers friller og elskerinder. Om majestæternes smag eller mangel på samme / H. Dehn-Nielsen. – København : Holkenfeldt, 2007. – 151 s.
238. Delavaud L. Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle / L. Delavaud. – Rouen : Imprimerie E. Gagniard, 1911. – 110 p.
239. Desan Ph. Montaigne. A Life / Ph. Desan. – Princeton : Princeton University Press, 2017. – 832 p.
240. Doran S. Elizabeth I and Foreign Policy 1558–1603 / S. Doran. – London : Routledge, 2000. – 96 p.
241. Dubas-Urwanowicz E. Henri de Valois dans l'opinion de la noblesse polonaise / E. Dubas-Urwanowicz // Henri III et son temps / sous la dir. de R. Sauzet. – P. : Vrin, 1992. – P. 87–92.
242. Dunning Ch. S. L. Quand les Français redécouvrent la Russie / Ch. S. L. Dunning // Revue historique. – 1984. – T. 272. – P. 331–351.
243. Duquenne F. L'entreprise du Duc d'Anjou aux Pays-Bas de 1580 à 1584: les responsabilités d'un échec à partager / F. Duquenne. – Villeneuve-d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 1998. – 296 p.
244. Dybrowska A. Niektóre kromeriana ze zbiorów watykańskich / A. Dybrowska // Studia Warmińskie. – 1989. – T. XXVI. – S. 165–193.
245. Ericson L. Johan III: en biografi / L. Ericson. – Lund : Historiska Media, 2006. – 415 s.

246. Eriksson B. Erik Sparre [Электронный ресурс] / B. Eriksson // Svenskt biografiskt lexicon. – Режим доступа: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=6186&forceOrdinarySite=true>.
247. Favre L. Histoire de la ville de Niort depuis son origine jusqu'en 1789 / L. Favre. – Niort : Typographie de L. Favre, 1880. – 498 p.
248. Gaffarel P. Le capitaine Peyrot Monluc / P. Gaffarel // Revue Historique. – 1879. – T. 9. – № 2. – P. 273–332.
249. Harrison D. Kalmars historia. Den begravda staden – medeltid och renässans / D. Harrison. – Lund : Svenska Historiska Media Förlag, 2017. – 330 s.
250. Haumant E. La culture française en Russie (1700–1900) / E. Haumant. – Paris : Librairie Hachette et Compagnie, 1910. – 590 p.
251. Hauser H. Un Français dans la Baltique au XVIe siècle: Charles de Danzay / H. Hauser // La Pologne et la Baltique. Conférences données à la Bibliothèque polonaise de Paris. – Paris : Gebethner et Wolff, 1931. – P. 13–33.
252. Heckscher E. F. An Economic History of Sweden / E. F. Heckscher. – Cambridge : Harvard University Press, 1954. – 350 p.
253. Heiberg S. En ny begyndelse. Europas kulturhistorie i middelalderen / S. Heiberg. – København : Gads Forlag, 2008. – 528 s.
254. Heise A. Peder Bille / A. Heise // Dansk biografisk lexikon / udg. af. C. F. Bricka. – Kjøbenhavn : Graebes bogtrykkeri, 1888. – Bd. II: Beccau–Brandis. – S. 240–241.
255. Hildebrand K. Johan III och Europas katolska makter 1568–1580 / K. Hildebrand. – Uppsala : Nabu Press, 1898. – 362 s.
256. Histoire de la ville et de tout le diocèse de Paris / éd. l'abbé Lebeuf. – Paris : Auguste Durand, 1863. – T. 1. – 467 p.
257. Histoire et dictionnaire des guerres de religion (1559–1598) / éd. par A. Jouanna, J. Boucher, D. Biloghi, G. Le Thiec. – Paris : Robert Laffont, 1998. – 1520 p.
258. Hjärne H. Svensk-ryska förhandlingar 1564–72: Erik XIV:s ryska förbundsplaner / H. Hjärne. – Uppsala : Almqvist & Wiksell, 1897. – 129 s.

259. Holt M. P. *The Duke of Anjou and the Politique Struggle during the Wars of Religion* / M. P. Holt. – London : Cambridge University Press, 1986. – 260 p.
260. Jeannin P. *L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe* / P. Jeannin // *Annales. Économies, sociétés, civilisations*. – 1954. – № 1. – P. 23–43.
261. Jensen F. P. *Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570* / F. P. Jensen. – København : Den danske historiske forening, 1982. – 372 s.
262. Kąkolewski I. *Melancholia władzy. Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia* / I. Kąkolewski. – Warszawa : Neriton, 2007. – 481 s.
263. Karlsson M. *Three letters of proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England: Edited with Introduction* / M. Karlsson // *Humanistica Lovaniensia*. – 2009. – Vol. 58. – P. 81–101.
264. Kirby D. *Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772* / D. Kirby. – New York : Routledge, 2013. – 456 p.
265. Kirchner W. *England and Denmark, 1558–1588* / W. Kirchner // *The Journal of Modern History*. – 1945. – Vol. 17. – № 1. – P. 1–15.
266. Kirchner W. *Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650)* / W. Kirchner // *Revue historique*. – 1949. – T. 102. – P. 161–183.
267. Kivimäe J. *Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West* / J. Kivimäe // *Narva und die Ostseeregion: Beiträge der II. Internationalen Konferenz über die politischen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und der Ostseeregion*. – Narva : TÜ Narva Kollidž, 2004. – S. 17–28
268. Knecht R. J. *Hero or Tyrant? Henri III, King of France, 1574–1589*. – Farnham : Ashgate, 2014. – 356 p.
269. Kociszewska E. *La Pologne, un don maternel de Catherine de Médicis? La cérémonie de la remise du Decretum electionis à Henri de Valois* / E. Kociszewska // *Le Moyen Age*. – 2011. – № 3. – P. 561–575.
270. Korolko M. *Poczet sekretarzy królewskich Zygmunta Augusta, 1548–1572* / M. Korolko // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. – 1986. – T. XXXI. – S. 45–84.

271. Kouri E. I. For True Faith or National Interest? Queen Elizabeth I and the Protestant Powers / E. I. Kouri // *Politics and Society in Reformation Europe* / ed. by E. I. Kouri, T. Scott. – London : Springer, 1987. – P. 411–436.
272. Kreem J. Stadt und Landesherr als Geschäftspartner. Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval / J. Kreem // *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar*. – Lüneburg : Carl-Schirren-Gesellschaft, 2003. – S. 93–112.
273. Krieger A. Philipp II., Markgraf von Baden-Baden / A. Krieger // *Allgemeine Deutsche Biographie*. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1887. – Bd. 25. – S. 759–761.
274. Labourdette J.-F. Charles IX, un roi dans la tourmente des guerres civiles (1560–1574) / J.-F. Labourdette. – Paris : H. Champion, 2018. – 566 p.
275. Landberg G. Dionysius Beurræus. Diplomat, Hovman, Läkare, Riksråd [Электронный ресурс] / G. Landberg // *Svenskt biografiskt lexicon*. – Режим доступа: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/mobil/Artikel/18140>.
276. Lapointe M. Stratégies diplomatiques dans la correspondance du Duc d'Anjou, futur Henri III, de la fuite de Pologne au couronnement en France (1574–1575) / M. Lapointe // «Des bruits courent»: rumeurs et propagande au temps des Valois. – P. : Hermann, 2017. – P. 221–233.
277. Lavery J. Germany's Northern Challenge. The Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563–1576 / J. Lavery. – Boston : Brill, 2002. – 184 p.
278. Le Glay A. Les origines historiques de l'alliance franco-russe / A. Le Glay. – Paris : Honoré Champion, 1897. – 302 p.
279. Le Grand Tour de Charles IX et Catherine de Médicis, 1564–1566 [Электронный ресурс] / sous la dir. de P. Gambette, C. Trotot, C. zum Kolk. – Режим доступа: <https://citedesdames.github.io/de-ville-en-ville>.
280. Le Roux N. Associations nobiliaires et processus de recomposition: les avatars de l'entourage de François, duc d'Anjou (1555–1584) / N. Le Roux // *Liens*

- personnels, réseaux, solidarités en France et dans les îles Britanniques (XIe–XXe siècle) / éd. par D. Bates, V. Gazeau. – Paris : Éditions de la Sorbonne, 2006. – P. 169–197.
281. Lepszy C. La Pologne et la souveraineté sur la Baltique au milieu du XVIe siècle / C. Lepszy // *Revue d'histoire économique et sociale*. – 1962. – Vol. 40. – N° 1. – P. 32–47.
282. Lesure M. Les Relations franco-ottomanes à l'épreuve des guerres de Religion (1560–1594) / M. Lesure // *L'Empire ottoman, la république de Turquie et la France* / éd. par H. Batu, J.-L. Bacqué-Grammont. – Paris : Association pour le développement des études turques, 1986. – P. 37–57.
283. Liechtenhan F.-D. Les découvreurs de la Moscovie: l'appréhension des observateurs occidentaux face à la montée de Moscou / F.-D. Liechtenhan // *Histoire, économie et société*. – 1989. – N° 4. – P. 483–506.
284. Lockhart P. D. Frederik II and the Protestant Cause. Denmark's Role in the Wars of Religion, 1559–1596 / P. D. Lockhart. – Leiden; Boston : Brill, 2004. – 350 p.
285. López de Meneses A. Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) / A. López de Meneses // *Bulletin Hispanique*. – 1946. – T. 38. – N° 3. – P. 210–226.
286. Lucio S. Madère ou l'île façonnée par les rencontres (XVe–XVIIIe siècle) / S. Lucio // *Hypothèses*. – 2021. – N° 1 (22). – P. 291–302.
287. MacMahon L. The Ambassadors of Henry VIII: The Personnel of English Diplomacy, 1500–1550 / L. MacMahon. – Kent : University of Kent at Canterbury, 1999. – 364 p.
288. Malov V. N. Les archives d'un secrétaire d'Etat de Henri II retrouvées à Moscou / V. N. Malov // *Bibliothèque de l'École des chartes*. – 1977. – N° 2. – P. 313–339.
289. Małowist M. Les produits des pays de la Baltique dans le commerce international au XVIe siècle / M. Małowist // *Revue du Nord*. – 1960. – T. 42. – N° 166. – P. 175–206.

290. Małowist M. *Wschód a Zachód Europy w XIII–XVI wieku: konfrontacja struktur społeczno-gospodarczych* / M. Małowist. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2006. – 439 s.
291. Marañón G. *El conde-duque de Olivares. La pasión de Mandar* / G. Marañón. – Madrid : Espasa-Calpe, 1992. – 658 p.
292. Mervaud M. *Un normand en Russie au XVIe siècle. Le voyage du Dieppois Jehan Sauvage* / M. Mervaud // *Études Normandes*. – 1986. – № 2. – P. 38–52.
293. Mignet F.-A.-M.-A. *Une élection à l'Empire en 1519* / F.-A.-M.-A. Mignet // *Revue des Deux Mondes*. – 1854. – T. 5. – P. 208–254.
294. Miskimin H. A. *The Economy of Later Renaissance Europe 1460–1600* / H. A. Miskimin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 236 p.
295. Mollat M. *Le commerce maritime normand à la fin du Moyen Âge: étude d'histoire économique et sociale* / M. Mollat. – Paris : Pion, 1952. – 617 p.
296. Mund S. *Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance* / S. Mund. – Genève : Droz, 2003. – 598 p.
297. Nevejans P. *Le prince et le diplomate: étude de la réception diplomatique dans l'Europe de la Renaissance* / P. Nevejans. – Lyon : Université Jean Moulin Lyon III, 2015. – 467 p.
298. Ödberg F. *Om Anders Lorichs, k. Johan III:s ständige Legat i Polen, och hans tid (1569–1584). Bidrag till svenska diplomatiens och den katolska reaktionens historia* / F. Ödberg. – Skara : Pettersonska Boktryckeriet, 1893. – 123 s.
299. Ödberg F. *Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575* / F. Ödberg. – Stockholm : C. E. Fritze, 1897. – 284 s.
300. Odelberg W. *Charles de Mornay et la cour de Suède* / W. Odelberg // *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français*. – 1952. – Vol. 99. – P. 21–31.
301. Pálffy G. *The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century* / G. Pálffy. – New York : East European Monographs, 2009. – 406 p.

302. Paris L. La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France / L. Paris. – Paris : Heideloff et campé, 1834. – T. I. – 450 p.
303. Parve A. Jürgen Farensbach (1551/52–1602). Ühe Eestima pãritolu vãepealiku sõjateest / A. Parve // Kaitsevãe Ühendatud Õppeasutuste toimetised. – 2007. – № 8. – Lk. 127–165.
304. Pelus-Kaplan M.-L. «Mourir pour Danzig»? L'importance du grand port polonais pour le royaume de France à l'époque moderne / M-L. Pelus-Kaplan // Expériences de la guerres et pratiques de la paix de l'Antiquité au XXe siècle / sous la dir. de G. Saupin, É. Schnakenbourg. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2019. – P. 117–133.
305. Pelus-Kaplan M.-L. La Prusse orientale dans le commerce baltique au XVIe siècle / M-L. Pelus-Kaplan // Histoire, économie & société. – 2013. – № 2. – P. 39–49.
306. Pierling P. Papes et tsars (1547–1597) / P. Pierling. – Paris : Retaux-Bray, 1890. – 514 p.
307. Pingaud L. Les Français en Russie et les russes en France / L. Pingaud. – Paris : Perrin et Compagnie, 1886. – 482 p.
308. Piwnicki G. Polska polityka morska za panowania ostatnich dwóch Jagiellonów i jej pokłosie / G. Piwnicki, A. Klein // Studia Gdańskie. – 2012. – T. XXXI. – S. 225–244.
309. Pociecha W. K. A. Poselstwo Andrzeja Jakubowskiego do Francji w roku 1547 i pierwsza misja Jana Monluca w Polsce / W. K. A. Pociecha // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – Warszawa : Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1960. – T. V. – S. 75–107.
310. Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. by D. Frigo. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 272 p.
311. Porras S. Art of the Northern Renaissance: Courts, Commerce and Devotion / S. Porras. – London : Laurence King Publishing, 2018. – 240 p.

312. Rambaud A. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / A. Rambaud. – Paris : Ancienne librairie Germer Baillièrre et Compagnie, 1890. – T. I: Russie. – 500 p.
313. Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark / A. Richard. – Poitiers : Imprimerie de Blais et Roy, 1910. – 246 p.
314. Richardson G. J. England and France in the Sixteenth Century / G. J. Richardson // *History Compass*. – 2008. – Vol. 6. – № 2. – P. 510–528.
315. Roberts M. The Swedish Imperial Experience (1560–1718) / M. Roberts. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 172 p.
316. Romier L. Catholiques et Huguenots à la cour de Charles IX / L. Romier. – Paris : Perrin, 1924. – 355 p.
317. Rørdam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVIe siècle / H. F. Rørdam // *Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897*. – Copenhague : Imprimerie de F. Dreyer, 1898. – P. 619–668.
318. Rosenberg J. Isaac Deutscher and the Lost History of International Relations / J. Rosenberg // *New Left Review*. – 1996. – № 215. – P. 3–15
319. Rosenberg J. The Empire of Civil Society. A Critique of the Realist Theory of International Relations / J. Rosenberg. – London : Verso, 1994. – 236 p.
320. Sarazin M. Blaise de Vigenère, Bourbonnais. Introduction à la vie et à l'œuvre d'un écrivain de la Renaissance / M. Sarazin. – Charroux : Éditions des Cahiers Bourbonnais, 1996. – 112 p.
321. Scammell G. V. The World encompassed. The first European maritime empires. 800–1650 / G. V. Scammell. – Los Angeles : University of California Press, 1981. – 538 p.
322. Schmidt B. Les relations consulaires entre les villes hanséatiques et la France (XVIe–XVIIIe siècles) / B. Schmidt // *La fonction consulaire à l'époque moderne. L'affirmation d'une institution économique et politique (1500–1800)* / éd. par J.

- Ulbert, G. *Le Bouëdec*. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2006. – P. 211–258.
323. Schnakenbourg É. *L'aube des relations diplomatiques franco-russe: les ambassades moscovites en France au XVIIe siècle* / É. Schnakenbourg // *La France et la Russie: regards diplomatiques (XVIIe–XXIe siècle)* / sous la dir. de L. Jalabert. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2012. – P. 11–33.
324. Serwański M. *Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta* / M. Serwański // *Kwartalnik Historyczny*. – 1974. – T. 81. – S. 251–266.
325. Setton K. M. *The Papacy and the Levant (1204–1571)* / K. M. Setton. – Philadelphia : The American Philosophical Society Press, 1984. – Vol. III: *The Sixteenth Century to the Reign of Julius III*. – 564 p.
326. Solnon J.-F. *La cour de France* / J.-F. Solnon. – Paris : LGF, 1996. – 733 p.
327. Spórna M. *Słownik władców Polski i pretendentów do tronu polskiego* / M. Spórna, P. Wierzbicki; pod red. E. Wygonik. – Kraków : Zielona Sowa, 2003. – 555 s.
328. Spruyt H. *The Sovereign State and Its Competitors. An Analysis of Systems Change* / H. Spruyt. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – 304 p.
329. Sucheni-Grabowska A. *Jagiellonowie i Habsburgowie w pierwszej połowie XVI w.: konflikty i ugody* / A. Sucheni-Grabowska // *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. – 1983. – T. 38. – № 4. – S. 449–467.
330. *The Cambridge Economic History of Europe*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1963. – Vol. III: *Economic Organization and Policies in the Middle Ages* / ed. by M. M. Postan, E. E. Rich, E. Miller. – 674 p.
331. *Une amitié millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges* / sous la dir. de M. Battail, J.-F. Battail. – Paris : Beauchesne, 1993. – 527 p.
332. Vaissière de P. *Le «tueur du Roy». Charles de Louviers, seigneur de Maurevert* / P. de Vaissière // *Revue des études historiques*. – 1911. – T. 77. – P. 1–47.
333. Vindry F. *Les Ambassadeurs français permanents au XVIe siècle* / F. Vindry. – Paris : H. Champion, 1903. – 55 p.

334. Von Königsberg an die Loire. Quellen zur Handelsreise des herzoglich-preußischen Faktors Antoine Maillet nach Frankreich in den Jahren 1562 bis 1564 / ausgew. und bearb. von D. Heckmann. – Köln : Böhlau, 1993. – 162 s.
335. Wallon M. H. Henri de Valois et la Pologne en 1572 / M. H. Wallon // Journal des Savants. – 1867. – P. 703–722.
336. Westling G. O. F. Charles Dançay / G. O. F. Westling // Nordisk familjebok konversationslexikon och realencyklopedi. Stockholm : Nordisk familjeboks förlags aktiebolag, 1906. S. 1241–1242.
337. Wigert V. Erik XIV. Hans sinnessjukdom. Historisk-psykiatrisk studie / V. Wigert. – Stockholm : Geber, 1920. – 198 s.
338. Willan T. S. The Russia Company and Narva, 1558–81 / T. S. Willan // The Slavonic and East European Review. – 1953. – T. 31. – № 77. – P. 405–419.
339. Woldbye V. Flemish Tapestry Weavers in the Service of Nordic Kings / V. Woldbye // Flemish Tapestry Weavers Abroad. Emigration and the Founding of Manufactories in Europe / ed. by G. Delmarcel. – Leuven : Leuven University Press, 2002. – P. 91–111.
340. Wrangel F. U. Liste des diplomates français en Suède, 1541–1891 / F. U. Wrangel. – Stockholm : P. A. Norstedt & söner, 1891. – 95 s.
341. Zeļenkovs A. Dānijas prinča Magnusa (1540–1583) darbība Livonijā / A. Zeļenkovs // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. – Rīga : Latvijas Kara muzejs, 2000. – Lp. 15–30.
342. Zeller G. Le «convoi» des vaisseaux marchands aux XVIe et XVIIe siècles / G. Zeller // Revue d'histoire moderne & contemporaine. – 1956. – T. 3. – № 3. – P. 67–87.

**[Послание Фредерика II, короля Дании, к Карлу IX Валуа, королю
Франции. 6 ноября 1561 г. Фленсбург⁶⁶²]**

Оригинальный латинский текст публикуется полностью, сокращения, используемые в тексте источников, раскрыты и помещены в квадратные скобки. За латинским текстом следует перевод послания на русский язык, сопровождаемый краткими комментариями.

Описание автографа. Бумага: 430 (435) x 310 (314) мм. Гуманистический курсив XVI в. На об. л. адрес: «Christianissimo, Serenissimoq[ue] Principi Domino Carolo Regi Francorūm, fratri et consangūineo nostro charissimo». Письмо находилось в пакете (не сохранился). Большая королевская печать под кустодой. Двойная нумерация свидетельствует об изначальной принадлежности к рабочему архиву государственных секретарей, ответственных за ведение иностранных дел, Флоримона де Роберте, либо Клода де Лобеспина, и затем – к собранию документов аббатства Сен-Жермен-де-Пре (с середины XVIII в.). Филигрань: Кувшин с вписанными по центру буквами (первая неразб., вторая – V), увенчанный короной и крестом. Сходный вариант изображения: Briquet. T. IV. P. 638. № 12781. – 1573 г., Делфт (Нидерланды).

Оригинал

Fridericus Secūndūs, Dei gratia Danorūm, Norūegerūm, Vūandalorum, Gottorūmque Rex, Dūx Slesūici, Holsatiae, Stormariae, ac Dietmariae, Comes in Oldenbūrg et Delmenhorst. Christianissimo, Serenissimoq[ue] Principi Domino Carolo Francorūm Regi, fratri, et Consangūineo n[ost]ro charissimo. Salutem.

⁶⁶² Фленсбург – город, располагавшийся в Шлезвигском герцогстве на юге Датского королевства.

Christianissime, Serenissimeq[ue] Princeps, frater, et Consanguīnee noster charissime, Serenitatis vestra Legatūs Dominūs Ringraviūs ac attūlit nobis cūm literis S[erenissimae] V[est]rae, torq̄em aūreūm ac nosq[ue] ab eadem in societatem Ordinis Diūi Michāēlis receptos, deq[ue] fraterna eiūsdem in nos beneūolentia lūcūlenter oraūit. Qūae qūidem nobis merito gratissima fūere, cūm aliās demonstrari plūribūs amicitiam nostram idoneūm iūdicaremūs, idq[ue] ea ratione qūasi voto consequeremur. Itaq[ue] et fraternae beneūolentiae symbolūm hoc per qūam lūbenter sūscipimūs, itq[ue] ita retentūri sūmūs, ut S[erenissima] V[est]ra sūae erga nos volūntati constanter ā nobis, et candidē sentiat responderi. Ad qūod Diūorūm pārentūm exemplo, et Serenitatis etiam vestrae perspecto amore, et beneūolentia in incitamur. Qūae qūidem apud nos sūmma esse, et antiqūissima S[erenissima] V[est]ra sibi certō pollicebitūr, et nos quoq[ue] re vicissim ūbi usūs erit, fraternē declaratūri sūmūs. De qūa re memorato etiam Serenitatis Vestrae Legato ūberiūs respondimūs. Deūs optimūs maximūs Serenitatem vestram faeliciter conseruet qūam jiūtissimē.

In Arce nostra Flensbūrigo, Sexto Calend. Noūembris Anno M D LXIo.

Собственноручная подпись:

Vester bonus frater Fridericus

РНБ. Отдел рукописей.

Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 1.

Перевод⁶⁶³

Фредерик Второй, Божьей милостью король Датский, Норвежский, Вандальский и Готский, герцог Шлезвигский, Голштинский, Штормарнский и Дитмарский, граф Ольденбурга и Дельменхорста Христианнейшего и Светлейшего приветствует государя господина Карла, короля Франции, нашего брата и дражайшего кузена.

⁶⁶³ Перевод С. М. Рябова.

Христианнейший и Светлейший государь, брат и дражайший кузен наш, посол Вашего Величества господин рейнграф доставил нам вместе с посланиями Вашего Величества, в которых ясно говорится о братстве и благосклонности к нам, золотую цепь, и мы, тем самым, были приняты в сообщество Ордена святого Михаила. Зная о добром расположении к нам [Вашего Величества], а также о многих других знаках нашей достойной дружбы, мы решили с благодарностью и благословенно принять [этот дар]. Итак, мы, побуждаемые Божественным примером наших родителей, а также несомненной любовью и расположением Вашего Величества, с радостью принимаем эту [орденскую цепь], как символ выражения братской благосклонности и неизменной, искренней доброжелательности к нам. Со своей стороны, мы обещаем Вашему Величеству сохранить нашу столь великую, старейшую и неизменную дружбу, о чем мы также дали ответ упомянутому послу Вашего Величества. Пусть Всемогущий Господь всегда оберегает Ваше Величество в счастье.

[Дано] в нашем графстве Фленсбург, 6 ноября 1561 г.

Ваш добрый брат
Фредерик

**[Послание Фредерика II, короля Дании, королеве-матери Екатерине
Медичи. 8 июля 1567 г. Копенгаген]**

Оригинальный латинский текст публикуется полностью, сокращения, используемые в тексте источников, раскрыты и помещены в квадратные скобки. За латинским текстом следует перевод послания на русский язык, сопровождаемый краткими комментариями.

Описание автографа. Бумага: 430 (435) x 310 (314) мм. Гуманистический курсив XVI в. На 1 л. Помета неизвестной рукой XVII в.: «8 Juillet 1568. De Fridéric, Roy de Danemarck à la Reine Catherine». На об. 2 л. адрес: «Serenissimae Principi D[omi]ne Catharinae Reginae Franciae et Viduae, Consanguineae nostre charissimae». Канцелярская помета: «8 juil[let] 1567. Fridericus, Rex Daniae». Фрагменты печати под кустодой. Двойная нумерация свидетельствует об изначальной принадлежности к рабочему архиву государственных секретарей, ответственных за ведение иностранных дел, Флоримона де Роберте, либо Клода де Лобеспина, и затем – к собранию документов аббатства Сен-Жермен-де-Пре (с середины XVIII в.). Филигрань: три лилии на щитовом поле: сверху – крест в виде четырех полукружий; снизу – буквы в рамке: SNIVELLE. Изображение полностью соответствует образцу из Утрехта 1567 г.: Briquet. T. I. P. 135. № 1839.

Оригинал

Fridericus Secundus, Dei gratia Daniae, Norvegiae, Vandalorum, Gorhorumque Rex, Dux Slesvici, Holsatiae, Stormariae ac Diethmarsiae, Comes in Oldenburg ac Delmenhorst. Serenissimae Principi D[omin]ae Catharinae, Reginae Franciae et Viduae, Consanguineae nostrae charissimae salutem ac continuum foelicitatis incrementum. Serenissima Princeps Consanguinea charissima cum exponeret nobis Serenissimi Principis D[omi]ni Caroli IX, Francorum Regis, filij Ser[enissim]is

Vest[r]ae, fratris autem consanguinei et foederati nostri charissimi apud nos legatus magnificus in primis nobis dilectus D[omin]us Carolus Danzaeus, se ad conficienda cum publica tum privata quaedam negotia, profectionem in Galliam instituisse. Ad eamque dimissionem nostram ad paucos menses inpetrasset. Pro amicitia co[m]munj, nostraque erga Serenissimum Vestram benevolentia, co[m]mittere nolvimus, ut is sinc literis nostris ad Serenissimum Vestram veniret. Quibus Serenissime Vestram, maiorem in modum rogamus, ut in pristina erga nos, regnaque nostra amicitia foederibus avitis et officijs confirmata necessitudine perseveret, ac Christianissimi Regis Oratorem de rebus ad mutuam coniunctionem nostram pertinentibus, deque negocie pacificationis inter nos et hostem nostrum Suecorum Regem, a Serenissimis Vestra ipsi co[m]misso, benique audiat, cumque favore et gratia complectatur. Etenim is non tantum in procurandis negocijs, ad jucu[n]dam amicitiam nostram pertinentibus, boni et fidelis legati officio perfunctus. Verum etiam in co[m]misso pacificationis negotio ita versatus est, ut fidem ipsius dexteritatem et industriam Serenissimis Vestrae merito co[m]mendemus. Ideoque non ingratum nobis foret, si Serenissima Vestra eum rebus ibi foeliciter expeditis ad nos redire voluerit.

Deus Serenissimum Vestrum perpetua cum foelicitate diutissime incolumem conservet et ineatur.

Haffnia. VIII Julij Anno M D LXVII.

Собственноручная подпись: Fridericus Rex

РНБ. Отдел рукописей.

Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 2.

Перевод⁶⁶⁴

Фредерик Второй, Божьей милостью король Датский, Норвежский, Вандальский и Готский, герцог Шлезвигский, Голлштинский, Штормарнский и

⁶⁶⁴ Перевод С. М. Рябова.

Дитмарский, граф Ольденбурга и Дельменхорста приветствует Светлейшую государыню госпожу Екатерину, вдовствующую королеву Франции, дражайшую кузину нашу, и [желает] постоянного счастья.

Светлейшая государыня, дражайшая кузина, совместно со Светлейшим государем господином Карлом IX, королем Франции, сыном Вашего Величества, нашим дражайшим братом, кузеном и союзником, Вы отправили к нам великого посла, столь дорогого нам господина Шарля де Данзе, который, закончив государственные и некоторые личные дела, ныне решил отправиться во Францию на пару месяцев с нашими письмами к Вашему Величеству, в соответствии с полученным от нас пропуском, который мы неохотно ему предоставили, руководствуясь общей дружбой и нашей благожелательностью по отношению к Вашему Величеству⁶⁶⁵. Мы просили Ваше Величество, а также посла Христианнейшего короля по отношению к нам исполнить условия и обязательства, касающиеся давнего соглашения о дружбе, скрепленного нашими предками, и, в соответствии с нашими договоренностями, всецело, со всей благосклонностью и добротой содействовать мирным переговорам между нами и противником нашим, королем Швеции. И действительно он [Шарль де Данзе] в угоду нашей дружбе столь славно и преданно исполнял свой долг и беспокоился о своей миротворческой миссии, что мы, [обращаясь к] Вашему Величеству, воздаем должное его преданности, ловкости и усердию. Поэтому мы были бы благодарны, если Ваше Величество не отказали нам возратить его после успешного завершения им дел [во Франции].

Пусть Господь вечно оберегает Ваше королевское Величество в долгом счастье и невредимости.

⁶⁶⁵ Перед отправлением во Францию Данзе посетил Любек для проведения переговоров о заключении франко-ганзейского торгового договора. В ноябре он получил два письма от представителей любекского городского совета на имя Карла IX и Екатерины Медичи. Пребывание дипломата при французском королевском дворе было коротким. После получения посланий от короля к скандинавским монархам Данзе вернулся в Данию весной 1568 г.: Richard A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle... P. 65.

[Дано в] Копенгагене, 8 июля 1567 года.

Фредерик, король

**[Послание Сигизмунда II Августа, короля Польши и великого князя
Литовского, к Карлу IX Валуа, королю Франции. 28 июля 1568 г.
Кнышин⁶⁶⁶]**

Оригинальный латинский текст публикуется полностью, сокращения, используемые в тексте источника, раскрыты и помещены в квадратные скобки. За латинским текстом следует перевод послания на русский язык, сопровождаемый краткими комментариями.

Описание автографа. Бумага: 430 (435) x 310 (314) мм. Гуманистический курсив XVI в. Филигрань не просматривается. Письмо без адреса, находилось в пакете (не сохранился). Просматриваются остатки печати под кустодой. Двойная нумерация свидетельствует о принадлежности к рабочему архиву либо госсекретаря Ф. Роберте, либо К. де Лобеспина, а также о принадлежности к автографам аббатства Сен-Жермен-де-Пре (с середины XVIII в.). На л. 1 запись почерком XVI в.: 28 juillet 1568. Du Roy de Pologne Sigismond Auguste au Roy Charles IX.

Оригинал

(F. 130) Serenissimo Principi Domino Carolo Dei gratia Francorum Regi Christianissimo amico fratri et consanguineo nostro charissimo Sigismundus Augustus eadem gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiaeque, etc. [D]o[mi]nus et Haeres. Salutem et prosperes rerum omnium successus.

Ser[enissi]me Princeps domine amice, frater et consanguinet noster char[issi]me. Redditae nobis sunt tres simul epistolae Ser[enita]tis v[est]rae, quarum in duabus

⁶⁶⁶ Кнышин – город на северо-востоке Польши в Подляском воеводстве, одно из любимых мест пребывания Сигизмунда II, где 1 июля 1572 г. он встретил свою смерть.

Ser[enitate] v[est]ra, nobis significat, quanto studio ceneatur, ut hoc bellum, quod a nobis et Ser[enissi]mo Daniae Rege, fratre et confoederato n[ost]ro char[issi]mo, cum Suecorum Rege geritur, dirimi, et pax inter nos et concordia constitui possit. Cuius rei causa in Daniam sueciamq[ue] a se missum esse Generosu Carolum Danzeum consiliarium suum, Ser[enitas] v[est]ra scribit, postulatq[ue] a nobis, ne alieno a pace animo simus. Quodquidem ad studium et institutum Ser[enitatis] v[est]rae quantum attinet, sciat Ser[enitas] v[est]ra, nos id non ab alio, q[ue] a publicae Christianorum tranquillitatis et utilitatis, atq[ue] n[ost]ri quoq[ue] amante animo profectum interpretari. Proindeq[ue] eius hoc officium nobis gratum esse.

Multas sane, gravesq[ue] causas habemus, cur hostem hunc belli persequi nos oporteret, neq[ue] nobis arma desunt, quibus pro ijs, quibus ab eo affecti sumus, nullo n[ost]ro merito, iniurijs, poenas ab illo expetere possemus, quamvis cum alijs diversus, ijsdemq[ue] potentissimis hostibus totius Christianitatis comunibus, ut qui in tot barbarorum, et Christianae fidei inimicarum gentium finibus positi atq[ue] tanq[ue] in perpetuo quadam reipub[licae] Christianae praesidio collocati simus, continue bellum geramus. Verum, cum Rex Christianus simus, et id a nobis, et caesarea m[ul]tas, et Ser[enitas] v[est]ra, caeteriq[ue] Christiani principes poscant, vinci nos ab hoc omnium consensu, publicoq[ue] bono patiemur, ut privatas potius miseras deponamus, si modo eas honeste deponere poterimus, q[ue] ijs copijs, quas cum ceteris regni n[ost]ri viribus coniunctas, adversus barbarorum exercitus pro Christianitate excubare conveniret, Christianum sanguinem profundamus. Itaq[ue] Ser[enitas] v[est]ra hoc sibi de nobis polliceri potest quoties aliquid aequi et iusti ab oratore Ser[enitatis] v[est]rae belli istius sopiendi causa, proponetur, ad id non aspernandum nos, ex comnium Ser[enissi]mi Daniae Regis et reliquorum confoederatorum sententia, quos a pace hac, si honesta esse poterit, pro comnium reipub[licae] Chri[sti]anae commodo suscipienda, non abhorrere scimus, non fore difficiles. Quod idem oratori quoq[ue] Ser[enitatis] v[est]rae significavimus, (*F. 130r*) atq[ue] ad eas res, quas de consilio suo istius rei inchoandae ad nos retulerat, per nobilem Iacobum Gouvrierium, subditum Ser[enitatis] v[est]rae, quem ad nos miserat, et cuius mores et industria, quemadmodum ante cum

in Prussia regnoq[ue] n[ost]ro versaretur, ita etiam hoc tempore, valde nobis probabatur illi respondimus.

Quod vero spectat ad navem, quam in tertijs litteris captam esse a quinq[ue] n[ost]ris navibus, Ser[enitas] v[est]ra queritur, id hac ratione evenit, cum co[m]mercia navigationemq[ue] Moscoviticam non solum nobis, verum etiam omnibus Christianis principibus maxime periculasam esse videremus, non minus vero commode in alijs tam n[ost]ris q[ue] aliorum Emporijs, omnes merces deponi et distrahi, quaeq[ue] ex Moschovia caeteris regnis usui esse possent, alijs in locis coemi et comparari, q[ue] Narvae posse, eam omnino prohibendam et intercludendam esseputavimus. Quod in omnibus portibus publicare iussimus, atq[ue] etiam Ser[enita]ti vestrae, et alijs Regibus ac Principibus, qui Germanicum et Balticum mare accolunt, significavimus. Interim vero isti, cum a nobis navigationem hanc esse prohibitam scirent, et a classe n[ost]ra omnes transitus istius maris custodiri, temere Narvam navigarunt. Unde cum redirent, in eas n[ost]ras naves inciderunt. Atq[ue] ita demum accidit, ut haec eorum navis caperetur. Quod invito profecto nobis factum est. Etenim, etsi Praefectis huius classis n[ost]rae, quam, custodiae istius maris causa habemus, praecepissemus, ut omnes in universum naves caperent, quae in Moschoviam navigarent, tamen volvissemus equidem, ut subdito huic Ser[enita]tis v[est]rae parceretur. Sed ita evenit, ut priusq[ue] de ea re quidq[ue] sciremus, merces illius navis a militibus diriperentur, ita ut nunc, quanvis Ser[enita]tis v[est]rae caussa, maxime cuperemus, subdito huic Ser[enita]tis v[est]rae consulere nullo modo possimus, cum, ad quos merces istae pervenerint, inter tot milites, difficilimum cognitu sit: atq[ue] etiamsi sciretur, tamen earum repetendaru a militibus, qui eas consumpserint, nec, quod omnibus militibus usu venit, solvendo sint, ac quorum multi, hoc tanto temporis post eam navem captam intervallo, dimissi, neq[ue] in regno, nec in potestate n[ost]ra sint, nulla ratio reperiri posset. Quamobrem confidimus Ser[enita]tem v[est]ram causam huius illius iacturae, nemini, praeterq[ue] ipsiusmet et socioru[m] illius delicto ascriptura, et non solum n[ost]ri, sed omnium quoq[ue] Christianorum periculi rationem habitura, atq[ue] Moschoviticis hisce comertiis regni sui mercatoribus interdicturam.

Cum non solum id incommodi ex eo (*F. 131*) proveniat, quod barbarus omnium nostrum hostis, omni apparatus bellico instruat a n[ost]ris, et aversus nosmet ipsos potentior reddatur, verum etiam, quod ad irrumpendum in mare n[ost]rum, illudq[ue] infestandum, navigationibus hisce quodammodo alliciat et invitetur. Facile enim ser[enitas] v[est]ra existimare potest, illum, pro barbarico fastu, commertiorum istorum fructibus modeste et tranquille non esse usurum, sed ijs inductum atq[ue] illectum, de omnibus huius maris littoribus lustrandis et cognoscendis classeq[ue] comparanda cogitaturum. Qua deinde, si copias suas istuc effuderit et nimiserit, quanto id cum periculo et detrimento eorum regnorum et imperioru[m] omnium, quae ad mare hoc sita sunt, foret, facile est iudicare.

Haec cum ita sint, non dubitamus Ser[enita]tem v[est]ram, ut diximus, communi utilitati pro virili consulturam, et in regno quoq[ue] suo edicturam, nequis deinceps Narvam commeare audeat. Cuius rei causa, oratorem n[ost]rum ad Ser[enita]tem v[est]ram mittimus, et ad alios item maris Germanici et Baltici accolae missuri sumus. Ex quo oratore n[ost]ro de ea re Ser[enitas] v[est]ra plenius intelliget. De nobis vero id sibi Ser[enitas] v[est]ra persuadebit, nullum nos erga eam officium, fratris, amici, et confoederati Principis esse praetermissuros, ac eam, qua a maioribus n[ost]ris accepimus amicitiam cum Ser[enita]te v[est]ra semper esse diligentissime et constantissime culturos, ac quibus rebus poterimus confirmaturos et corroboraturos.

Bene valere Ser[enita]tem v[est]ram cupimus.

Datum Knishini, die XXVIII julij. Anno Domini MDLXVIII.

Regni vero n[ost]ri XXXIX.

Собственноручная подпись:

Bonus frater

Sigismundus Augustus Rex

РНБ. Отдел рукописей.

Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 62, № 61.

Перевод⁶⁶⁷

Светлейшему государю господину Карлу Божьей милостью Христианнейшему королю Франции, дражайшему другу, брату и кузену нашему, Сигизмунд Август, Его же милостью король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Самогитийский и иных государь и повелитель, приветствует с пожеланиями благоденствия, процветания и всяческих успехов.

Светлейший государь и господин, дражайший друг, брат и кузен наш, мы одновременно получили три послания от Вашего Величества, в двух из которых Ваше Величество выразили стремление прекратить ту войну, которую мы и светлейший король Дании, дражайший брат наш и союзник, ведем с королем Швеции, и установить между нами мир и согласие. С этой целью Вами был отправлен в Данию и Швецию благородный Шарль де Данзе, Ваш советник⁶⁶⁸, который пишет, и добивается от нас того, чтобы мы не отходили от своих мирных намерений. Что же до стараний и планов, которых придерживается Ваше Величество, то знайте, что мы не думаем ни о чем другом, кроме как о спокойствии и пользе для всего христианства, а также об успехе нашей вожденной цели. И посему этот долг нам приятен.

У нас имеется множество серьезных причин, почему нам следовало воевать с этим врагом⁶⁶⁹, тем более что мы не испытываем недостатка в оружии, с помощью которого могли бы покарать его за те обиды, которым мы безо всякой нашей вины подверглись от него, хотя непрестанно ведем войну и с другими, отличными [от него] и чрезвычайно могущественными общими врагами всего христианства, так как мы расположены на границе со столь большим

⁶⁶⁷ Перевод С. М. Рябова.

⁶⁶⁸ Часть официального обращения к Данзе. В частности, в письме к послу от 1 мая 1572 г. Карл IX обращается к нему как к «нашему советнику, придворному и послу при высочайшем, превосходнейшем и могущественнейшем государе, нашем дорогом друге и добром брате и кузене короле Дании»: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* S. 152.

⁶⁶⁹ С королем Эриком XIV.

количеством варваров, с территориями народов, [являющихся] недругами христианской веры⁶⁷⁰, и навсегда утвердились [здесь] в качестве настоящего оплота всего христианства. Да, нас, являющихся христианским государем, множество государей, и Ваше Величество, и другие христианские правители единодушно просят способствовать нашему общему благу, чтобы мы, со смирением отложив свои собственные дела, встали с войсками нашими, совместно с силами других наших владений, против войск варваров в защиту христианства, не щадя нашей христианской крови. Так, Ваше Величество сами сможете убедиться в том, когда действительно верное и справедливое решение будет предложено послом Вашего Величества, чтобы умиротворить эту войну, не презирающее наши интересы, и соответствующее желаниям Его Величества короля Дании и других союзников, и если таковое решение достойно для заключения мира и соответствует общему делу всего христианства, то оно должно быть принято, преодолев всяческие трудности. Мы выразили то же самое послу Вашего Величества в соответствии с его предложениями, которые он представил относительно планов и намерений Вашего Величества посредством известного Жака Гуврие, подданного Вашего Величества, которого он к нам отправил, и чья служба и усердие были оценены нами еще в Пруссии и в нашем королевстве, что заслужило в высшей степени нашего одобрения в ответе, предоставленном ему⁶⁷¹.

Что же касается того корабля, который был захвачен пятью нашими судами, на что Ваше Величество жалуется в трех Ваших письмах, то произошло это по той причине, что московитская торговля и навигация не только нами, но

⁶⁷⁰ Под «варварами» и «недрузьями христианской веры», по-видимому, стоит понимать турок-османов, крымских татар и русских.

⁶⁷¹ Жак Гуврие – французский купец, в годы правления Карла IX живший в городе Ньор, расположенном в провинции Пуату, и, судя по всему, выполнявший торговые операции на Балтике. Его в качестве гонца посол Данзе отправил к Сигизмунду II для передачи своих писем и посланий от Карла IX. В письме к французскому королю от 12 июня 1568 г. он писал: «<...> также я отправил гонцов с Вашими письмами к королям Польши и Швеции, чтобы побудить их уладить свои разногласия и привести все к счастливому завершению <...>»: Favre L. Histoire de la ville de Niort depuis son origine jusqu'en 1789. Niort, 1880. P. 248; Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 47.

и всеми христианскими государями, считается чрезвычайно опасной, поэтому, чтобы мы могли ее полностью остановить и заблокировать, верно и правильно то, чтобы все товары разгружались и складировались, покупались и загружались не в Нарве, а в других, в том числе и в наших торговых факториях, которые, помимо Московии, могут использоваться различными державами. Мы приказали опубликовать [наш приказ] в каждом порту, а также довести его до сведения Вашего Величества, а также до других государей, чьи владения располагаются у Германского⁶⁷² и Балтийского морей. В то же самое время они⁶⁷³, зная о запрете нарвского плавания, [который мы установили] посредством нашего флота, курсирующего по морю, отчаянно попытались прорваться в Нарву. Возвращаясь оттуда, они были встречены нашими кораблями. Так, наконец, они и были захвачены, идя северо-западным курсом, что, безусловно, мы вынуждены были сделать без особого на то желания. Несмотря на то, что капитаны нашего флота, все наши судна ради охраны моря получили от нас приказ захватывать тех, кто плывет в Московию, мы, тем не менее, со своей стороны заставляли [Ваших подданных] поворачивать обратно, чтобы не тревожить Ваше Величество. Однако, случилось так, что прежде, чем мы узнали об этом деле, корабль с товарами подвергся разграблению солдатами, и даже если бы мы имели возможность сразу же рассмотреть жалобу Вашего Величества, чего бы мы очень хотели, и могли бы держать совет с Вашим Величеством, в соответствии с которым товары [Ваших подданных] не подверглись бы упомянутой участи, отследить [их судьбу] невозможно среди такого множества солдат. И даже если бы товары были найдены, они были бы оставлены у солдат, которые их захватили, что соответствует принятому обычаю, и, кроме того, после захвата корабля прошло уже столь много времени, что солдаты были распущены и более не могут быть в нашей власти, и в пределах нашего королевства, и у нас нет даже малейших оснований, [чтобы приказывать им]. Поэтому мы надеемся, что Ваше Величество возложит вину за это

⁶⁷² Северное море.

⁶⁷³ Французские купцы.

происшествие также на самого [купца] и его компаньонов, а не только на нас, ибо все вместе и каждый по отдельности христианин должны понимать опасность, [исходящую от Московии], по сему надлежит запретить купцам вашего королевства торговать с москвитами.

Ведь из-за того, что этот Варвар⁶⁷⁴, наш общий враг, снабжается и оснащается всяческим вооружением, возникает не только угроза, что приобретенное им могущество затем обернется против нас же, но равно поспособствует его намерениям дальше добиваться свободной навигации, из-за чего он вторгается на наше море и досаждаёт постоянными нападениями. Ибо Ваше Величество легко может рассудить, что он, по своему варварскому высокомерию, не стал бы тихо и мирно пользоваться плодами этой торговли, но способствовал бы их преумножению, чтобы вознамериться плавать вдоль берегов этого моря, изучить их, а также обзавестись собственным флотом. Легко понять, сколь великую опасность и вред он может причинить всем державам, расположенным у моря, если обрушит сюда свои силы.

Так как это вполне может случиться, мы не сомневаемся, что Ваше Величество, озаботившись общим благом, издаст указ, о котором мы уже просили, по которому никто [из Ваших подданных] не сможет отплывать в Нарву. По этой причине, мы пошлем к Вашему Величеству, как и к другим ближним государям, [чьи владения располагаются на берегах] Германского и Балтийского морей, нашего посла, чтобы таковой смог более полно разузнать о намерениях Вашего Величества. Он также удостоверит Ваше Величество в том, что мы никогда не будем избегать своего долга и пренебрегать братскими отношениями, дружбой с государями-союзниками, но, напротив, будем поддерживать дружбу с Вашим Величеством и извечно заботиться о ее прочности и надежности, о ее укреплении и упрочении всеми возможными средствами.

Желаем Вашему Величеству быть в добром здравии.

⁶⁷⁴ Иван IV.

Дано в Кнышине, 28 дня июля 1568 года от Рождества Христова.

В год 39 нашего царствования⁶⁷⁵.

Добрый брат [Ваш]

Сигизмунд Август, король

⁶⁷⁵ Сигизмунд II стал великим князем Литовским в 1529 г., королем Польши – в 1530 г., до 1548 г. разделяя власть совместно с отцом – Сигизмундом I.

**[Послание Юхана III Васа, короля Швеции, к Карлу IX Валуа, королю
Франции. 13 октября 1568 г. Стокгольм]**

Оригинальный латинский текст впервые публикуется полностью, сокращения, используемые в тексте источника, раскрыты и помещены в квадратные скобки. За латинским текстом следует перевод послания на русский язык, сопровождаемый краткими комментариями.

Описание автографа. Бумага: 430 (435) x 310 (314) мм. Гуманистический курсив XVI в. Филигрань не просматривается. На обороте л. 2 – адрес: «Serenissimo ac potentissimo Principi, Domino Carolo Nono, Galliarum Regi Christianissimo, fratri, Consanguineo et amico nostro carissimo». Письмо находилось в пакете (не сохранился). Просматриваются фрагменты большой сургучной печати. Двойная нумерация свидетельствует об изначальной принадлежности к рабочему архиву государственных секретарей, ответственных за ведение иностранных дел, Флоримона де Роберте либо Клода де Лобеспина, и затем – к собранию документов аббатства Сен-Жермен-де-Пре (с середины XVIII в.). На л. 1r – запись неизвестным почерком XVII в.: «13 octob[re] 1568. Du Roy de Suède Jean à Charles 9».

Оригинал

(F. 592) // Serenissime ac potentissime Rex, frater, Consanguinee ac amice noster carissime, V[estrae] R[egiae] M[ajestati]i salutem et si quid praeterea boni beatique à Deo Opt[imo] Max[imo] exoptari queat, ex animo precamur.

Serenissime Rex, existimamus V[estrae] R[egiae] M[ajestati]i sicuti alijs Christianis principibus et regibus, abundē satis constare, quā́m tristis Regni huius status, sub Erico quondam Rege, fratre n[ost]ro, hac tenus fuerit, et in quantum Regni ab ipso administrati ratio, non solum internis, verum etiam omnibus ricinis, ut molesta

et pernicioſa, ſummē ſemper diſplieverit. Itaque cum tantis malis et calamitatibus finis nullus imponeretur, verum indies magis magisque accreſcerent, principales totiūſ Regni ſtatus et ordines tam ſuperiores quāſ inferiores, unanimi conſenſu et communi conſilio, ſup[er]p[ro]lices tandem nos rogarunt, ut ad Regni tam miſeras conditiones reſpiceremus, ac ipſius adminiſtrationem et curam in nos ſuſcipientes, communi utilitati conſulere vellemus. Nos igitur inſtiſſimis ipſorum poſtulatibus ac aequiſtimis precibus clementer locum dandum, eſſe cenſuimus, cum et alioquum haereditarium ſucceſſionis ius, tu ex conſtitutione paterna, et iam quoque libera omnium ordinum electione ad nos ſpectet, tum et quod praedictus n[ost]er frater omni cūra ſemper elaborarit, et omnibus ingenij viribus in id intentis, ſcleratiffimē conſultarit, ut nos cum cariffimis fratribus et praecipuis ex nobilitate, quorum prudentia et virtutē ſuam tyrannidem et impios conatus reprimi ac impediri poſſe intelligeret, ē medio tolleremur. Id enim cum aliās liquidō omnibus conſtet, tum triſte ſuperioris anni exemplum Uſſaliae in comitijs factum, manifeſtum facit, ubi praecipuā et veteri ex nobilitate praeclaros, ac in primis conſobrinos n[ost]ros, nullo prins habito indicio, immerito in carcere turpiſſime trucidari curavit, et proprias quoque manus nefando homicidio polluit. Ac niſi Deus Opt[imus] Max[imus] avertiſſet, in nos quoque ſimile aut quid triſtius ſtatueret in animo habuiſſe comprobatum eſt.

Postea quoque licet inter nos et illum amicē ac fraterne tranſacta et composita eſſent omnia, praeter datam fidem, thori conſortem n[ost]ram cariffimam, ſereniſſimam electam Sueciae Reginam, ac Poloniae principem, maudito exemplo, Magno Moſcorum Dūci, barbaro principi tranſmittere ſtatuit, ut nullo non ſe pollueret ſcelere cum vero ne id quidem ipſi ſuccederet, Reginam matrem, Sereniſſimi Sueciae Regis Goſtavi, parentis noſtri, piae memoriae, relictam et ſorores n[ost]ras cariffimas, una cum praecipuis quibusdam matronis ac dominabus eo tranſmiſiſſet, niſi id quodque divina providentia ā nobis praeoccupatum fuiſſet.

Quam vero foeda nefanda, et Rege Chriſtiano indigna ſint haec conſilia, omnibus pijs Regibus ac principibus et V[estrac] M[ajestati] pro ſingulari ſua prūdentia et ſapientia dijudicandum relinquimus. Cum vero haec omnia nullo alio evitare poteramus medio, quāſ ut iuſtiſſimam et plus quāſ neceſſariam n[ost]ri n[ost]ro

rumque susceperimus defensionem, ideo nos nostro officio et patriae utilitati satisfaciendum ea in re duximus. Et cum imperia n[ostr]a tam gladio et armis, quā divina providentia, constituentur, Deo Opt[imo] Max[imo] gratias agimūs, qui clementi suo aūxilio nobis ad fuit, n[ost]ra consilia rexit, et institutum nostrum ad felicem et optatum eventum deduxit, n[ost]ramque in potestatem totum Regnum cum Rege, fratre nostro, citra multorum aedem dedit.

Regia autem arce cum urbe Stocholmia deditone occupata, V[estrae] R[egiae] M[ajestati] ibi invenimus tabellariū, nobilem Gallum, Franciseum Le Bret, qui lit[t]eras v[est]rae R[egiae] M[ajestati] praedicto Regi Erico, fratri n[ost]ro, attulerat, et in quintum mensem praeter omnem consuetudinem et morem apud Christianos Reges et principes cogitatum, indignissime ab ipso captus detentus fuerat. Ex ijs autem, V[estrae] R[egiae] M[ajestati] propensissimam voluntatem et animi erga hoc Regnum promptitudinem, nec non singulare et pium studiū eō facile agnoscimus, quōd in tantum sollicita sit, ut composito diuturno hoc bello, quod inter praedictum fratrem nostrum et Danorum Regem iam in Sexennium maximo Reipublicae malo tractum est, pax et tranquillitas optata huic Regno et toti Christianitati restituatur. Utinam ut laudabile apud omnes Europae Reges, Deo gratum et christianae reipub[licae] salutare instud V[estrae] R[egis] M[ajestati] in pace conficienda et restituenda est studium. Ita eum assevetum fuisset finem, qui seriō ā nobis et omnibus bonis principibus, pace in primis amantibus ardentissimis votis desideratus et optatus fuerat.

Agnoscimus quod amicē R[egiae] V[estrae] M[ajestati] illius amicitiae memorem esse, quae sincera, benevola et constans Regi olim Christianissimo (*F. 593*) // iam piē defuncto et avo v[est]ro, cum Sereniss[im]o Sueciae Rege Gostave, parente nostro carissimo, laudabilis et felicitis memoriae, intercessit. Nos quoque omnino optamus ac amice petimus, ut aedem inter nos et V[estram] R[egiam] M[ajestatem] integra ac perpetua coli et servari possit. Nihil enim nos prius habemus, quā ut inter nos et omnes Christianos Reges et principes, omnia pia mutuae amicitiae studia syncerē constent et conserventur. Rogamus quoque fraterne ac peramicē, ut V[estrae] R[egis] M[ajestati] in posterum uti hactenus tanquam Rex re et nomine Christianissimūs, in eo laborare ac studere velit, ut hoc funestum ac diuturnū bellum tandem ad pacem et

concordia salutarem deduci possit. Nos equidem pro n[ost]ra parte sedulo dabimus operam, siquidem nil nisi pacem et christianam tranquillitatem cūpimūs, ne quidquam quod ad amicam transactionem et reconciliationem nobis Regnoque n[ost]ro tolerabilem co[n]ducat, intermittatur. Speramus etiam Serenissimū principem, fratrem et affinem nostrum carissimum, Sigismundum Augūstum, Regem Poloniae, propter affinitatis atque amicitiae vinculum facturum esse, ut non difficulter controversiae apud adversarios alios Deo dante componi possint.

Serenissime Rex, frater, Consanguinee atque amicē carissime, haec sunt quae n[ost]ro nomine ad literas V[estrae] R[egiae] M[ajestati] praenominato fratri Erico inscriptas, respondenda duximūs. Et si quid praeterea grati V[estrae] R[egiae] M[ajestati] Regno, subditisque no[st]ris praestare poterimus, sumus semper animo ad id promptissimo.

Deus V[estram] R[egiam] M[ajestatem] in omni florenti felicitate diutissimē incolumem conservet.

Dat[um] Holmiae XIII octobris Anno Christi M D LX VIII.

Iohannes Dei gratia, Suecoru[m], Gothorum, Vuandalorumque Rex Electus, et princeps Haereditarius.

Собственноручная подпись:

V[estrae] R[egiae] M[ajestati] ex animo Frater et Consanguineus
Iohannes R[ex] S[ueciae]

РНБ. Отдел рукописей.

Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 13, № 9.

Перевод⁶⁷⁶

⁶⁷⁶ Перевод С. М. Рябова.

Светлейшего и могущественнейшего короля, брата и дражайшего нашего друга, Ваше королевское величество приветствуем и от всей души молим всемогущего Господа о даровании Вам всего доброго и счастливого.

Светлейший король, мы полагаем, что Вашему королевскому величеству, как и прочим христианским государям и правителям, полностью и всецело известно о том печальном состоянии, в котором пребывало наше королевство в правление Эрика, брата нашего, и сколь много различных ущемлений и разрушений было причинено королевству в его правление. И поскольку столь великим несчастьям и бедствиям, приумножавшимся день ото дня, так и не был положен конец, дворянство всего королевства, а также высшие и низшие сословия, с которыми мы держали совет для достижения общего блага, действуя в согласии и единодушии, в конце концов попросили нас обратить внимание на столь печальное положение королевства и взять управление им в свои руки. Поэтому, милостиво уступив веским и в то же время справедливым просьбам и мольбам, мы совместно с нашими дорогими братьями в соответствии с их благородным происхождением, а также разумением и добродетелью решили сообразно с наследственным правом, установленным при нашем родителе и подтвержденным ныне всеми избранными представителями всех свободных сословий⁶⁷⁷, что поскольку наш упомянутый брат руководствовался в своем правлении преступнейшими рассуждениями и намерениями, ему и его тираническим и безбожным действиям необходимо было воспрепятствовать, а также сместить его, согласуясь с общим благом. Это в действительности стало ясно каждому после печально известного события, произошедшего в Уппсале, месте заседания риксдага⁶⁷⁸, где лучших и старейших представителей благородного сословия, а кроме того, наших ближайших родственников, без всяких тому доказательств он самым нечестивым образом приказал убить в

⁶⁷⁷ Вестеросский риксдаг 1544 г., установивший право наследования престола потомками Густава I по прямой мужской линии.

⁶⁷⁸ Для официального обвинения рода Стуре и его приближенных Эрик XIV в мае 1567 г. собрал риксдаг в Уппсале, который одобрил действия короля.

тюрьме, чем осквернил свои собственные руки. И если всемогущий Господь не отвратил этого, то схожая прискорбная участь могла ждать также и нас.

Тем не менее, в дальнейшем между нами все было братски и дружески улажено и упорядочено, за исключением одного данного им обещания, касавшегося дорогой нашей супруги, светлейшей избранной королевы Шведской и принцессы Польской, которую он безнравственным образом решил отправить к варварскому государю — великому герцогу Московии⁶⁷⁹. Когда же он не смог осквернить себя таким злодеянием, он решил отправить туда [в Московию] королеву-мать, бездетную супругу светлейшего короля Шведского Густава, родителя нашего, светлой памяти, а также наших дорогих сестер вместе с другими знатными женами и госпожами, что и свершилось бы, не вмешайся Божественное провидение.

Мы оставляем всем благочестивым правителям и государям, а также Вашему величеству своим собственным умом и благоразумием рассудить, сколь низменны и нечестивы такие действия для христианского короля. Конечно, поскольку всего этого мы не могли избежать никаким другим способом, только как тем, чтобы мы взяли на себя обязательство по справедливейшей и столь необходимой защите нашей державы, мы посчитали целесообразным возглавить это дело. И, увлекаемые Божественным провидением и благосклонностью всемогущего Господа, который своими милосердием и помощью направил нашу волю к счастливому и желанному результату, мы установили наше правление мечом и оружием во всем королевстве, кроме одного обширного владения, переданного королю, брату нашему⁶⁸⁰.

Когда мы заняли город Стокгольм вместе с королевским дворцом, мы нашли там посланника Вашего королевского величества уважаемого сеньора Франсуа Ле Бре⁶⁸¹, который доставил письма Вашего королевского величества

⁶⁷⁹ Иван IV.

⁶⁸⁰ Абоский замок, место заключения Эрика XIV.

⁶⁸¹ Франсуа Ле Бре – французский купец из Парижа. Его в качестве гонца посол Данзе отправил к Эрику XIV для передачи своих писем и посланий от Карла IX. В письме к французскому королю от 12 июня 1568 г. он писал: «также я отправил гонцов с Вашими письмами к королям

королю Эрику, и уже пятый месяц, вопреки обычаю и закону, совершенно обездоленный, был удерживаем при дворе. Из них мы узнали о благосклонности и доброжелательности Вашего королевского величества к этому королевству, об исключительной, приветливой, столь верной дружбе и столь сильном желании прекратить войну между нами и кузеном нашим королем Датским, которая вот уже шесть долгих лет несет с собой бедствия нашему государству, а также о желании всего христианства установить мир и спокойствие для этого королевства. Будет же оно достойно похвалы среди всех государей Европы, Божественной благодати и пусть приведет к миру между всеми христианскими державами и восстановит его. И да приведет оно к столь желанной нами и всеми добродетельными государями цели, миру среди ближних возлюбленных, стремление к которому наполнено молитвами и надеждами.

Мы как друг королевства Вашего величества признаем ту незабвенную, верную, преданную и чистую дружбу, которая была между христианнейшим королем, Вашим дедом, ныне благочестиво почившим⁶⁸², и светлейшим королем шведским Густавом, дорогим родителем нашим, доброй и благой памяти. Мы также желаем чтить и сохранять бескорыстную и неизменную дружбу между нами и Вашим королевским величеством. Ибо прежде всего у нас нет ничего, кроме как [намерения] установить и поддерживать благочестивую подлинную дружбу и добрые отношения между нами и всеми христианскими государями и правителями. Мы также братски и дружественно просим Ваше королевское величество в дальнейшем, как и ранее, своими властью и наихристианнейшим именем стремиться к завершению этой разрушительной и столь длительной войны и, наконец, к миру и благотворному согласию. Мы же со своей стороны будем усердно заботиться о мире и христианском успокоении, которых мы желаем, не обращая внимания ни на что, кроме как на стремление к дружбе,

Польши и Швеции, чтобы побудить их уладить свои разногласия и привести все к счастливому завершению». Очевидно, от него же Данзе узнал обо всех подробностях свержения Эрика XIV: Histoire de la ville et de tout le diocèse de Paris. T. I / éd. par l'abbé Lebeuf. Paris, 1863. P. 248; Indberetninger fra Charles de Dançay... S. 47].

⁶⁸² Франциск I.

примирению и заключению соглашения, терпимому для нас и нашего королевства. Мы также надеемся на заключение дружеских уз со светлейшим государем, нашим кузеном и шурином Сигизмундом Августом, королем Польским, нашим ближайшим соседом, чтобы Господь мог без труда и споров примирить врагов, собранных вместе.

Светлейший король, брат, кузен и наш дражайший друг, это то, что мы решили ответить от нашего имени на послания Вашего королевского величества, написанные брату нашему Эрику. И если мы можем сделать еще что-либо удобное державе Вашего королевского величества и Вашим подданным, мы всегда будем готовы с удовольствием исполнить это.

Пусть Господь оберегает Ваше королевское величество во всем процветании, долгом счастье и невредимости.

Дано в Стокгольме 13 октября 1568 года от Рождества Христова.

Юхан, Божьей милостью избранный король и наследный государь
Шведский, Готский, Вандальский,
Вашего королевского величества добрый брат и кузен
Юхан, король Шведский

**[Краткое рассуждение об удивительном приведении Великого княжества
Московии в послушание Святой Христианской Апостольской и Римской
Церкви и о других вещах, достойных упоминания, которые произошли в
Риме в нынешнем 1581 году]**

Оригинальный французский текст печатного «летучего листка» 1581 г. публикуется полностью. Французский текст приводится по тексту оригинала. Сокращения, используемые в тексте источника, раскрыты и помещены в квадратные скобки. За французским текстом следует перевод на русский язык, сопровождаемый краткими комментариями.

Оригинал

(Fol. 3) Nostre bon Dieu, et Père omnipotent, créateur de tout l'univers ayant tousiours le soing et cure du sallut du genre humain, ores que par noz offences nous l'irritons, et par manière de dire le contraignons, bien souvent à nous pugnir très rigoureusement, cy est-ce qu'il ne cesse, pourtant, de nous induyre, par divers moyes et saintes Inspirations, à la certaine cognoissance, de sa saintté foy, et religion Chrestie[n]ne, Catholicque, Apostolicque et Romaine, nonobstant les contentions, qui, par le mespris d'icelle, sont advenuz de nostre misérable et desplorable temps, en plusieurs Monarchies, Royaumes, et Républiques, de la Chrestienté, par la suasion des ministres de Sathan, au grand intérêt, et *(Fol. 4)* confusion du nom Chrestien, toutesfois sa sainte et bénigne maiesté ne tendant à autre, qu'à nous faire cognoistre noz erreurs et fautes, ores par un moyen, et tantost par un autre, pour icelles recognees et retranchées de nous, user envers nous de sa sainte et infinie miséricorde, continuant ses faveurs et grâces, à maintenir et co[n]server son Église, en sa purité[e] et intégrité, nonobstant les assaultz et traverses, contre icelle praticquées par les héréricques scismaticques et autres infidelles. Car cy elle est agitée et versée d'un costé, elle est

fermé[e] et stable de l'autre si elle est reiettée d'un peuple ou nation elle est recevé d'un autre. Comme de nostre temps l'on sçait, avec quelle serveur piété et dévotion, les Indiens, et Insullaires, peuple iadis barbare, sans foy, et sans loy, l'ont à présent recene et reçoivent iournellement recevant avecques le baptesme, les saintes constitutions sacrements et cérémonies de la sainte Eglise Apostolicque et Romaine. Comme aussi aucuns Royaumes, et républicques de la Chrestienté, se sont aussi remis en l'obéissance d'icelle, chassant d'entre eux les scismes, sectes et fausses oppinions, (*Fol. 5*) qui les avoit divisé et séparé du corps d'icelle. Notamme[n]t le Royaume de Suède, le marquisat de Baden, et singulièrement la grande et sérénissime Duché de Moschovye, et dix-sept autres belles et grande Duchéz, subiectes et tributaires à icelle, desquelles avant que passer outre, il ne sera hors de propoz d'en faire sommaire description, selon l'opinion plus certaine des historiens vieux et modernes.

(*Fol. 6*) Description du pars de Moschovye des mœurs, et religion de
Moschovites

Moschovye, est une région fort grande, cituée és partyes d'Asie, és regions septentrionalles, de l'Europe ayant d'estendue, deux cent lieues, pays plat et mareschageux, confinant au Duché de lithuanie, du costé de levant, et la Russye, du midy, région fort froide, aquaticque, et marescageuse, qui empesche, que le bled n'y peut fructifier, bie[n] peuplée d'hommes belliqueux, et vaillans, ils parlent esclavonien, fort adonnéz à la chasse, de la grosse saulvagine, à cause des grandes forestz qui sont ausditz pays. Moschva, est la principale ville du pays, siège capital, du grand duc, ayant icelle ville quara[n]te mille pas de circuict, estant deux fois aussi grande que la ville de Praga, en Boesme. La rivière de Mosche, passé par le millieu, d'icelle, dont la ville a print son nom (*Fol. 7*) avecques tout le pays, au milieu, d'icelle ville, y a un fort Chasteau, beau et plaisant et de grande estendue, encloz de dix-sept belles et fortes tours, et trois grans et puissans boulevvars, dans ledict Chasteau, y a treze beau temples, et quatre magnifiques pallais, en l'un desquels, se tient son altesse, les princes, et seigneurs de son conseil. Il faict tellement garder les frontières de ses provinces qu'aucun n'y peut entrer ne sortir, sans son sceu non pas mesmes ceux du pays, ils n'o[n]t point usé iusques à présent d'aucune monoye marquée, sinon de quelque pièce

longue, avec les armes du grand duc, pource que ausdicts pays n'y a aucunes mines d'aucun métaulx, sinon que de fer, ce peuple est fort craint de ces voisins qu'ils ont subiuguéz et renduz tributaires. Comme les provinces et villes des Cithez, peuple oppulent et subtil, possèdent sept duchéz, grandes et spatieuses le nom desquelles sont Perm, Corella, Permka, Iuhra, Chrizemissa, Corkem, et Bachird, qui tiennent mesmes loix, que les Moschovites, aussi sont subiectes ausdits Moschovites, les duchéz de Turczke de Chelinscy de Zubczensky, de Binsky, (*Fol. 8*) de Ruben, de Resen, de Melz et de Carkm, riches citéz grandes et bien peuplées, toutes lesquelles, estant au paganisme, recevrent le baptesme, l'ors, qu'il y eust contention entre les prélatz, de l'Eglise Grecque, et ceux de l'Eglise Latine, pour cause des cérémonies observées en icelle, se rengèrent avec les Grecz, gardant de poinct en poinct les cérémonies d'iceux, usant de pain levé au saint, sacrement de l'autel, l'ors qu'il faisoient le service divin, un d'entr'eux, lisoit la vie et miracles de Iésus-Christ, et autres cérémonies, que ie laisse d'escrire pour obvier à prolixité.

Or pour revenir à mon propos les Moschovites, et les susdictes duchéz, ayant par divine providence, cogneu le dangier éminent ou le scisme, et diversité d'opinions, les avoit conduits, tous d'un consentement envoyerent un Ambassadeur vers sa sainteté, se sousmettant soubz le ioug et obéissance, de la sainte Eglise Catholicque, Apostolicque, et Romaine, suppliant sa sainteté leur donner avec sa sainte bénédiction, les mandemens traditions et cérémonies Ecclésiasticques et Apostolicques, (*Fol. 9*) qu'il recevrent avec une grande ioye et allégresse, et pour les gratifier d'avantage, sa sainteté esleut, promptement, le père Possevin de la compagnie de Iesus, homme très éloquent et docte, qui a fait un gra[n]d fruict d'année passée au Royaume de Suède, pour aller avec lesdicts Ambassadeurs à Moschovye et autres duchéz adiacnetes, pour les exhorter, et inciter par les fréquentes prédications, à suyvre la sainte foy Catholicque, soubz la co[n]duict des pasteurs, que le saint siège Apostolicq[ue] y envoyera et ordonnera, dont lesdicts Ambassadeurs ont esté fort co[n]tens et satisfaitz promettant à sa sainteté, le secours de cent mille hommes payéz à leurs frais et despens pour le soubtien et support de l'Eglise Catholicque et Romaine, envers les Turcz, héréticques et autres ennemis d'icelle, avec promesse solennelle de

vouloir vivre et mourir en l'obéissance d'icelle. Au mesme temps arriva aussi à Romme le grand Ambassadeur du Roy Catholique, en grande suite et magnificence, pour baiser en toute humilité les piedz de sa sainteté, pour l'obéissance du Royaume de Portugal, de nouveau conquesté qui fust (*Fol. 10*) aussi receu, avec grand allégresse et pour ces causes furent rendues actions de grâces à Dieu pour le bien et prospérité de la Chrestienté suppliant la divine maiesté, fortifier, régir, conserver: et augmenter, en la piété et religion Chrestienne et Catholique, tous les potentatz, de la Chrestienté, sa sainteté lors vaqua[n]t, et travailla[n]t aux oeuvres de charité fit faire assembler de tous les pauvres de Romme tant mendians que autres, ieunes et vieux, hommes et femmes mariéz ou non mariéz, malades ou saintz, qu'il fist conduire en procession en grande admiration, iusques à saint Sixte, distant de Romme de demy lieue ou environ très beau et plaisant lieu, bien accomodé, de chambres, salles, cuisines, galleries, iardins et autres utilitez, tant pour la santé des malades que pour la conservation des saints, auquel lieu sa sainteté a estably medecins apothicaires et Chirurgiens, à ces gaiges, estant seconde de tous les citoyens qui s'y employent, d'un bon zelle et affection faisant toutesfois travailler les vallides, et médéciner les malades, estant tous bien nourris et secouruz.

Les Ambassadeurs Moschovites ayant (*Fol. 11*) veu la piété et dévotion, tant du clergé que du peuple Romain, furent grandement esmerveilléz, de les voir si prompts et libéralz à secourir les pauvres, soufreteux et indigents, lesquels après avoir seiourné assez longtems, à Romme, au grand contentement de sa sainteté qui libéralement les traictoit, avec toute humanité et douceur, enfin prindrent congé d'icelle luy offrant de rechef, de le secourir. Toutesfois et quantes ils en seroie[n]t requis, pour augmentatio[n] et secours, de toute l'Eglise Chrestie[n]ne, Catholique, Apostolicque et Romaine, envers et contre tous les ennemis d'icelle, il y a quelques Isles prochaines de Moschovye qui sont encore barbares idolastres, et sans aucune religion qu'on espère réduire, à la sainte foy, Catholique par le moyen des bons prédicateurs que sa sainteté deslibéré y envoyer, avec le père Possevin, voyla comment nostre Dieu ayant le soucy de sa facture, nous faict cognoistre, quelles sont ces oeuvres, appellant à sa sainte foy sans exception de personne, ores une nation et tantost une autre, gardant

par ce moyen les promesses, qu'il a faictes à son Eglise, (*Fol. 12*) assavoir de la garder de périr, et préserver des vagues impétueuses et furibondes de sathan iusques à la co[n]summation du monde que si on la chasse en l'Europe, elle sera receue en Asie. Si les Chrestiens la mesprisent, les payens l'honoreront, si l'hérétique la tourmente et assaut, les Indiens la deffendro[n]t car plustost il susciteroit les bestes brutes et créatures irraisonnables, si ainsi faut parler, que son Eglise, demeurast sans pasteur, conducteur, et deffenceur pour ceste cause et pour n'estre trouvéz ingrats envers sa sainte maiesté, après l'avoir remercié, des grâces que par sa grande bénignité, il nous fait recevoir tous les iours, nous le priérons, icelles continuer envers nous iusques à la fin, de noz iours, nous pardonnant noz fautes et offences nous octroyant son paradis et la gloire éternelle. Amen.

FIN.

Перевод⁶⁸³

Наш благий Бог и всемогущий Отец, Творец всего сущего, вечно заботящийся о спасении рода человеческого, хотя своими прегрешениями мы печалим Его и часто вынуждаем Его весьма сурово наказывать нас, не устает побуждать нас различными путями и священными увещеваниями к истинному познанию Его святой веры и христианской, римско-католической, апостольской религии, несмотря на разногласия, которые возникли в силу пренебрежения ею в наше несчастное и плачевное время в нескольких христианских монархиях, королевствах и республиках по наущению служителей сатаны, [что привело] к большому ущербу и заблуждению во всем христианстве. Тем не менее, Его священное и благое величие направлено только на то, чтобы указать нам на наши грехи и пороки, иногда одним, а иногда другим способом, дабы они стали очевидны и признаны нами, а также употребить к нам Свою святую и бесконечную милость, сохраняя Свою благосклонность и милосердие, чтобы

⁶⁸³ Перевод С. М. Рябова.

поддерживать и сохранять Свою Церковь в ее чистоте и целостности, несмотря на нападки и посягательства на нее со стороны еретиков-раскольников и других неверных. Ибо если она сотрясается и рассыпается с одной стороны, то тверда и незыблема с другой, если она отвергается одним народом или нацией, то принимается другими. Сейчас всем известно, с каким благочестием и преданностью индейцы и островитяне, народ, ранее бывший варварским, без веры и закона, теперь принял и ежедневно принимают святые заповеди, таинства и обряды Святой Апостольской и Римской Церкви. Как и некоторые христианские королевства и республики, которые также вернулись в послушание ей, отринув от себя схизмы, секты и ложные учения, которые разобщали и разделяли ее единое тело⁶⁸⁴. В частности, Королевство Швеция⁶⁸⁵, маркграфство Баден⁶⁸⁶, и, в особенности, великое и светлейшее герцогство Московия и семнадцать других прекрасных и великих герцогств, подвластных и подчиненных ему, о которых, прежде чем перейти к дальнейшему повествованию, не будет лишним сказать несколько слов, основываясь на мнениях древних и современных историков.

Описание территории Московии, нравов и религии московитов

Московия занимает очень большую территорию, расположенную частью в Азии, частью – в северных областях Европы, протяженностью двести лье. Это

⁶⁸⁴ Очевидно, автор в данном фрагменте отсылает к словам апостола Павла, приведенным в Первом послании к Коринфянам: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Эллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих» (1Кор. 12:12).

⁶⁸⁵ В 1581 г. еще были живы надежды на то, что Юхан III Васа, женатый на дочери польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I Катерине Ягеллонке, вернет свое государство в лоно Католической церкви. Как известно, этого так и не произошло: Исаев С. А. Реформация в Европе: разновидности реформационных движений // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 104.

⁶⁸⁶ Речь идет о маркграфстве Баден-Баден, где регент при малолетнем Филиппе II (1569–1588) – баварский герцог Альбрехт V Великодушный (1550–1579) – вернул католицизм в качестве официального вероисповедания: Krieger A. Philipp II., Markgraf von Baden-Baden // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 25. Leipzig, 1887. S. 759–761.

равнинная и болотистая страна, граничащая с Литовским княжеством на западе и Русью на юге⁶⁸⁷. Это очень холодная, водная и болотистая страна, где не произрастает пшеница, населенный воинственными и доблестными людьми, говорящими на славянском языке, и очень любящими охоту и крупную дичь, [водящуюся здесь] благодаря большим лесам, которые имеются в этой стране. Москва – главный город страны, столица и главная резиденция великого князя, площадью в сорок тысяч шагов, что в два раза больше, чем город Прага в Богемии. По его центру течет Москва-река, от которой город и получил свое название, вместе со всей страной. В центре этого города есть сильный замок, красивый, прекрасный и величественный, окруженный семнадцатью красивыми и крепкими башнями, и тремя большими и мощными крепостными стенами. В названном замке стоит тринадцать красивых храмов и четыре великолепных дворца, в одном из которых Его Высочество, князья и господа собираются на совет. Он [Великий князь] так охраняет границы своих владений, что никто не может въехать или выехать без его печати, даже его подданные. До сих пор они пользовались только особыми монетами овальной формы, с гербом великого князя, потому что в упомянутой стране нет рудников, ни одного металла, кроме железа. Этого народа очень боятся его соседи, которых они покорили и сделали своими данниками. На территории провинций и городов скифов, народа жестокого и коварного, расположены семь больших и обширных княжеств, именуемые Пермь, Корела, Пермь Малая, Югра, Черемиса, Холмогоры и Башкирия, для которых действуют те же законы, что и для московитов. Княжества Торжокское, Холмское, Зубцовское, Пинское, Кубенское, Рязанское, Мельское и Карголомское, богатые и густонаселенные города, все из которых, будучи языческими, приняли крещение в те времена, когда между служителями Греческой и Латинской церкви возникли разногласия по поводу церемоний, соблюдаемых в последней⁶⁸⁸. И они встали на сторону греков, соблюдая всецело их обряды, используя квасной хлеб в причастии, читая во время богослужения

⁶⁸⁷ Червоная Русь, входившая в состав Польского королевства как Русское воеводство.

⁶⁸⁸ Великая схизма 1054 г.

жизнеописание и деяния Иисуса Христа, [соблюдая] и другие церемонии, которые я упускаю для избежания многословности.

Однако вернемся к Московитам. Они и вышеупомянутые княжества, руководимые Божьим промыслом, осознали ту великую опасность, которую несут им схизма и разномыслие, и, придя к единому согласию, отправили посла к Его Святейшеству, передавая себя в послушание и повиновение Святой Католической, Апостольской и Римской Церкви, прося Его Святейшество даровать им с его святым благословением церковные и апостольские предписания, традиции и обряды. Он [Папа Римский] принял его [посла] с великой радостью и отрадой, и, чтобы удостоить их еще большего, Его Святейшество тут же поручил отцу Поссевино из Общества Иисуса, мужу красноречивому и ученому, который очень преуспел в прошлом году в Шведском королевстве, отправиться вместе с названными послами в Московию и другие соседние княжества, чтобы своими проповедями наставлять и призывать их следовать святой католической вере под руководством пастырей, которых Святой Престол пришлет туда и назначит. Вышеназванные послы были очень довольны и удовлетворены, пообещав Его Святейшеству помощь из ста тысяч мужей, оплаченных за свой счет, для обеспечения поддержки Римско-Католической Церкви против турок, еретиков и других ее врагов, дав торжественную клятву жить и умереть в послушании Церкви. В это же время Рим с большим блеском и великолепием прибыл великий посол Католического короля, чтобы со всем смирением поцеловать ноги Его Святейшества. [Он сообщил о] подчинении Португальского королевства⁶⁸⁹, новом завоевании, что также было принято [Его Святейшеством] с большой радостью. По этому поводу была вознесена хвала Господу за благополучие и процветание христианства вместе с молитвой к Его Божественному Величию об укреплении, поддержании, сохранении и приумножении в христианском и католическом благочестии и религии всех христианских государей. Его Святейшество, совершая

⁶⁸⁹ В 1581 г. Филипп II взшел на престол Португальского королевства после смерти португальского кардинала-короля Энрике I (1578–1580) и заключения Иберийской унии.

милосердные дела, собрал всех бедняков и нищих Рима, молодых и старых, мужчин и женщин, женатых и неженатых, замужних и незамужних, больных и здоровых, которых он при всеобщем восторге возглавил в процессии, идущей к святому Сиксту⁶⁹⁰, находящемуся в половине лье или около того от Рима, прекрасному и великолепному месту, хорошо обставленному, с комнатами, залами, кухнями, галереями, и другими полезными помещениями, предназначенными как для исцеления больных, так и для поддержания самочувствия здоровых, для чего Его Святейшество поставил в этих местах врачей-аптекарей и хирургов, чтобы они трудились с должным рвением и прилежанием, обеспечивая трудом здоровых и врачую больных, и чтобы все были сыты и должным образом накормлены.

Московитские послы, увидев благочестие и набожность как духовенства, так и народа Рима, были сильно изумлены тем, что они столь охотно и щедро помогают бедным, страждущим и неимущим. После довольно длительного пребывания в Риме⁶⁹¹, к большому удовлетворению Его Святейшества, обращавшегося с ними [с послами] со всей добротой, мягкостью и щедростью, они, наконец, покинули его, вновь предложив свою помощь в укреплении и защите всей христианской, католической, апостольской и римской церкви против всех ее врагов. Близ Московии есть некоторые острова, [жители] которых все еще являются варварами-идолопоклонниками и не имеют никакой религии, и которых есть надежда обратить в святую католическую веру с помощью добрых проповедников, которых Его Святейшество намерен послать туда вместе с отцом Поссевино. Так, Господь наш, заботясь о Своем Законе, дает нам знать, каковы Его деяния, призывая к Своей святой вере всех без исключения, то один народ, то другой, исполняя тем самым обещания, данные Им Своей Церкви: уберечь ее от гибели и защитить от яростных и неистовых нападков сатаны до

⁶⁹⁰ Имеется в виду церковь Сан-Систо-Веккьо, при которой располагался женский доминиканский монастырь. Папа Григорий XIII преобразовал монастырь в приют для нищих: Монтень М. Путевой дневник... С. 232.

⁶⁹¹ Истома Шевригин прибыл в Рим в конце февраля, а покинул его в конце марта 1581 г.: Дубровский И. В. Новые документы о России Ивана Грозного. С. 40.

скончания мира. Так что если она [святая вера] будет изгнана из Европы, то будет принята в Азии. Так как христиане презирают ее, а язычники чтят, пока еретики терзают и оскорбляют ее, а индейцы – защищают, то Он скорее обратится к диким зверям и неразумным существам, если можно так выразиться, ибо Его Церковь осталась по этой причине без пастыря, наставника и защитника. Поэтому, чтобы не быть неблагодарными по отношению к Его Священному Величию, благодаря Его за все милости, которые мы, по Его великой благости, получаем каждый день, мы будем молить Его, чтобы Он продолжал заботиться о нас до конца наших дней, прощая нам наши проступки и прегрешения и даруя нам Свой Рай и вечную славу. Аминь.

Конец.